

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

- Мотовникова Е.Н.** Проблема исторических типов в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского.....5
- Мюрберг И.И.** Нарративизм и социальная философия: к истории «нарративного поворота»
в современном обществознании.....12

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: ОБРАЗОВАНИЕ

- Кулакова Я.В.** Исторические факультеты педагогических вузов Восточной Сибири
на этапе становления (1930-е – середина 1950-х гг.).....18
- Еланцева О.П., Плохих С.В., Ковалева З.А.** «Я горжусь тем, что читал первую лекцию в университете»:
академик М.Н. Тихомиров и Дальневосточный университет.....25
- Гребенюк П.С.** Народное образование на Северо-Востоке России в 1950-е –1960-е гг.36

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Съемщиков Е.А.** Государственная гражданская служба в Сибири в XIX в.:
особенности структуры и кадрового обеспечения.....47
- Соколенко А.В.** Взаимодействие Хабаровского контрразведывательного отделения с другими органами
и учреждениями на Дальнем Востоке России до Первой мировой войны.....54
- Жадан А.В.** Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел Приморского края
по борьбе с преступностью в 1941-1945 гг.66
- Усов А.В.** Государственная морская спасательная служба на Дальневосточном бассейне России:
аварийно-спасательная подготовка и учения (1991–2014 гг.).....75

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Ажимов Ф.Е., Леонидова В.В.** История философии как научно-исследовательская программа:
анализ некоторых подходов в современной отечественной истории философии.....84
- Кисельников А.А.** Трудная проблема сознания в аналитической философии:
критический обзор основных концепций.....89
- Данько С.В.** Этика, предрассудки и сверхъестественное в свете идей Л. Витгенштейна.....94
- Ореханов Ю.Л.** Пэчворк-религия Л.Н. Толстого.....100
- Гребешев И.В.** Вл. Соловьев и русское неолейбницианство.....107
- Чернущ В.К.** «Трансцендентное сознание» Н.А. Бердяева.....112

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. АЛЕКСЕЕВА	доктор искусствоведения, профессор кафедры теологии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
М.Г. ЛЕБЕДЬКО	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ
А.В. ЛЫСОВА	доктор социологических наук, профессор, Центр криминологии и социально-правовых исследований (Centre for Criminology and Sociological Studies), Университет Торонто (University of Toronto)
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Вопросы философии»
Н.Е. ХАРЛАМЕНКОВА	доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии Российской академии наук
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук, помощник директора Школы гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов
допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.
размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 01.12.2016.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 14,58.
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

№ 4 (38) 2016

Sertificate
ПИ № ФС 77 32359
09.06.2008

TABLE OF CONTENTS

METHODOLOGY OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Motovnikova E.N. The problem of historical types in «Methodology of history» by A.S. Lappo-Danilevsky.....	5
Myrberg I.I. Narrativity and social philosophy: towards the history of «narrative turn» in modern social science.....	12

ANGLES OF SOCIAL DYNAMICS: EDUCATION

Kulakova Ya.V. Departments of history in pedagogical higher education institutions of Eastern Siberia, 1930s – mid-1950s.....	18
Elantseva O.P., Plokhikh S.V., Kovaleva Z.A. «I am proud that I have read the first lecture at the university»: academician Mikhail N. Tikhomirov and Far Eastern University.....	25
Grebnyuk P.S. Public education in the Northeast Russia, 1950s – 1960s.....	36

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Syemshchikov E.A. State civil service in XIX century Siberia: specifics of structure and staffing.....	47
Sokolenko A.V. Interaction of Khabarovsk counterintelligence department with other Russian bodies and agencies in the Russian Far East before the First World War.....	54
Zhadan A.V. Prevention of crime by law enforcement agencies of Primorsky krai in 1941-1945.....	66
Usov A.V. State Maritime Rescue Service on the Russian Far East basin: emergency-rescue training and exercises, 1991-2014.....	75

PHILOSOPHIA PERENNIS

Azhimov F.E., Leonidova V.V. History of philosophy as a scientific research program: an analysis of some approaches in modern Russian history of philosophy.....	84
Kislenikov A.A. Hard problem of consciousness in analytic philosophy.....	89
Danko S.V. Ethics, superstitions and supernatural in the light of L. Wittgenstein's ideas.....	94
Orekhanov Yu.L. Patchwork religion of Leo Tolstoy.....	100
Grebeshchev I.V. Vladimir Solovyev and Russian neo-Leibnizianism.....	107
Chernus V.K. «Transcendental consciousness» of N.A. Berdyaev.....	112

FOUNDED
IN 2008

FOUNDER:
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED
QUARTERLY

EDITOR-IN-CHIEF

F.E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), Professor,
Director of the School of Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

G.V. ALEKSEEVA	Doctor of Sc. (Arts), Far Eastern Federal University
N.N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Far Eastern Federal University, corresponding member of Russian Academy of Science
M.G. LEBEDKO	Doctor of Sc. (Philology), Far Eastern Federal University
A.V. LYSOVA	Doctor of Sc. (Sociology), University of Toronto
B.I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), National Research University «Higher School of Economics»
N.E. KHARLAMENKOVA	Doctor. Of Sc. (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
T.G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
S.E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

K.S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), assistant director, School of Humanities

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 1(091)

Е.Н. Мотовникова*

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ В «МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ» А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО**

В статье предпринята попытка прояснить философско-методологические взгляды А.С. Лаппо-Данилевского на историческую типологию как особое построение исторического объяснения и систематики. Анализ размышлений А.С. Лаппо-Данилевского и его комментаторов дополняется попыткой понять основания деструктивной критики им теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Автор приходит к выводу о предварительном, неокончательном характере понимания исторического типа и типологии как метода в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского.

Ключевые слова: методология истории, типология, исторические типы, А.С. Лаппо-Данилевский, культурно-исторические типы, Н.Я. Данилевский

The problem of historical types in «Methodology of history» by A.S. Lappo-Danilevsky. ELENA N. MOTOVNIKOVA (Belgorod National Research University)

The article is an attempt to clarify the methodological views of Alexander S. Lappo-Danilevsky on historical typology as a special way to construct historical explanation and systematics. The author analyses why A. Lappo-Danilevsky destructively criticized N. Danilevsky's theory of cultural-historical types. The author concludes on preliminary, inconclusive nature of the understanding of the historical type and typology as a method in the «Methodology of history» by A.S. Lappo-Danilevsky.

Keywords: methodology of history, typology, historical types, A.S. Lappo-Danilevsky, cultural-historical types, N.Y. Danilevsky

Типология как общенаучный метод применяется и понимается, как правило, тройко, в зависимости от условий интерпретации ключевого понятия «тип»: 1) сущностный тип как некий изначальный и неизменный «план строения», архетип; 2) эволюционный тип как стадия или ветвь в развитии некоего сложного иерархического целого; 3) идеальный тип как методологический аналитический конструкт, создаваемый в рамках программы исследования [6]. Научная значимость античного эссенциализма (представляющего первую интерпретацию) во время А.С. Лаппо-Данилевского была

серьезно дискредитирована позитивизмом, и в «Методологии истории» весомость взглядов Конта, Милля, Вундта и пр. признается весьма заметно и откровенно. Но что еще важнее в рамках темы статьи, это то, что на его веку были опубликованы и не прошли мимо внимания историка, тщательно следившего за методологическими новинками, важнейшие работы представителей позднейшего по времени институционализации, третьего подхода к пониманию типа – методологии идеальных типов (Дильтей, Вебер, Зиммель и др.). Для понимания и оценки сделанного А.С. Лаппо-Дани-

* МОТОВНИКОВА Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: motovnikova@bsu.edu.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 16-03-00826

левским в исторической методологии необходимо прояснить среди прочего и его позицию относительно типов, которым он уделит столь значительное внимание в «Методологии истории». Авторы одной из основных монографий о его творчестве, А.В. Малинов и С.Н. Погодин, считают даже, что в учении об исторической типологии воплотилось «в наибольшей степени теоретико-методологическое понимание Лаппо-Данилевским исторической науки» [5, с. 209].

В общей систематизации материала книги Лаппо-Данилевский исходит из противопоставления номотетического и идеографического подходов как главных методологических альтернатив в современной ему теории истории (см.: [4, с. 54-57]). Он замечает в историографическом обзоре, что «стремление изучать “типическое” находилось в связи и с отысканием законов истории» [4, с. 74] и, соответственно, свои размышления о методологии исторических типов помещает в раздел о номотетическом построении истории. Номотетический подход Лаппо-Данилевский толкует как построение сложных исторических законов, имеющих характер логической необходимости и всеобщности (см.: [4, с. 92]); как стремление объединить возможно большее число опытных фактов при помощи возможно меньшего числа общих понятий [4, с. 92-93]. Номотетизм признает научным только знание об общем (индивидуальное для него непознаваемо в научных понятиях), «значит, и естествознание, и история должны стремиться к обобщению» [4, с. 93]. Типологические обобщения – разновидность таких общих исторических понятий наряду с номологическими обобщениями [4, с. 93]. Таким образом, эти вводные рассуждения представляют нам, по-видимому, эмпирическую типологию и второй или третий способ интерпретации типа – ни о каких вечных «сущностных планах» в таком контексте речи быть не может.

Общую основу для построения научно-исторических обобщений составляют, согласно методологическим обобщениям самого Лаппо-Данилевского, четыре принципа. Прежде всего, это принципы *причинно-следственности* (как в материальных, так и в психологических явлениях) и *единообразия психофизической природы* человека, хотя, как неоднократно указывает Лаппо-Данилевский, это единообразие мало обосновано эмпирически [4, с. 102-103] и само является понятием «в сущности очень мало выясненным» [4, с. 104]. Принципы эти обеспечивают возможность (которая с номотетической точки зрения представляется необходимой целью науки истории) фор-

мулировки необходимых причинно-следственных законов в истории с такой же убедительностью, как это делается в естествознании. (Уже из многочисленных оговорок насчет неубедительности основополагающего принципа единообразия психофизической природы становится понятно, что вся номотетическая программа в целом не может быть удовлетворительной в исторической науке, но тем интереснее становится вопрос о познавательных возможностях типологии.)

Два названные принципа, однако, Лаппо-Данилевский считает не достаточными для исторического обобщения, особенно когда приходится выяснять законы отношений или изменений «между элементами целых групп или серий» [4, с. 93] в истории; и тогда к вышеназванным добавляются принципы «консенсуса» и *эволюции*. Эти два принципа – не совсем «другие» по отношению к первым: «принцип причинно-следственности комбинируется в каждом из них с другими понятиями» [4, с. 104] в статическом («консенсус») и динамическом (эволюция) рассмотрении.

Причинно-следственная связь между отдельными элементами (и их группами и сериями) процесса исторических изменений – такова общая модель истории в «Методологии» Лаппо-Данилевского, строится ли исторический причинно-следственный ряд «с логической необходимостью» (номотетически) или на основе «фактической случайности» (идеографически); дедуктивно, от целого к части и далее к индивидуальному «продукту культуры» (номотетически), или индуктивно, от взаимодействий индивидуумов со средой к обобщающим эти взаимодействия построениям (идеографически). Характерную замену понятия развития понятием изменения и его причинно-следственным описанием в исторической науке, а также философско-методологические последствия данной редукции всесторонне проанализировал Л.П. Карсавин и отметил «Методологию истории» Лаппо-Данилевского как исключительно ясное выражение этого «ошибочного и необоснованного мнения» [3, с. 22]. Это не значит, что в книге А.С. Лаппо-Данилевского совсем нельзя встретить слово «развитие», но пользуется он им (как правило, когда сама языковая традиция препятствует употреблению «изменения» – «развитие души» или «развитие человечества») в значении «планомерного» изменения, как например, в рассуждении об эволюционизме «новейшего» понимания истории: «...в отличие от Тюрго, Кондорсе, Гердера и др., Конт уже рассуждает, по крайней мере в общей теории, главным образом о развитии (*développement*), а не о “совершенство-

вании” (*perfectionnement*)» [4, с. 109-110]. «...Понятие о развитии строится ученым под условием понятия о некоем телеологическом единстве; в его формальном значении оно оказывается и для историка логическим *rigius*, под условием которого он устанавливает причинно-следственную связь между звеньями и располагает их в необратимый ряд; части этого целого он представляет себе в качестве причинно-связанных между собою и непрерывно сменяющихся во времени стадий данного процесса, как бы направленного к осуществлению известной цели...» [4, с. 223].

Истолковывая «консенсус» и эволюцию как разновидности причинно-следственного отношения [4, с. 105-110], Лаппо-Данилевский не забывает упомянуть об органической теории, в которой «давно уже получило свое приложение» понятие о согласованности и неразложимости целостных систем. Отмечает Лаппо-Данилевский и характерный для органической модели телеологизм, но и его трактует не в смысле органического развития как развертывания некоего потенциального начала, а в смысле некой общей внешней цели: «...ни одна из частей организма не может быть подвергнута существенному изменению, без того чтобы оно не отразилось на состоянии всех остальных; но такое понятие конструируется при помощи еще одного принципа – телеологического; части органического целого представляются нам воздействующими друг на друга “для того, чтобы произвести общее действие”» [4, с. 105]. Реализация принципа исторической эволюции описывается, со ссылкой на О. Конта, В. Вундта и К. Лампрехта, как изучение «психогенезиса социальной группы, народа, государства и т.п.», когда историк «... устанавливает “типические” стадии культуры; он характеризует каждую из них присущей ей “психической механикой” и выясняет ее связь с предшествующей и с последующей в причинно-следственном смысле...» [4, с. 109].

Далее, при рассмотрении вопроса о номологических обобщениях, выясняется, что понятие исторического *типа* приходится строить, исходя из необходимости давать объяснения историческим (культурным) продуктам и, одновременно, из невозможности объяснять их «настоящими» историческими законами, в силу их (законов) фактического отсутствия в исторической науке – слишком сложные комбинации факторов слишком редко повторяются, чтобы убедиться в их осуществимости как необходимых, хотя «принципиально отрицать какую-либо возможность выработки исторических законов нельзя» [4, с. 112]. Сама по себе мысль о том, что если нельзя сформулиро-

вать и обосновать строгую причинно-следственную закономерность, то приходится конструировать какую-то другую форму объяснения, вполне понятна. Но о том, как именно он представляет себе процесс объяснения историко-культурных явлений, Лаппо-Данилевский высказывается не слишком ясно: «В сущности историк-социолог превращает законы комбинаций психологических факторов в типизацию их, но он придает типическим комбинациям значение реальных факторов. При помощи такого построения историк-социолог вырабатывает понятия, которые я назову понятием о племенном (или, в более узком смысле, о национальном) типе и понятием о культурном типе (данного периода); если приравнять названные типы к реальным комбинациям причин, можно ставить их действия в связь с соответствующими культурными продуктами» [4, с. 113]. Требуемый объяснения «культурный продукт» получает причинное объяснение в «комбинации психических факторов», характерной для данного племени или культуры: «Подобно тому, как психолог устанавливает известные типы характеров отдельных индивидуумов, причем усматривает некоторые закономерности в соотношении между характером данного типа и соответствующими поступками, так и историк может стремиться построить психический тип данного племени или народа и его свойствами объяснять соответствующие массовые движения и продукты культуры» [4, с. 115]. Иными словами, объяснение деятельности исторического субъекта строится аналогично психологическому, а именно обобщенно-характерологическому, истолкованию поступков и действий отдельного человека. Контекст размышлений не дает возможности уточнить смысл реплики об историке, который «придает типическим комбинациям значение реальных факторов». Что они в действительности не имеют этого значения, и тогда тип – идеальный конструкт? Или что это невозможно (или пока не удалось) установить, но гипотетически предполагается? «В реалистических построениях психического типа данного племени или данной нации и “культурного” типа, поскольку они рассматриваются как сложная комбинация причин, порождающая соответственные продукты культуры, можно, таким образом, усмотреть попытку установить некоторую законосообразность отношений в данной последовательности не с чисто психологической, а с историко-психологической точки зрения» [4, с. 121]. И здесь А.С. Лаппо-Данилевский последователен в своей приверженности объявленному принципу причинно-следственного отношения: «Не устанавливая логически необходимой и всеоб-

щей причинно-следственной связи, эмпирическое обобщение только формулирует некое единообразие в последовательности или в сосуществовании такого отношения, которое обнаружилось во всех случаях, подвергшихся нашему наблюдению... Только тогда, когда комбинация психических факторов сама будет подведена под закон, и исторические обобщения, при объяснении которых мы пользуемся такой комбинацией, получают характер законов. <...> Историкам, стремящимся к открытию их, в лучшем случае приходится пока довольствоваться гадательными эмпирическими обобщениями» [4, с. 124-125].

Критически рассматривая номологические исторические обобщения, Лаппо-Данилевский констатирует размытость границы между ними и обобщениями типологическими [4, с. 138], но тем не менее посвящает отдельный параграф типологическим обобщениям, хотя так и не находит в них необходимой постоянно и единообразно действующей причинности и даже допускает возможность произвольного толкования значения культурного типа [4, с. 139]. Казалось бы, это свидетельствует в пользу конструктивистского понимания природы типа, тем более что Лаппо-Данилевский неоднократно повторяет: «всякий тип есть наше построение» [4, с. 138]. Но это общее утверждение опровергается рассуждениями о репрезентативном типе [4, с. 128], о типе морфологическом, генеалогическом или эволюционном, феноменологическом типах [4, с. 128-130, 140], а также важным признанием, что понятие типа есть «понятие растяжимое» [4, с. 129] и что типологии различаются, в зависимости от познавательных целей, для которых они проводятся.

Если в разделе о номологических обобщениях рассматривалась (и признана довольно слабой) возможность использовать тип для объяснения «культурных продуктов», то в следующем параграфе, посвященном непосредственно типологическим обобщениям, прямо говорится, что в историческом исследовании тип используется «не для объяснения материала (в номологическом смысле), а только для его систематики» [4, с. 128]. К сожалению, нельзя согласиться с А.В. Малиновым и С.Н. Погодиным, которые утверждают, что «к проблеме типологии историк пришел от критики номотетического и идиографического методов. В этом учении можно видеть тот “средний путь”, который Лаппо-Данилевский хотел предложить исторической науке» [5, с. 209]. У Лаппо-Данилевского речь идет о среднем по объему способе осмысления исторической эмпирии между индивидуальным и общим, однако, хотя при идео-

графическом подходе историк «прибегает к готовым обобщениям в качестве средств» [4, с. 180], «употребляет “тип” как своего рода критерий для установления степени отклонения от него данной индивидуальности» [4, с. 182], все же сам тип конструируется, несомненно, в рамках номотетического направления: «Содержание его оказывается общим многим отдельным предметам и поскольку такое представление сопровождается мыслью, что оно представляет собою целую группу однородных представлений... тип есть научно установленное общее представление...» [4, с. 126].

А.В. Малинов и С.Н. Погодин обнаруживают связь между содержанием «Методологии истории» и более ранними методическими поисками историка: «Тип следует понимать как экзemplификацию общего. В одном из своих первых курсов Лаппо-Данилевский следующим образом обосновывал необходимость типологизации в качестве способа выражения общих понятий: “Общие понятия должны быть представлены в типических образах, т.е. единичных, но характерных случаях, в которых ученик мог бы всегда чувствовать проявление общих начал”» (курсив мой. – прим. авт.). [Цит. по: 5, с. 212] Здесь понятие типологии некорректно отождествляется с понятием типизации как приема художественно-эстетического изображения, а не научного конструирования, создания не обобщенно-типологического, а индивидуально-своеобразно-типического, характерного. Основание для такой подмены дает, впрочем, сам Лаппо-Данилевский, не только когда использует слово «типизация» как синоним «типологизации», но и когда в параграфах, посвященных рассмотрению идеографических исторических индивидуализаций, наряду с продолжением использования понятия типа в значении типологического обобщения, употребляет его и в значениях «репрезентативно-типического» как значительного, исторически-значимого [4, см. с. 181], и в значении просто характерного: «типические для данного времени факты (если они типичны) получают значение и с идеографической точки зрения» [4, с. 181].

Трудность прояснения мысли автора о строении типа как мысленного конструкта усиливается тем, что национальный и культурный типы приводятся Лаппо-Данилевским в качестве примеров как типа идеального (теоретического), так и морфологического (эмпирического) (ср.: [4, с. 128] и [4, с. 138-139]). Эти противоречия не помогают разрешить и исходное описание Лаппо-Данилевским построения данных (основных для истории) типов на заявленных принципах

причинно-следственности, единообразия психофизической природы человека, консенсуса и эволюции. «В основе обоих понятий лежит мысль о законосообразной комбинации психических факторов, соответственно производящей при тождественности условий одни и те же следствия: только постоянство такого соотношения в понятии о племенном типе строится преимущественно во времени, а в понятии о культурном типе – преимущественно в пространстве...» [4, с. 113]. Кроме уже оговоренной причинно-следственной связи, здесь, как видно, вводятся параметры *пространства* и *времени*, которые якобы позволяют разграничить понятия национального (племенного) и культурного типов в истории. Появление общенаучных категорий пространства и времени в исторической методологии, конечно, вполне ожидаемо, тем более что и поясняется далее вполне тривиально: «...лишь понявши, почему изучаемый факт оказался в данном месте и случился в данное время, можно объяснить себе, почему он в качестве части получил такое, а не иное реальное значение для данного целого... и только представивши его в определенном индивидуальном положении в пространстве и во времени, можно судить о его реальном значении для того целого, частью которого он оказывается» [4, с. 202]. Но что это значит применительно к типам – из пространственно-временных характеристик следует культурное и национальное значение или наоборот? Почему племенной тип постоянен во времени, а культурный в пространстве, а не наоборот? «Различие указанных точек зрения видно из того, что, рассуждая о племенном типе, мы говорим: все люди, принадлежащие данному племени, хотя бы они были разных поколений, должны иметь нечто общее между собой в психическом отношении; а рассуждая о культурном типе, мы говорим: все люди, находящиеся на данной стадии развития культуры, хотя бы они принадлежали к разным племенам (нациям), должны иметь нечто сходное или общее между собою в психическом отношении...» [4, с. 113-114]. В этом якобы объясняющем различие рассуждении легко поменять местами понятия «племенной» и «культурный», так же и «племя» и «культура» – и его осмысленность и убедительность несколько не пострадают, хотя автор варьирует отношения между понятиями «психические типы» и «повторяемость продуктов» культур и племен еще на нескольких страницах. Косвенное подтверждение мнимости различия между временным и пространственным параме-

трами типов можно встретить в еще одной значимой монографии о Лаппо-Данилевском, где вполне компетентный автор, излагая его учение о племенном и культурном типах, характеризует их, исходя, очевидно, из смысла понятий «консенсус» и «эволюция», и у него получается, по сравнению с оригиналом, именно «наоборот»: «Согласно ученому, племенной тип конструируется с помощью метода консенсуса в пространстве; культурный тип – с помощью метода эволюции во времени» [7, с. 118]. Разумеется, текст от этого несколько не пострадал и, думаю, никто из читателей этой известной книги «ошибку» даже не замечает.

Наконец, нельзя обойти вниманием деструктивно критическую позицию А.С. Лаппо-Данилевского по отношению к теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, в которой он усмотрел якобы некорректное «смешение» двух разных типов: «Некоторые ученые смешивали понятие о национальном типе с понятием о культурном типе и придавали известным народностям значение постоянных культурно-исторических типов. Не говоря уже о том, что естественнонаучную предпосылку этой теории нельзя признать правильной, такое построение противоречит и собственно историческим фактам: ведь один и тот же народ в разные периоды своего развития может принадлежать разным культурным типам; вместе с тем нельзя не заметить, что и разные слои одного и того же общества могут оказаться разных культурных типов; стоит только припомнить хотя бы тип «первобытного человека» или тип «светского человека», не столько связанного с своим народом, сколько подчиняющегося условностям того международно-общественного круга, к которому он принадлежит» [4, с. 118]. Крайне неудачные примеры «типов» доисторического «первобытного человека» и неопределенного, как мог бы сказать сам А.С. Лаппо-Данилевский, ни в пространстве, ни во времени, то есть тоже не исторического, «светского человека» можно, пожалуй, объяснить неокончательным характером текста книги. Существенны, однако, методологические замечания о смешении типов и о естественнонаучной предпосылке теории. Уже через три страницы Лаппо-Данилевский справедливо замечает, что «нельзя принимать во внимание только один из типов – или племенной, или культурный – для объяснения из него данного продукта культуры; оба вместе, конечно, оказывают в известной мере влияние на данный продукт; <...> историк не может довольствоваться одним из вышеуказанных понятий для объяснения их

возникновения; с такой точки зрения изучаемый писатель, например Лафонтэн, рассматривается как продукт не только данной национальности, но и культуры данного времени, его произведения признаются выражением общества данного периода, его настроения, его вкусов, его стремлений и т.п.» [4, с. 121] – как видим, и культурная разница между слоями общества может не иметь значения в некоторых случаях. Уместность применения в исторических науках естественнонаучных методов обобщения получает оправдание в следующем параграфе, при описании разновидностей типологических построений, в частности, морфологического типа, который «сыграл заметную роль и в естествознании, и в языкознании; пользуясь тем же построением, социологи рассуждают о «типах общественного строения», о формах правления и т.п.» [4, с. 130]. Таким образом, оба критических замечания опровергаются словами самого А.С. Лаппо-Данилевского, и это указывает на искусственный, придуманный характер критики, основанной в первую очередь на идейном предубеждении европоцентриста [7, с. 132] против славянофила. Однако здесь можно усмотреть и неотрафлированный методологический конфликт: для Н.Я. Данилевского культурно-исторический тип развития – не «наше построение», а онто-историческая реализация божественного плана строения (тип в первом, античном смысле), «проявление самого духа, стремящегося осуществить типы добра, истины и красоты» [2, с. 71]; для него абсолютно неприемлем абстрагирующий социологизирующий разрыв национального и культурного в историческом анализе; а с другой стороны, его несколько не смущает отсутствие «причинно-следственности» в эмпирически выявленных закономерностях, непостижимость таинственных основ органического исторического *развития* народов и культур. Для А.С. Лаппо-Данилевского, судя по всему, ценность концепций российских мыслителей определяется не их самобытностью, а напротив, степени их совпадения с европейскими учениями, и в этом его настроении научного «западничества» ему трудно было оценить адекватно теорию культурно-исторических типов.

Этот познавательный настрой помешал Лаппо-Данилевскому не только внимательно прочесть «Россию и Европу» и оценить методологическую строгость и «объективность естествознания», отмеченные его учителем К.Н. Бестужевым-Рюминым [1, с. 435], благословившим его на разработку теоретико-методологических проблем истории [8, с. 113; 7, с. 60], но главное – он не увидел в

работе Н.Я. Данилевского многих интересных и важных для себя и своих изысканий методологических идей. Среди них, например, различение степеней развития и типов развития [2, с. 71, 73]; типологические черты народного характера [2, с. 113], в том числе как ключ к объяснению различий между абсолютными и общими ценностями [4, с. 198]. Можно предположить, что актуальным для Лаппо-Данилевского, с точки зрения анализируемой им методологии идеографического подхода, могло стать незамеченное им использование культурно-исторической типологии для сравнительного изучения «конкретной действительности» историко-культурной индивидуальности [4, с. 141-142, 221], которое особенно полно показано Н.Я. Данилевским на славянском и романо-германском типах.

В целом можно сказать, что А.С. Лаппо-Данилевский провел большую предварительную обзорно-энциклопедическую, частично аналитическую и критическую работу, но определенно не успел разработать и сформулировать то, что можно было бы назвать методологическим учением об исторической типологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, Изд-во «Глаголь», 1995. С. 432-462.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, Изд-во «Глаголь», 1995.
3. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО Комплект, 1993.
4. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006.
5. Малинов А.В., Погдин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: «Искусство-СПБ», 2001.
6. Огурцов А.П. Типология // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iphras.ru/elib/3019.html>
7. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.
8. Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX-XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 4. С. 105-121.

REFERENCES

1. Bestuzhev-Ryumin, K.N., 1995. Teoriya kul'turno-istoricheskikh tipov [The theory of cultural-historical types]. In: Danilevskiy, N.Ya., 1995. Rossiya i Evropa. Sankt-Peterburg, pp. 432-462. (in Russ.)
2. Danilevskiy, N.Ya., 1995. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
3. Karsavin, L.P., 1993. Filosofiya istorii [Philosophy of history]. Sankt-Peterburg: AO Komplekt. (in Russ.)
4. Lappo-Danilevskiy, A.S., 2006. Metodologiya istorii [Methodology of history]. Moskva: Territoriya budushchego. (in Russ.)
5. Malinov, A.V. and Pogodin, S.N., 2001. Alexander Lappo-Danilevskiy: istorik i filosof [Alexander Lappo-Danilevsky – historian and

philosopher]. Sankt-Peterburg: Iskustvo-SPB. (in Russ.)

6. Ogurtsov, A.P., 2010. Tipologiya [Typology]. In: Novaya filosofskaya entsiklopediya. URL: <http://iphras.ru/elib/3019.html> (in Russ.)

7. Rostovtsev, E.A., 2004. A.S. Lappo-Danilevskiy i peterburgskaya istoricheskaya shkola [A.S. Lappo-Danilevsky and St. Petersburg historical school]. Ryazan. (in Russ.)

8. Rostovtsev, E.A., 2000. N.I. Kareev i A.S. Lappo-Danilevskiy: iz istorii vzaimootnosheniy v srede peterburgskikh uchenykh na rubezhe XIX-XX vv. [N.I. Kareev and A.S. Lappo-Danilevsky: from the history of relations among scientists in St. Petersburg at the turn of 19-20 centuries], Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii, Vol. III, no. 4, pp. 105-121. (in Russ.)

НАРРАТИВИЗМ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: К ИСТОРИИ «НАРРАТИВНОГО ПОВОРОТА» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВОЗНАНИИ

Статья содержит анализ проблемы «нарративного поворота», проведенный с привлечением имеющихся знаний о социально-философском контексте, в которых происходил данный поворот. Последний представлен как вполне ожидаемая реакция на антинарративистский настрой, проводником которого стала появившаяся в постклассический период европейская аналитическая философия. Осуществленное в статье сравнение существующих концепций нарратива позволяет определить их философский смысл в терминах этики. Данный вывод значим для социально-политических исследований в рамках современной философии.

Ключевые слова: постклассическая философия, нарративизм, антинарративизм, этическая релевантность, социально-политическая философия

Narrativity and social philosophy: towards the history of «narrative turn» in modern social science. IRINA I. MYRBERG (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article analyzes the problem of «narrative turn» by addressing itself to the twentieth century philosophical and social background. The turn is presented as an expectable reaction to the antinarrativistic predisposition displayed by the rise of European analytical philosophy in the postclassical period. Comparison of the existing concepts of narrativity allows us to define its philosophical message in ethical terms. This inference is of certain relevance to social and political concerns of contemporary philosophy.

Keywords: postclassical philosophy, narrativism, antinarrativism, ethical relevance, socio-political philosophy

Философский пролог современного поворота к нарративу

Из всех существующих на сегодняшний день прогнозов касательно тенденций развития научного знания в новом XXI в., наиболее заметными, знаковыми представляются те, которые предвещают прорывные достижения в области *социальной философии*. Это не случайно: философский разум предшествующего XX в. фактически представим в виде череды ярких «поворотов» – глобальных смен направленности идейно-теоретического по-

иска, сигнализировавших об исчерпанности теоретических импульсов, запустивших модернизационный цикл «классического» XIX в.

В целом XX в. с самого начала заявляет о себе как эпоха совпадения во времени совершенно разнонаправленных процессов: становление системы «государств всеобщего благоденствия» (welfare states) идет в Европе параллельно и независимо от хаоса Первой мировой войны и причиненного войной цивилизационного шока. Аналогичным образом изгнание понятия «свобода» из официального

языка политического истеблишмента социальных государств соседствует с противоположными по направленности процессами в европейской интеллектуальной жизни: здесь, как и в философии Ф. Ницше, самого яркого и парадоксального мыслителя рубежа эпох (он завершает XIX в.), чрезвычайно сильна активистски-индивидуалистическая составляющая формирующегося нового мировоззрения. Так, возникшая в конце 1920-х гг. феноменологическая школа в лице Э. Гуссерля и М. Хайдеггера предпочитает трактовать мир как «горизонт трансцендентальной субъективности». Гуссерль констатирует факт вступления научного знания (а с ним и мировоззрения европейцев в целом) в стадию исчезновения веры в «абсолютный» разум, из которого мир получает свой смысл – веры в смысл истории, смысл человечества, в его свободу, понимаемую как способность человека придавать разумный смысл своему индивидуальному и всеобщему человеческому «вот-бытию». В первой трети «постклассического» века феноменологии принадлежит духовное лидерство в плане формулирования установок на новое мышление. Мы, философствующие заново, пишет Гуссерль в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», осуществляем выход из установки естественного человеческого бытия, предшествующей («не случайным, а существенным образом») той установке, которая никогда не прерывалась в его историчности ни в жизни, ни в науке. Теперь необходимо действительно уяснить себе, что взгляд философа впервые на деле становится свободным от внутренней связанности с идеей *предданности мира*. Такая «полностью свободная философия», воплотившая в себе пафос отказа от прежних мировоззренческих установок, не могла не отражать свойственного новой интеллектуальной эпохе духа отрицания: его находим мы также в родственной феноменологии философии экзистенциализма (Ж.-П. Сартр и др.).

Своей разноплановостью и неравнозначностью подобные теоретические повороты (интересно, что все они происходили на фоне ширящихся практик институционализации в европейском мире *социальных государств*) сигнализировали о радикальности интенсивного творческого поиска, обусловленного общей неудовлетворенностью традиционными представлениями об обществе, сложившимися за период господства «классического» типа философствования. Внешнюю (событийную) обусловленность социально-политической мысли начала XX в., как правило, описывают в терминах захвативших Европу глобальных катаклизмов (войн, революций, политических пе-

реворотов). Подобное вполне оправданно. Но тем более интересным предстает на данном фоне отмеченное нами непрерывное поступательное движение, развернувшееся в области социально-политического строительства. Понятно, что неклассическая философия начала века с ее творческими метаниями никак не могла служить духовно-теоретическим фундаментом для какого бы то ни было созидательного процесса. Этот вывод заставляет нас обратиться к другому – «лингвистическому» – повороту.

«Лингвистический поворот» и его вклад в антинарративистский тренд

«Лингвистический поворот», начало которого связано с именем Л. Витгенштейна, с появлением в 1921 г. его «Логико-философского трактата», являлся частью более общего направления, вошедшего в академическую философию на рубеже веков с публикацией в 1903 г. работы Дж. Э. Мура «Опровержение идеализма». Возникшая таким образом *аналитическая школа* также вдохновлялась неприятием философских течений ближайшего прошлого (в данном случае, абсолютного идеализма, господствовавшего в британских университетах конца XX в.). Одновременно, эта критика сразу же оформилась в проблему установления «истинных смыслов» используемых исследователями терминов и утверждений. Так, единомышленник Мура Б. Рассел изначально выделял в качестве первостепенной философской проблемы так называемый факт «философской неадекватности» повседневного языка как средства формулирования теоретических проблем, вследствие чего центральной задачей нового направления стала разработка логических средств достижения истинной *языковой* формы, соответствующей запросам современной теории. Соответственно, «новая философия» виделась данным направлениям мысли как центрированная на языке (точнее, на его критическом анализе). Отсюда общепринятое утверждение о том, что аналитическая философия появилась на свет благодаря «лингвистическому повороту».

Аналитическая философия была изначально оппозиционна описанным выше системам мысли, рожденным из альтернативных «поворотов» (феноменологического, герменевтического и т.п.), в своем отказе от широких обобщений и попыток построения «картин мира». Надо сказать, что уже в 1910 г. основоположник направления Мур отказался от так понимаемых принципов аналитической философии в пользу реалистических принципов «философии здравого смысла», тогда как

* МЮРБЕРГ Ирина Игоревна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

E-mail: irina.myrberg@gmail.com

© Мюрберг И.И., 2016

Рассел, совместно с Л. Витгенштейном, вплоть до 1930-х гг. сохраняли верность принципам философской аналитики, но уже в форме «логического атомизма». Согласно «логическому атомизму», язык логики строит свои предложения из элементов, соответствующих основным составляющим мира – аналогично тому, как все мы строим свои предложения из слов. Далее, комбинация слов в составе осмысленного предложения отражает комбинацию составных элементов логического высказывания (в случае, если то и другое подчиняется правилам символической логики). Простейшая единица такого высказывания получила в теории Витгенштейна-Рассела названия «атомарного факта». Согласно такому пониманию, истина любого анализируемого объекта/процесса изоморфна истинности высказывания, построенного по законам символической логики. Сказанное распространяется также на высказывания/факты более высокого («молекулярного») уровня. Правда, действенность подобных логических «процедур установления истинности» (enacting truth-functional logic), как было признано создателями теории «логического атомизма», не распространяется на такие явления нашего мира, как те, что обозначаются терминами долженствования, веры, возможности и необходимости. Мало того, отношение к подобным терминам как к разрывам в логической цепи не представлялось им теоретически продуктивным ходом.

Л. Витгенштейн перед вызовом постклассической философии

Таким образом, с одной стороны, само существование аналитической философии поддерживало позитивистски ориентированные идеологии в сфере социально-политического развития стран Запада, а с другой, наличие неподвластных ей сфер бытия по-своему спровоцировало расцвет постклассических философских учений экзистенциального толка.

Это состояние распада философии на разделенные пропастью полюса – экзистенциальный и логически-позитивистский – было отрефлектировано самим Витгенштейном. Надо сказать, такой рефлексивности способствовали отмеченные Р. Карнапом черты личности философа: образ действия Витгенштейна по отношению к людям и проблемам даже на теоретическом уровне демонстрировал креативность скорее художественного, нежели научного толка. Будучи философом-визионером, своими теоретическими открытиями Витгенштейн производил на коллег впечатление снизошедшего на него божественного откровения.

Это порождало в его позитивистски мыслящих последователях неловкое ощущение, что любые поползновения трезво-рационалистически комментировать или анализировать очередную из его новаций будут профанировать ее...

Его теоретическим завещанием стали по-смертно опубликованные «Философские исследования», в которых имеет место решительное дистанцирование от «языка логики» и переход на позиции анализа языка повседневного общения людей. Проблемы классической философии видятся поздним Витгенштейном как результат анализа языка в момент, когда он «уходит на каникюль», т.е. изымается исследователями из всей совокупности необходимых контекстов. Вернуть жизнь языку как объекту исследования – задача, решаемая философом с помощью теории «языковых игр»; последние составляют то «множество», внутри которого функционирует и развивается живой язык.

«Языковые игры»:

от Витгенштейна к Лиотару

Едва ли в «Философских исследованиях», этой оборванной на полуслове речи Витгенштейна о «языковых играх», было что-либо, способное заставить его предположить, что стремление работать с живым языком послужит прологом к очередному (на этот раз, нарративистскому) «повороту» в европейской философии XX в. Между тем, нельзя не согласиться с замечанием А.В. Борисенковой о том, что к концу века не только гуманитарные, но и социальные науки в широком дисциплинарном диапазоне подпали под «очарование» феномена нарратива. Общим местом нарратологических дискуссий являются определение нарратива как формы дискурса, фокусирование на его темпоральных характеристиках. Для этих дисциплин, утверждает Борисенкова, данное понятие означает нечто иное, чем привычное «повествование», «повествовательный текст», «рассказ». Скорее оно сближается по объему с расширительным употреблением слова «сюжет». Тем самым современное понятие нарратива берет на себя роль носителя смыслов, дефицит которых испытывает европейская философия, находящаяся примерно с середины XX в. под сильным влиянием антинарративистских интеллектуальных тенденций. Так формируется фиксируемое исследователями парадоксальное событие: нарратив, который первоначально был просто объектом критического исследования в рамках аналитической философии, возвращает себе былое значение и превращается в концептуальную схему.

Впрочем, говорить о «возвращении» не вполне корректно – хотя бы уже потому, что изменил свою природу сам историко-культурный запрос на это понятие, существовавшее (в том или ином виде) с глубокой древности. Для нашей темы важен тот факт, что феномен нарратива путешествовал по истории рука об руку с самим понятием истории и особое значение приобрел лишь на этапе универсализации ключевых понятий Нового времени. Как пишет об этом Р. Козеллек, до 1780 г. понимание истории допускало привязку этого понятия исключительно к конкретным объектам или субъектам, т.е. осмысленными были словосочетания «история Карла Великого», «история Франции», «история цивилизации». И только канун Великой французской революции породил духовный настрой, позволивший говорить об истории как таковой. Стала возможной рефлексия истории о самой себе без привязки к событиям и лицам. Именно тогда и возникло типичное для европейского модерна противопоставление исторического и природного в жизни человека и общества.

Нет ничего удивительного в том, что с наступлением эпохи постклассической философии эта классическая историсофская позиция столкнулась с самым резким неприятием. В предисловии к русскому изданию «Нищеты историцизма» (оригинальное издание вышло в 1957 г.) Поппер пишет: «История – то, что случилось в прошлом. Это не река и не сила. История – всегда заканчивается сегодня, в этот самый момент времени. Начиная с сегодняшнего дня мы сами, ваша воля, наши убеждения – вот что может влиять (хотя, конечно, лишь отчасти) на то, что случится в будущем. Мы способны влиять на будущее, и не только посредством наших этических убеждений, но и с помощью нашей готовности принять на себя ответственность, с помощью критического к себе отношения, благодаря способности учиться и разучиваться, благодаря нашему скептицизму в оценке идеологий, особенно идеологий исторического характера» [6, с. III]. Произошедшее в прошлом ни по каким разумным основаниям не может служить основанием для ожиданий, что то же самое будет повторяться и впредь. Позже Поппер не раз пытался прокомментировать собственную нелюбовь к историцизму, так как в указанной книге он преимущественно оперировал обличающими «историцизм» примерами из недавнего прошлого. В теоретическом плане историцизм, согласно Попперу, неприемлем в силу его методологической слабости: по основаниям строго логического характера предсказать течение событий невозможно.

Между тем, нарратив как феномен культуры и как объект социально-политической философии интерпретируется (и культурой, и философией) отнюдь не в качестве инструмента предсказания течения событий. У нарратива более сложная культурная функция, «расшифровкой» которой западная философия занимается примерно со времени выхода в свет книги «Состояние постмодерна» (1979) [5]. В этой знаменитой работе Лиотар заявляет об утрате современным обществом веры в метанарративы, а значит – об ослаблении легитимирующей силы нарративов такого рода: их, по убеждению Лиотара, вытесняют «микронарративы». Наиболее адекватным теоретическим основанием возможности выполнения этими последними функции базовой единицы общества предлагается считать витгенштейновскую «теорию игр», интерпретируемую сторонниками «микронарративов» опять же в духе отрицаемого ими самими метанарратива. Общество описывается здесь как скопление бесчисленных «узких контекстов», каждый из которых обладает собственными четкими и ясными (правда, порой трудно распознаваемыми извне) правилами. Понятие «языковых игр» нужно Лиотару для нахождения более или менее убедительного объяснения того, как возможно реализовать внутри образуемого данным нарративным множеством *метанарратива* (без этого общего понятия не может обойтись и сам разоблачитель метанарративов) такого важного условия сосуществования, как справедливость. Особый акцент на справедливости выдает идейную зависимость социально-философских воззрений Лиотара от теоретических построений Дж. Ролза; на самом же деле набор этико-культурных «скреп» общества, как известно, одной справедливостью не ограничивается.

Фактически, параллельно с лиотаровской формировалась антинарративистская позиция социолога П. Бурдьё. Именно неучет социологических особенностей современного общества является в его работах основанием для критики нарративизма. Прежде всего, теориям, построенным на принципах нарративизма, какими их видит Бурдьё, абсолютно не свойственно привлечение социологических реалий, а значит – объяснительная модель этих теорий нуждается в проверке с точки зрения современных социологических знаний. Современный индивидуум представляет собой систему наложенных на его жизнь извне, т.е. объективных отношений. Эта объективность не имеет ничего общего с природными параметрами его существования, в том числе с темпоральным

его аспектом. Мало того, даже в этой «сверхприродной» среде человек не един: его идентичность распадается на множество выполняемых им социальных ролей, делающих его семьянином или холостяком, рабочим или интеллектуалом, руководителем или рядовым членом команды, а также представителем разных типов поведения в рамках любой из этих ролей. Таким образом, его личные истории далеко не всегда выстраиваются в последовательность, чаще они пересекаются между собой, образуя сеть. В пределах этой сети ряд функций и ролей признаются обществом как важные и фиксируются объективными (документальными) средствами, другие остаются неформализованными.

Это весьма полезная критика современного обращения к нарративу. Она позволяет отсечь те дисциплинарные области, в которых принцип нарративизма не работает, и попытаться содержательно рассмотреть вопрос о рамках применимости данного принципа. Схожим значением обладает критика нарративизма, когда она исходит от таких авторов, как Ф.-Р. Анкерсмит, автор исследования «Нарративная логика. Семантический анализ языка историка». Анкерсмит считает нарративные основания исторического знания достойным объектом теоретического анализа. Одновременно с этим, он предлагает обзор стоящих перед этим направлением проблем. В частности, как указывает А.В. Борисенкова, «в новейшей работе “История и тропология: взлет и падение метафоры” он подробно рассматривает дилемму, стоящую перед современной англосаксонской философией истории: пойти по пути эпистемологической философии, занимающейся поиском критериев истинности и обоснованности исторических описаний, или последовать за нарративистской философией, фокусирующейся на природе текстуальности. Анкерсмит проводит тщательную реконструкцию основных положений нарративистской философии истории (аргументов У.Б. Гэлли, Х. Уайта, Д. Карра и П. Рикёра), благодаря которым она все же осуществила лингвистический поворот в философии истории и заняла прочное место на интеллектуальной арене» [4].

Современный нарратив в системе социально-политической философии

Все сказанное позволяет перейти к тому, что представляется наиболее философичной на сегодняшний момент постановкой вопроса о современности нарратива, о релевантности его этико-культурной и, опосредованно, социально-политической проблематике.

Критика нарративизма Г. Стросоном (см.: [2]) имеет своим объектом те представления о нарративе, которые наиболее часто используются в гуманитарных исследованиях наших дней. Здесь Стросон выделяет два типа аргументации: «Первый представляет собой дескриптивное, эмпирическое утверждение, касающееся природы заурядного человеческого существования: «каждый из нас постулирует и проживает некий «нарратив»... этот нарратив и есть мы, наша идентичность» (Оливер Сакс); «Я есть постоянно переписываемая история... в конце-концов, мы превращаемся в автобиографический нарратив, с помощью которого мы повествуем о своей жизни» (Джерри Брунер); «мы все являемся романистами-виртуозами... Мы стремимся преобразовать материал своей жизни в хорошую стройную историю. Она и становится нашей автобиографией... а мы – ее главным придуманным персонажем» (Дэн Деннет). Второй тип аргументации является нормативным, этическим: нам следует жить нарративно, создавать свою жизнь; «то, что собственная жизнь постигается нами как нарратив, является неотъемлемым условием», мы воспринимаем свою жизнь «как разворачивающуюся историю» (Чарльз Тейлор); личность «формирует свою идентичность [исключительно] через построение автобиографического нарратива – истории своей жизни, обладание полностью сформулированным нарративом [собственной жизни] нужно нам для полноты личностного саморазвития» [1].

Рамки данной статьи не позволяют нам подробно изложить аргументацию Стросона, проистекающую из философии панпсихизма, представителем которой он является. Вместо этого хотелось бы воспользоваться приведенными им формулировками «нарративистского кредо» с тем, чтобы предложить собственные уточнения к ним. Речь идет о нарративной природе современной идентичности – она, как следует из сказанного выше, формируется причастностью каждого к нарративу. Нарратив же неизменно отсылает к чему-то большему, чем просто единичное Я. В синонимическом ряду: narrative, account, recital, history (термин «нарратив» пришел из современного английского) нарративу отведено место наиболее общего понятия: это «повествование вообще; относительно его не уточняется ни продолжительность, ни временная принадлежность, ни отношение к реальности, ни цель». В этой связи Анкерсмит, говоря, например, о политике и истории, предпочитает пользоваться понятием репрезентации, которое, по его мнению, «по сути, ... сводится к акту эстетического синтеза» [3, с. 9-10]. С этим мнением

можно согласиться, добавив, что понятие нарратива призвано выполнять в современности функцию этического синтеза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schechtman, M., 2004. Self-expression and self-control. Ratio, Vol. 17, no. 4, pp. 409-427.
2. Strawson, G., 2005. Against narrativity. Ratio, Vol. 17, no. 4, pp. 428-451.
3. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
4. Борисенкова А.В. Нарративный поворот и его проблемы (Обзор публикаций по нарратологии) // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 327-332.
5. Лиотар Ж. Состояние постмодерна. М., 1998.
6. Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

REFERENCES

1. Schechtman, M., 2004. Self-expression and self-control. Ratio, Vol. 17, no. 4, pp. 409-427.
2. Strawson, G., 2005. Against narrativity. Ratio, Vol. 17, no. 4, pp. 428-451.
3. Ankersmit, F.R., 2012. Politicheskaya reprezentatsiya [Political representation]. Moskva: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (in Russ.)
4. Borisenkova, A.V., 2010. Narrativnyy povorot i ego problemy (Obzor publikatsiy po narratologii) [Narrative turn and its problems (review of publications on narratology)], Novoe literaturnoe obozrenie, no. 103, pp. 327-332. (in Russ.)
5. Lyotard, J., 1998. Sostoyanie postmoderna [The postmodern condition]. Moskva. (in Russ.)
6. Popper, K., 1993. Nishcheta istoritsizma [The poverty of historicism]. Moskva. (in Russ.)

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 378.637:9(571.5)(091)

Я.В. Кулакова*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ (1930-е – середина 1950-х гг.)

Процесс становления историко-педагогического образования в высшей школе Восточной Сибири проходил в 1930-е – середине 1950-х гг. На данном этапе вузы Иркутска, Читы, Красноярска и Улан-Удэ решали ряд схожих проблем, связанных с набором студентов, нехваткой педагогических кадров, организацией учебного процесса. Автор приходит к выводу о том, что развитие исторических факультетов в педагогических вузах проходило в русле общегосударственных установок, среди которых главным было формирование личности учителя истории – пропагандиста и воспитателя коммунистических идей в советском обществе.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, высшее образование, историческое образование, идеология, методика преподавания

Departments of history in pedagogical higher education institutions of Eastern Siberia, 1930s – mid-1950s. YANA V. KULAKOVA (Irkutsk State University)

The Soviet education system was largely developed during the 1930s when secondary schools and universities were founded throughout the USSR, including Eastern Siberia. The nature of history education was also largely defined during these years. It was based on party political doctrine and taught the role of communism as the proper and legitimate form of government. History teachers in Eastern Siberia were educated at pedagogical institutes in Irkutsk, Ulan-Ude, Chita and Krasnoyarsk. Right through the mid-1950s these institutes were still developing their approach and solving problems ranging from the sourcing of teachers and students to developing curricula and defining teaching methods. The educational process in these institutions included academic classes, practice teaching and public speaking in the community. It was designed to develop the right personality in the graduates, who would be entrusted with teaching history and therefore effectively, the legitimacy of the communist system. The development of the education process for history teachers was critical not only to meet the need for history teachers in schools but also to fill positions in regional party organizations.

Keywords: Eastern Siberia, higher education, history education, ideology, teaching methods

Высшее образование является системообразующим фактором развития любого государства и определяют его интеллектуальный уровень. В России исторически сложилось так, что инициатором развития системы образования выступало само государство, а не общество со своими потребностями в интеллектуальном росте, тем самым произошло «огосударствление» образовательной

* КУЛАКОВА Яна Викторовна, соискатель кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета.

E-mail: yanikk1989@mail.ru

© Кулакова Я.В., 2016

политики, что в особенности прослеживается в годы существования СССР. В это время система образования была полностью подчинена государству и рассматривалась им как один из факторов движения страны «к светлому будущему». Путь к коммунизму и политический курс партии не могли быть обоснованы без обращения к истории, поэтому подготовка учителей истории в СССР стала делом государственной важности.

Цель данной статьи – изучить опыт становления высшего историко-педагогического образования в Восточной Сибири, выявить общие и особенные черты в его развитии как на общегосударственном, так и региональном уровнях.

Процесс развития системы исторического образования в СССР начался в 1930-е гг. и шел параллельно процессам становления средней и высшей школы. Подход к организации обучения историков полностью отражал задачи, которые ставило перед ними государство. Учитель должен был обладать широким кругозором, фундаментальными знаниями по общественным наукам и специальным дисциплинам, содержание которых определялось партией и центрами академической науки. К тому же он должен был суметь воспитать в учениках высокие морально-политические качества, чувства советского патриотизма и социалистического интернационализма, уважения к национальному достоинству и национальной культуре. В рамках таких государственных установок формировалось педагогическое образование с его исторической составляющей, в том числе в Восточно-Сибирском регионе.

Подготовку учителей истории в Восточной Сибири осуществляли четыре педагогических института: Иркутский государственный педагогический институт (ИГПИ, 1931 г.), Бурят-Монгольский государственный педагогический институт (БМГПИ, 1932 г.), Читинский государственный педагогический институт (ЧГПИ, 1938 г.), Красноярский государственный педагогический институт (КГПИ, 1932 г.)¹. Для скорейшего решения кадровой проблемы в регионе при вузах создавались Учительские институты и заочные отделения.

Изначально педагогические вузы испытывали большие трудности с набором студентов, особенно на исторические факультеты. Такой провал стал следствием образовательной политики 1920-х гг., когда история была заменена обществоведением и исключена из школьных программ. Незнание предмета, а также невысокий образовательный уровень населения становились препятствием для будущих студентов. Согласно переписи

си 1926 г., грамотность населения по Сибирскому и Бурят-Монгольскому районам составляла 46% среди мужчин и 19% среди женщин [1, с. 26-29]. К тому же постановление СНК СССР «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» (1930 г.) сказало как на количественном, так и на качественном составе студентов. Первые выпуски истфаков были малочисленны: ИГПИ (1934 г.) – 22 человека, БМГПИ (1941 г.) – 10 человек, КГПИ (1946 г.) – 23 человека [3, с. 58; 4, с. 11; 2, с. 24]. Однако к 1955 г. выпуск учителей истории в каждом институте на очном отделении составлял в среднем 40-50 человек.

Сложность существования исторических факультетов педвузов Восточной Сибири также была связана с отсутствием квалифицированного преподавательского состава. Кадровая проблема в каждом из вузов решалась двумя путями:

- через Наркомпрос, который присылал в регионы опытных преподавателей;
- путем привлечения совместителей и выпускников вуза.

Успешность решения кадровой проблемы напрямую зависела от времени открытия вуза и места его нахождения. Например, в Иркутске уже существовал квалифицированный состав историков, которые работали в Иркутском государственном университете. В связи с реорганизацией ИГУ и закрытием истфака часть преподавателей (Н.Н. Козьмин, В.П. Денисов, Р.А. Знаменская) получила возможность работать в Иркутском пединституте. Оказавшись под руководством историков, прошедших обучение в Институте Красной профессуры, М.А. Гудошникова и А.Ф. Остальцевой, исторический факультет ИГПИ достаточно быстро развернул работу по подготовке учительских кадров для школ города и области. В 1934 г. преподавательский состав пополнился первыми выпускниками факультета – В.И. Дуловым, О.И. Кашик, Г.С. Мальцевым, Л.И. Черенцовым.

Формирование профессорско-преподавательских коллективов БМГПИ, ЧГПИ и КГПИ было более затруднительным. Отсутствие кадрового потенциала в регионах и открытие факультетов накануне войны значительно затормозили их становление. Например, кафедра истории БМГПИ на момент ее открытия состояла из двух сотрудников Иркутского педагогического института – Н.Н. Козьмина и В.П. Денисова, что предопределило закрытие кафедры в связи с их отъездом из Верхнеудинска. Когда в республике был накоплен кадровый потенциал, кафедра истории была восстановлена и продолжила свою деятельность начиная с 1938 г.

¹ Исторический факультет открыт в 1942 г.

Обеспеченность педагогическими кадрами в ЧГПИ также была невысока. Кафедрой истории заведовал Виктор Григорьевич Изгачев, который в 1940 г. защитил диссертацию и стал одним из первых кандидатов наук в Читинском пединституте. Нам не удалось установить количественный состав кафедры на момент ее открытия, сохранившиеся материалы содержат информацию только о сотрудниках, работавших на кафедре в 1943 г. Это были: В.Г. Изгачев, Зисман, Т.Ф. Лобачева, Л.С. Клер, Е.М. Куш, Зимин, А.М. Соколова (Государственный архив Забайкальского края, далее – ГАЗК. Ф. р-177. Оп. 1. Д. 3. Л. 169).

Негативно отразились на решении кадрового вопроса репрессии и уход многих преподавателей на фронт. В ходе репрессий погибли историки ИГПИ – Н.Н. Козьмин, Р.А. Знаменская, на фронт ушли преподаватели ИГПИ – Г.С. Мальцев, П.А. Уваров, А.Ф. Потапов, Н.М. Титов, Л.И. Черенцов. Чтобы поддерживать деятельность вузов в это трудное время, на исторические факультеты принимали преподавателей, эвакуированных из Центральной части СССР. Так, в октябре 1942 г. на кафедру истории ИГПИ пришел работать к.и.н. В.В. Штокман, а кафедру истории БМГПИ дополнили В.П. Тюшев и к.и.н. Н.С. Чеботарев, который стал заведовать кафедрой (Государственный архив Иркутской области, далее – ГАИО. Ф. р-842. Оп. 1. Д. 144. Л. 19), [4, с. 11].

Окончательно преподавательские коллективы исторических факультетов были сформированы к середине 1950-х гг. Приведенные в таблице 1 данные показывают количественный и качественный рост профессорско-преподавательского состава исторических факультетов.

С 1936 г. студенты педагогических вузов обучались по стабильным учебным планам, которые были рассчитаны на четырехгодичный срок обучения. По окончании вуза студентам присваивалась квалификация учителя истории средней школы. Структура плана и состав дисциплин отражали подход государства к задачам обучения и воспитания. Среди общих дисциплин, предусмотренных планом, изучались: педагогика (128 час.), психология (66 час.), педология, военное дело, физическая культура, иностранные языки. Обязательным было изучение обществоведческих дисциплин, которые формировали мировоззрение студента: ленинизм (64 час.), политэкономическая теория (124 час.), диалектический и исторический материализм (124 час.). Специальные дисциплины включали в себя историю древнего мира (168 час.), историю средних веков (168 час.), историю колониальных и зависимых стран (64 час.), новую историю (320 час.), историю СССР (480 час.), методику истории (84 час.).

В связи с начавшейся войной учебные планы были изменены, происходило их уплотнение, так как с 1941 г. институты переводились на 3-х годичный срок обучения. Новыми планами предусматривалось сокращение часов по общественным дисциплинам, что позволило увеличить учебное время на изучение специальных дисциплин. В учебных программах значительно выросли объемы и содержание тех тем и разделов, которые способствовали патриотическому воспитанию студентов. Например, на историческом факультете ИГПИ читали курс «Методика и организация политико-просветительской работы в Красной Армии», в ЧГПИ – «Военное прошлое русского народа».

Таблица 1

Институт	На момент открытия факультета		1955 г.	
	Количество преподавателей	Остепененность	Количество преподавателей	Остепененность
ИГПИ	5	0	11	45
БМГПИ	2	0	10	90
ЧГПИ	-	-	8	62
КГПИ	-	-	12	66

Источник: ГАЗК. Ф. р-177. Оп. 1. Д. 3. Л. 66; Д. 94. Л. 17; Государственный архив Красноярского края, далее – ГАКК. Ф. 2217. Оп. 1. Д. 302. Л. 73; Государственный архив Республики Бурятия, далее – ГАРБ. Оп. 1. Д. 135. Л. 1; ГАИО. Ф. р-842. Оп. 1. Д. 338. Л. 120, 133а

После утверждения стабильных учебных планов создавалась необходимость в обеспечении учебного процесса программами и литературой. В научно-популярных исторических журналах («Историк-марксист», «Борьба классов», «Исторический журнал») долгое время велись дискуссии между видными учеными и педагогами о содержательной стороне учебных материалов. В результате были выработаны определенные требования идеологического характера, которые применялись к содержанию учебного процесса, научной и учебной литературе, а также методам преподавания. Апогеем издательской деятельности стал «Краткий курс ВКП(б)» (1938 г.), на который должны были ориентироваться в учебном процессе преподаватели исторических дисциплин.

Для кардинального обновления литературы необходимо было время. К тому же большинство библиотек в регионе, в том числе в самих пединститутах, только формировалось. В связи с этим в педагогических вузах Восточной Сибири долгое время отсутствовал специализированный книжный фонд. В отчетах институтов отмечается, что исторические факультеты в достаточном количестве были обеспечены литературой по истории СССР до XX в. и средневековой истории. В основном не хватало учебников по истории СССР XX в. и новой истории, то есть тех периодов, которые считались наиболее важными в жизни Советского государства (ГАИО. Ф. р-842. Оп. 1. Д. 81. Л. 5; ГАКК. Ф. р-2217. Оп. 1. Д. 23. Л. 26). Чтобы обеспечивать студентов необходимыми материалами, использовались различные методы: перепечатывание отдельных глав из до-революционных учебников, стенографирование лекций и их тиражирование.

Содержательную сторону учебного процесса определяли также учебные программы, которые были едиными для всех вузов и разрабатывались Наркомпросом. Обеспеченность программами исторических факультетов педвузов Восточной Сибири была разной. Например, исторический факультет ИГПИ к 1939 г. имел программы по основным дисциплинам: истории СССР (впервые), истории древнего мира, средних веков, новой истории, истории колониальных и зависимых стран, а также по факультативным занятиям – экономической географии (1 курс) и историографии (2-4 курсы) (ГАИО. Ф. р-842. Оп. 1. Д. 75. Л. 4-5). Исторические факультеты БМГПИ, ЧГПИ, КГПИ полностью удалось обеспечить программами только в послевоенное время.

Для устранения проблем, связанных с нехваткой учебных программ и литературы, на истори-

ческих факультетах организовывали специализированные кабинеты истории, которые занимались выставками новинок исторической литературы, книг для подготовки к экзаменам, изготовлением карт и наглядных пособий. В кабинетах истории студенты получали возможность заниматься в свободное от учебы время и пользоваться необходимыми учебными материалами. Для удобства студентов кабинеты истории работали во второй половине дня, а в период экзаменационных сессий – целый день.

В годы войны такие кабинеты играли особую роль в жизни исторических факультетов. Их деятельность была связана с реалиями военного времени и направлена на поддержку патриотических чувств студентов и преподавателей. Кабинеты истории вели библиографическую работу, составляли документальные списки, подбирали газетные вырезки по вопросам, связанным с Великой Отечественной войной, организовывали беседы со студентами и преподавателями, проводили показы исторических фильмов.

Огромную роль в становлении учебного процесса в педагогических вузах играли методы преподавания. Появившиеся в результате образовательных реформ 1920-х гг. методы – лабораторно-бригадный и метод проектов – значительно ограничивали роль преподавателя в образовательном процессе, а также негативно отражались на самостоятельной работе студентов. К концу 1920-х гг. правительство осознало неэффективность многих нововведений и решило вернуть в школу традиционные методы преподавания и формы проведения занятий, которыми были лекции, семинары, коллоквиумы.

Единообразие учебников, программ и методов преподавания сказалось на становлении концептуальной основы советской системы исторического образования. Любые отступления от восприятия и толкования истории на марксистской основе не допускались, что привело к формированию одностороннего видения исторического процесса, без понимания всего многообразия сторон жизни людей в обществе. При проведении занятий историкам приходилось связывать историческое прошлое с современностью, ориентироваться на работы лидеров партии и различные постановления.

В соответствии с таким подходом государства к историческому образованию основная задача кафедр исторических факультетов заключалась в повышении качества проводимых занятий. Например, заведующая кафедрой всеобщей истории ИГПИ А.Ф. Остальцева говорила: «В качестве образца, за который мы должны бороться, является

ся учебник истории ВКП(б). С точки зрения этих требований и с точки зрения требований, предъявляемых в постановлении ЦК партии, основным недостатком лекций на исторических курсах заключается в слабом умении сочетать общие положения марксизма с конкретным материалом. Лекции должны быть построены так, чтобы основные положения марксизма являлись узловым моментом лекции и развертывались бы на конкретном материале» (ГАИО. Ф. р-842. Оп. 1. Д. 81. Л. 4). Как видно, в толковании истории складывалась определенная схема, в которой неизменной были организующая роль партии под руководством вождя, безупречность её стратегии и превосходство советского строя над другими режимами.

В годы Великой Отечественной войны содержание исторических дисциплин определялось происходящими в стране событиями и использовалось как одно из средств манипуляции сознанием людей, воспитания в них боевого духа и патриотизма. С одной стороны, на занятиях выяснялись исторические корни возникновения и развития фашизма, с другой – популяризировались образы русских героев – Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, Александра Суворова. Например, при изучении истории древнего мира выделялись разделы, посвященные сопротивлению народов против рабовладельческих государств, обращалось внимание на разоблачение фашистской расовой теории в истории докапиталистического общества. В курсе истории средних веков раскрывался «справедливый характер» борьбы славянских народов против немецких завоевателей. Программа курса истории нового времени предусматривала разоблачение агрессивности германского империализма. В противовес этому в курсе истории СССР подчеркивалась роль русского народа в борьбе за независимость Русского государства на разных этапах его существования.

В послевоенные годы идеологический контроль со стороны партии усилился, что отразилось на преподавании истории. В 1946 г. перед вузами были определены две задачи: повышение идейно-политического уровня учебно-воспитательной работы и реализация постановлений Всесоюзного совещания директоров педагогических вузов. В основу идеолого-политической и учебно-воспитательной работы институтов были положены постановления ЦК ВКП(б) по идеологической работе. По мнению государства, выполнение этих постановлений должно было обеспечить формирование советского учителя, владеющего марксистско-ленинской теорией и способного успешно применять свои знания на практике.

Согласно постановлениям, во всех курсах была широко развернута критика всевозможных «реакционных буржуазных теорий и фашистских извращений», т.е. взглядов западноевропейских историков, их работ и подходов к интерпретации прошлого. Преподавателям рекомендовалось больше внимания уделять роли славян в исторических процессах и развитии мировой культуры.

В этот период в процессе обучения преподаватели опирались на труды советских ученых-историографов и различные статьи идейной направленности: «О преподавании отечественной истории», «Замечания на лекции академика Минца», а также работы, критикующие книгу М. Рубинштейна «Русская историография». По-прежнему было обязательным освещение исторических взглядов основоположников и классиков марксизма.

Такое внимательное отношение к содержанию исторических дисциплин стало следствием постоянного контроля идейного уровня лекций и семинаров со стороны заведующих кафедрами, которые систематически посещали занятия преподавателей, а затем на заседаниях кафедры разбирали их недостатки.

В процессе обучения наряду с лекциями проводились семинары. В период подготовки к семинарским занятиям и на самих занятиях студенты приобретали навыки анализа и оценки фактов и явлений, обобщения накопленных знаний, т.е. навыки исследовательской работы. Такие занятия проводились в обычной форме: опросы, работа в группах и др. Наряду с лекциями и семинарами, периодически проводились коллоквиумы. Их применяли в целях упорядочения работы студентов и установления контроля над их работой.

Особое место в системе подготовки учителей истории занимала самостоятельная работа. В период становления педагогических институтов самостоятельная работа подразумевала под собой изучение источника и его конспектирование. В роли основных источников выступали труды классиков марксизма-ленинизма и работы И.В. Сталина. Для студентов первых курсов устраивали специальные собрания, на которых учили работать с книгой и правильно ее конспектировать. Чтобы стимулировать студентов к более подробной и тщательной работе с источником, проводили конкурсы на лучший конспект по работам лидера партии.

В послевоенное время важным нововведением в учебном процессе стали курсовые работы. На первом курсе при написании такого вида работ использовались 3-4 монографии, а на третьем курсе привлекался уже более широкий круг источников и научных исследований.

Важной составляющей учебного процесса и подготовки учителей истории была практика. Она подразделялась на два вида: педагогическую и специальную. Прохождение практики включало в себя: общее ознакомление со школами, учебную и воспитательную работу со школьниками, организационно-педагогическую деятельность, внешкольную работу и работу с детской комсомольской организацией. Всего на такую деятельность отводилось около 72 часов. В конце практики проводилась конференция с докладами студентов на тему: «Опыт моей работы в школе». Таким образом, практика стала важной составляющей процесса подготовки учителей истории в Восточной Сибири.

Педагогическая практика способствовала укреплению связей между педвузами и школами. В связи с постепенным ростом практической составляющей в учебных планах, для педагогических институтов выделялись базовые школы. К 1955 г. для ЧГПИ базовыми стали школы № 2, 3, 5 г. Читы, для КГПИ – школа № 11 г. Красноярска, для БМГПИ – школа № 6 г. Улан-Удэ, для ИГПИ – 1-я женская средняя школа им. Ленина и 7-я семилетняя мужская школа (ГАЗК. Ф. р-177. Оп. 1. Д. 57. Л. 34; ГАКК. Ф. р-2217. Оп. 1. Д. 310. Л. 6; ГАРБ. Ф. р-666. Оп. 1. Д. 17. Л. 7; ГАИО. Ф. р-842. Оп. 1. Д. 171. Л. 64).

Однако связь пединститутов со школами не ограничивалась лишь педагогической практикой. Вузы проводили огромную работу с учителями и директорами школ в плане повышения уровня их идейной и профессиональной квалификации.

Методическая работа с учителями на начальном этапе деятельности педвузов заключалась в проведении научно-методических семинаров, конференций, совещаний, консультаций, родительских лекториев. Связывала институты и школы научно-исследовательская работа преподавателей, которые изучали опыт работы школ и лучших учителей. Также преподаватели института принимали участие в проведении экзаменов в школах на аттестат зрелости.

Задачи, которые были возложены на историческое образование, не могли быть реализованы посредством одного учебного процесса, поэтому общественно-массовая и воспитательная работа в педагогических вузах была также направлена на всестороннее формирование учителя-коммуниста. Она велась по нескольким линиям: через кафедры, деканаты, комсомол и профсоюз.

Особое место в вузе занимали партийные организации, которые имели право контролировать все направления вузовской работы и заниматься

идейно-политическим воспитанием студентов и преподавателей. Особенно возросло их значение после выхода «Краткого курса ВКП(б)», который помимо учебного процесса изучали в ходе партийной и комсомольской учебы.

Партийная и комсомольская организации требовали от своих членов выполнения авангардной роли в учебе, рассматривая ее как важное партийное или комсомольское поручение. Совместно с профсоюзами они выступали организаторами социалистического соревнования и ударничества, вели борьбу за повышение успеваемости и культурного уровня обучающихся.

В 1930-е гг. студенты и преподаватели педвузов не занимались активной общественной работой. Привлечение к такому виду деятельности совпало с началом Великой Отечественной войны, когда преподаватели массово стали выступать перед населением города и области с лекциями по общественно-политической тематике. С окончанием войны определились новые задачи в области культурного и политического воспитания советского общества. Для этого в 1947 г. было учреждено Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, в которое входило большинство историков педагогических вузов и лучшие студенты.

Так, практически все сотрудники истфаков пединститутов Восточной Сибири имели общественные поручения как внутри факультета и института, так и за его стенами. Помимо участия в обществе «Знание» они являлись лекторами ОК и Крайкома КПСС, членами партбюро институтов и факультетов.

Таким образом, в период с 1930-х и до середины 1950-х гг. педагогические вузы Восточной Сибири прошли длительный и трудный путь становления. Большинство проблем, связанных с отсутствием специализированных помещений, библиотек, квалифицированного преподавательского состава, удалось решить к середине 1950-х гг. К этому времени учебный процесс на исторических факультетах был поставлен соответственно всем партийным документам и требованиям, предъявляемым к педагогическому образованию. Будущие учителя получали фундаментальные знания по общественным и специальным дисциплинам, а использование в учебном процессе единых учебников и программ, содержание которых отвечало идеологическим нормам государства, способствовало формированию коммунистического мировоззрения студентов. Нравственно-патриотические качества формировались у будущих учителей истории не только в процессе обучения,

но и в ходе прохождения педагогической практики и общественно-массовой работы. К 1955 г. исторические факультеты обладали квалифицированным преподавательским составом, который в количественном и качественном соотношении значительно вырос с момента открытия факультетов. Благодаря работе этих коллективов исторические факультеты педагогических вузов смогли стать кузницами кадров для системы образования, а также партийных организаций Восточно-Сибирского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Возраст и грамотность населения СССР // Всесоюзная перепись населения СССР. М.: ЦСУ Союза СССР, 1928.
2. Летопись Красноярского государственного педагогического института / под ред. Ю.В. Журова. Красноярск: Кр. книж. изд-во, 1982.
3. Рабецкая З.И., Татаринов В.И. Иркутский педагогический: от учительского института к университету. Т. 2: Иркутский педагогический институт в 1931-1996 годы. Иркутск, 2009.
4. Тармаханов Е.Е. Исторический факультет БГУ: к 70-летию высшего образования в респу-

блике // Вестник Бурятского университета. Серия: История. 2002. Вып. 4. С. 11-21.

REFERENCES

1. Vozrast i gramotnost' naseleniya SSSR [Age and literacy of the USSR population]. In: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR. Moskva: TsSU Soyuz SSSR, 1928. (in Russ.)
2. Zhurov, Yu. V. ed., 1982. Letopis' Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [Chronicle of the Krasnoyarsk State Pedagogical Institute]. Krasnoyarsk: Kr. knizh. izd-vo. (in Russ.)
3. Rabetskaya, Z.I., Tatarinov, V.I., 2009. Irkutskiy pedagogicheskiy: ot uchitel'skogo instituta k universitetu. T. 2: Irkutskiy pedagogicheskiy institut v 1931-1996 gody [Irkutsk Pedagogical Institute: from teacher's institute to university. Vol. 2: Irkutsk Pedagogical Institute in 1931-1996]. Irkutsk. (in Russ.)
4. Tarmakhanov, E.E., 2002. Istoricheskiy fakul'tet BGU: k 70-letiyu vysshego obrazovaniya v respublike [Department of history of BGU: to the 70th anniversary of the higher education in the republic], Vestnik Buryatskogo universiteta. Seriya: Istoriya, no. 4, pp. 11-21. (in Russ.)

УДК 378.4 (571.6) (09)

О.П. Еланцева, С.В. Плохих, З.А. Ковалева*

«Я ГОРЖУСЬ ТЕМ, ЧТО ЧИТАЛ ПЕРВУЮ ЛЕКЦИЮ В УНИВЕРСИТЕТЕ»: АКАДЕМИК М.Н. ТИХОМИРОВ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье раскрывается участие академика М.Н. Тихомирова в мероприятиях открытия воссозданного Дальневосточного государственного университета в октябре 1956 г., его помощь в пополнении Научной библиотеки ДВГУ уникальными изданиями. Знаковые страницы истории Дальневосточного университета раскрыты на основе комплекса государственных и личных документов, материалов периодической печати, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Дальний Восток, история высшего образования, М.Н. Тихомиров, Г.С. Куцкий, ДВГУ

«I am proud that I have read the first lecture at the university»: academician Mikhail N. Tikhomirov and Far Eastern University. OLGA P. ELANTSEVA, SVETLANA V. PLOKHICH, ZINAIDA A. KOVALEVA (Far Eastern Federal University)

The article deals with the participation of academician Mikhail N. Tikhomirov in the opening of restored Far Eastern National University in October 1956, his contribution to the stocking of FENU library funds. The authors reveal significant pages of the university history basing on public and private documents, periodical press materials, many of which are introduced to the readers for the first time.

Keywords: Russian Far East, history of higher education, M.N. Tikhomirov, G.S. Kutsiy, FENU

Осень 2016 г. в истории высшего образования в Дальневосточном регионе России отмечена знаменательной датой – шестидесятилетием со дня восстановления Дальневосточного государственного университета. Вуз, организованный во Владивостоке в 1923 г., закрыли в 1939 г. Вопрос возобновления его деятельности возникал неоднократно [15; 17], но тормозился до определения нового места дислокации военно-морской базы Тихоокеанского флота. В мае 1956 г. решение о переводе

базы из г. Владивостока было принято (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-68. Оп. 92. Д. 133. Л. 2), а 29 августа вышел документ ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1211 «О восстановлении Дальневосточного государственного университета» (ГАПК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 47. Л. 4-5). Таким образом было поддержано ходатайство Приморского крайкома КПСС и крайисполкома о возобновлении работы университета на основе действовавшего Владивостокского пе-

* ЕЛАНЦЕВА Ольга Павловна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

ПЛОХИХ Светлана Васильевна, кандидат исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: plokhikh.sv@dvfu.ru

КОВАЛЕВА Зинаида Алексеевна, кандидат исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kovaleva.za@dvfu.ru

© Еланцева О.П., Плохих С.В., Ковалева З.А., 2016

дагогического института. Ректором университета был назначен Григорий Семенович Куцый (ГАПК. Ф. 84. Оп. 4. Д. 1. Л. 131-132).

1 сентября 1956 г., в субботу, о важном государственном решении сообщила краевая газета в передовой статье «За учебу!» [7]. К 17 часам того же дня во Владивостоке перед зданием пединститута по ул. Китайской, д. 37/41 (в настоящее время это Океанский пр., д. 37) собрался многолюдный митинг с участием краевых и городских руководителей, представителей предприятий и организаций, учебных заведений, школ, а также моряков-тихоокеанцев (Рис. 1).

На митинге выступили первый секретарь Приморского крайкома КПСС Штыков, секретари Владивостокского горкома КПСС Аверкин и Рязанцев, главный инженер треста «Артемуголь» Писарев, бригадир слесарей-сборщиков «Дальзавода» Гноевой, секретарь Приморского крайкома ВЛКСМ Костина, ученица 10 класса школы № 75 Крамарева и др. [12].

Они говорили о значении открытия ДВГУ для Приморского края и всего Дальнего Востока, подчеркивали, что работа университета положительно скажется на жизни многих людей. С ДВГУ они связывали надежды не только на получение высшего образования, повышение квалификации, но и на активное развитие науки и культуры в регионе. Министерство высшего образования СССР в поздравительной телеграмме желало коллективу университета успехов в учебной и научной деятельности.

В данной ситуации важно было, чтобы университет заработал уже в осеннем семестре 1956/1957 уч. года, быстро вошел в колею нормальной деятельности, чтобы 1200 студентов очного и 450 студентов заочного отделений приступили к занятиям на историко-филологическом, физи-

ко-математическом, биологическом факультетах и на факультете иностранного языка. В ближайшей перспективе планировалось, опираясь на биологический факультет, создать химический, агрономический и медицинский факультеты.

Учебные занятия в восстановленном университете определили начать с 1 октября 1956 г. (ГАПК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 47. Л. 19). Следует отдать должное руководству Приморского края и вуза: открытие ДВГУ получилось очень ярким, запоминающимся, весомым, подчеркивающим высокий статус университета и его ответственные задачи, реализовывать которые выпало ректорату, профессорам, преподавателям, сотрудникам и студентам.

Особый колорит торжественно-деловым мероприятиям придавало участие в них делегации выездной сессии Отделения исторических наук (ОИН) АН СССР: члена-корреспондента Академии наук СССР А.В. Ефимова из Москвы, докторов исторических наук, профессоров А.П. Окладникова из Ленинграда и И.М. Разгона из Томска, кандидата исторических наук, заведующего сектором народов Севера Института этнографии АН СССР Б.О. Долгих из Москвы.

Делегацию известных ученых возглавлял академик Михаил Николаевич Тихомиров (1893-1965) – крупнейший историк России середины XX в. [11, с. 3-10]. В 1917 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета; с 1934 г. и до конца своей жизни преподавал в МГУ и параллельно вел учебные и научные занятия в других вузах столицы; с 1936 г. Михаил Николаевич Тихомиров – старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

Сферой своих научных приоритетов М.Н. Тихомиров избрал историю Древней Руси. В то же

время он считался признанным специалистом в области источниковедения, историографии, палеографии, археографии, исторической географии. Ему принадлежит свыше 300 научных трудов, среди них около двух десятков книг, в том числе более десяти монографических исследований.

В 1939 г. за солидные научные труды Михаилу Николаевичу Тихомирову присвоено звание профессора; еще через семь лет он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1953 г. – академиком и академиком-секретарем Отделения исторических наук. Должность академика-секретаря как нельзя лучше подчеркивает масштабы организационной работы М.Н. Тихомирова. В ОИН входило свыше десятка институтов: институты востоковедения, славяноведения, истории материальной культуры, этнографии, истории искусств и др., музей истории и атеизма, архивы Академии наук СССР в Москве и Ленинграде, научно-методический совет по охране памятников культуры, археографическая и мемуарная комиссии.

М.Н. Тихомиров руководил работой бюро ОИНа, в составе которого было 13 чел.: академиком – 4, членов-корреспондентов – 4, докторов исторических наук – 3, кандидатов исторических наук – 1, действительных членов Академии наук – 1. Только в течение 1956 г. прошло 45 заседаний бюро, в том числе выездное заседание во Владивостоке, состоявшееся 27-29 сентября [4].

В архиве Российской академии наук в Москве сохранились краткие путевые заметки, сделанные М.Н. Тихомировым на листках отрывного календаря в сентябре 1956 г. во время следования по Транссибу из столицы во Владивосток (Архив Российской академии наук, далее – АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 7. Л. 26, 27, 28); воспоминания о нескольких днях работы, проведенных в Усурийске и Владивостоке; тезисы лекций, прочитанных перед студентами, преподавателями ДВГУ и другими слушателями; фотографии; переписка с коллегами, например, письма Г.С. Куцега, А.П. Окладникова. Эти документы в совокупности с материалами периодической печати, источниками из Государственного архива Приморского края послужили основой данной публикации.

Подчеркнем, что тема деловой поездки академика М.Н. Тихомирова во Владивосток нашла лишь упоминание в некоторых публикациях [7, с. 208; 15, с. 313; 26, с. 13], в отличие от подробного освещения его пребывания в других городах и районах страны [9; 24; 26].

16 сентября 1956 г. М.Н. Тихомиров сделал пометку: «Сегодня выехал во Владивосток на сессию Отдел[ения] ист[орических] наук, которую я сорганизовал, ведь Дальний Восток подобен Дальнему За-

паду в США, там будущее развитие и наша будущая слава. Но к этой славе выехать не так просто... Ехать надо 8 ½ дней» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 7. Л. 26).

«Скажете, зачем поехал, – обращался он к одному из своих учеников, – затем, отведу, чтобы и на нашем русско-украинском Дальнем Востоке что-нибудь сделать. Не трудно ездить на Кавказ и произносить тосты в Баку и Эривани¹, а приехать в запущенное место, да так далеко, согласится не каждый» [16, с. 313].

Неделя пребывания М.Н. Тихомирова во Владивостоке была наполнена ответственными делами, в том числе участием в открытии учебного процесса в Дальневосточном государственном университете. 1 и 2 октября 1956 г. преподаватели и студенты ДВГУ (из-за отсутствия у вуза своих больших точных аудиторий) собирались в конференц-зале Дома политического просвещения (ул. Светланская, д. 56), чтобы послушать лекции известных ученых: А.В. Ефимова по теме «Некоторые проблемы истории США в XVIII – XIX вв.»; И.М. Разгона – о массовом революционном движении в России в 1917 г.; А.П. Окладникова – о древней истории Дальнего Востока по данным археологических работ в Приморье и Приамурье, выполненным археологической экспедицией Института материальной культуры АН СССР в 1953-1956 гг.; Б.О. Долгих – об этническом составе и расселении народов Амура в XVII в.

Первым из лекторов за кафедру вышел академик М.Н. Тихомиров, вспоминая через несколько лет: «Празднование восстановления Дальневосточного университета вылилось в настоящую демонстрацию, которая состоялась еще до нашего приезда. Открытие университета произошло 1 октября 1956 года. Я горжусь тем, что читал первую лекцию в университете для гуманитарных факультетов... Лекция была посвящена, насколько я помню, источникам начальной истории Киевской Руси» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 134). Более точное название темы выступления Михаил Николаевич зафиксировал в написанных во Владивостоке тезисах: «Изучение источников и его методы (на примере источников Киевской Руси)» (АРАН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 126. Л. 1).

После приветственных слов в адрес восстановленного ДВГУ, академик остановился на актуальности и значимости заявленной темы в курсе университетского образования, указал на разнообразии документальных источников, прежде всего – письменных источников Киевской Руси: летописи, «Русская Правда», акты, повествовательная литература, представленная «Словом о полку Игореве» и иные.

¹ Эривань – старое название города Ереван.

Рис. 1. Митинг во Владивостоке 1 сентября 1956 г., посвященный восстановлению ДВГУ

Главные рассуждения М.Н. Тихомирова строились на анализе летописных источников. Внимание преподавателей и студентов было привлечено к встречающимся в летописях искажениям, к более поздним их дополнениям и текстовым пропускам, к отличающимся редакциям летописей и разной степени их достоверности. По мнению ученого, летопись представляла одну из форм составления исторического сочинения в средние века. На Руси она носила самостоятельный характер происхождения и тому были серьезные основания. Вопрос о времени возникновения первых летописных известий являлся дискуссионным. М.Н. Тихомиров профессионально сопоставил точки зрения ученых, четко обозначив свою позицию.

Интерес слушателей вызвали вопросы-ответы лектора: что может дать летопись историку, филологу и вообще исследователю, а чего в ней нет? Какой должна быть научная критика источников? Почему вместе с летописями важно изучать другие памятники истории, допустим, берестяные грамоты? Подводя итоги, академик вновь обратил внимание на «Повесть временных лет» (ПВЛ), вобравшую в себя в большом количестве материалы сказаний, повестей, легенд, устные поэтические предания о различных исторических лицах и событиях; М.Н. Тихомиров раскрыл влияние ПВЛ на развитие средневекового общества, оценил ее как «выдающееся произведение средневековья, гордость нашей литературы» (АРАН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 126. Л. 1об.).

М.Н. Тихомиров прочитал во Владивостоке несколько лекций. По этому поводу он вспоминал: «Меня упростили читать лекцию в местной партийной школе, я должен был выступить в Доме офицеров и рассказать, над чем я предполагаю работать... Как сейчас помню большой зал, в котором почти неподвижно с левой стороны сидели курсанты и держали свои бескозырки на левой руке» (АРАН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 11. Л. 134-135).

Еще одна лекция состоялась на флагманском крейсере Тихоокеанского флота «Адмирал Сиявин» (Рис. 2). «Фотография этого выступления, – замечал М.Н. Тихомиров, – осталась у меня на память, причем даже по моему лицу видно, как я устал. Надо мной видны грозные пушки, передо мною сидят в своих бескозырках с лентами матросы. Красивые и ладные молодые моряки понравились мне чрезвычайно... Я тогда работал над историей Москвы и по их просьбе рассказал о том, что я уже сделал. На мой вопрос, «а есть ли кто из вас здесь из Москвы» – послышался зычный ответ половины аудитории: «А мы почти все из Москвы» (АРАН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 11. Л. 135).

Рис. 2. Встреча М.Н. Тихомирова с офицерами и матросами флагманского крейсера «Адмирал Сиявин» 30 сентября 1956 г.

Известно, что для профессионала важна, с одной стороны, критическая самооценка лекции, а с другой – мнения людей, присутствовавших на ней. В письме историку А.П. Пронштейну Михаил Николаевич сообщал: «... я читал лекцию в только что восстановленном Дальневосточном университете. Благому делу способствовала во всем удача» [27, с. 13]. У академика осталось впечатление, что слушателям было интересно, они внимали «с удовольствием» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 134 и др.), благодаря тому, что лектор «избегал обычной сухой манеры и в нескольких случаях рассмешил аудиторию соответствующими примерами» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 134).

Не менее показательны внешние отзывы о выступлениях академика. Приморские газеты сообщали, что лекции привлекли большое количество слушателей и вызвали огромный интерес аудитории [3; 10]. Ректор ДВГУ Г.С. Куцый в декабре 1956 г. писал Михаилу Николаевичу Тихомирову: «Ваше выступление перед студентами Дальневосточного университета – большое событие в жизни нашего коллектива. Желаю я Вам, чтобы Вы еще разок приехали к нам и чтобы мы вместе совершили новую поездку на военных кораблях и безусловно выступили с новыми лекциями» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 54. Л. 2).

Впечатления были настолько сильными, что даже по прошествии времени, в июне 1964 г. А.П. Окладников благодарил М.Н. Тихомирова «за незабываемые дни во Владивостоке, когда я слушал вместе с преподавателями и студентами Вашу лекцию... затаив дыхание» (АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 448. Л. 5). Ранее А.П. Окладников сообщил Михаилу Николаевичу, что из сделанного им «доклада во Владивостоке о древностях Приморья выросла книжка «Далекое прошлое При-

морья»² ... Мне будет приятно, если Вы найдете время перелистать ее и ознакомиться с ней... А Вам она должна напомнить этот необычный город на сопках у Великого океана, Уссурийскую тайгу и Амурский залив» (АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 448. Л. 5).

М.Н. Тихомиров, будучи профессионалом высочайшего класса, опытным руководителем, многое увидел и оценил во Владивостоке. Еще до приезда сюда он считал Дальний Восток «запущенным местом» в области развития науки и образования. Нерадостной была ситуация с научными кадрами в ДВГУ, о чем красноречиво говорил факт выступивших с докладами на выездной сессии ОИН во Владивостоке: из семи докладчиков-преподавателей дальневосточных вузов не оказалось ни одного из ДВГУ (См.: [4]).

Академик побывал в университетской библиотеке. По мнению сопровождавших его лиц, библиотека производила удручающее впечатление. Количественный и качественный состав книжных, журнальных и газетных фондов не отвечал задачам вуза. Это понимали и в министерстве. Неслучайно, названный выше партийно-государственный документ о восстановлении ДВГУ обязывал руководителей Московского, Ленинградского, Свердловского, Томского и Иркутского университетов отобрать из вузовских библиотек и направить в течение 1956/1957 уч. года в ДВГУ необходимую учебную и научную литературу по физике, химии, биологии, математике, истории, литературе, русскому, английскому, немецкому языкам (ГАПК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 47. Л. 5).

В свою очередь, бюро Приморского крайкома КПСС поручило ректору ДВГУ Г.С. Куцему выявить, а руководителям учебных заведений и библиотек передать (точнее, вернуть) всю научную, техническую и художественную литературу, до 1939 г. принадлежавшую Дальневосточному государственному университету (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 256. Л. 46). Предполагалось вести большие закупки новой литературы. Но делалось все не так быстро, как хотелось; студенты и преподаватели испытывали острейший дефицит самых необходимых изданий (ГАПК. Ф. 84. Оп. 6. Д. 1. Л. 250; Ф. 170. Оп. 1. Д. 49. Л. 11, 12, 303, 310 и др.; Д. 65. Л. 97, 98).

Григорий Семенович Куцый в конце 1956 г. сообщил М.Н. Тихомирову: «Министерство направило нам много оборудования для физиков, но не проявляет должной заботы о мебели, библио-

² Речь шла о книге: [13]. Заметим, что новое издание А.П. Окладников посвятил Дальневосточному государственному университету.

теке и др[угих] делах. Очень плохо финансирует» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 54. Л. 2) и обратился к уважаемому академику-историку с просьбой: «Если представится возможность, прошу замолвите о нас словечко». И далее – важное, наболелее: «Я очень прошу Ваш коллектив помочь нам литературой, учебниками, наглядными пособиями. Если [Московский] университет может нам помочь, то отгрузите все это контейнерами и вышлите нам счета для оплаты». О слабой обеспеченности учебного процесса литературой красноречиво свидетельствуют слова ректора ДВГУ: «Если можете, Михаил Николаевич, то прошу Вас вышлите мне пособие по истории СССР (для III курсов, т[о] е[сть] советское общество). Я лично испытываю большую нужду в этом пособии» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 54. Л. 2, 2об.).

Михаил Николаевич Тихомиров не только с неослабным интересом следил за восстановлением исторического образования в Дальневосточном университете, но и активно помогал этому процессу. Он, например, организовал несколько солидных посылок с книгами в адрес университета. Так, 15 мая 1957 г. управляющий конторой УКСа МГУ зафиксировал получение от академика 260 разных книг для отправки во Владивосток, в Дальневосточный государственный университет (АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 13. Л. 2).

М.Н. Тихомиров, как человек, обладавший высоким чувством ответственности за начатое по его инициативе дело (в данном случае – усиление библиотечных фондов ДВГУ для подготовки гуманитариев), пошел дальше. В 1958 г. в своем завещании он предусмотрел безвозмездную передачу книг XIX–XX вв. из своей личной библиотеки в Дальневосточный государственный университет «с просьбой не разрознивать собрание автографов на книгах». Тихомиров не изменил своей воли относительно дара ДВГУ и в завещании, отредактированном через несколько лет. (Копия завещания М.Н. Тихомирова от 22 декабря 1960 г. // Текущий архив Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета).

2 сентября 1965 г. в возрасте 72 лет Михаил Николаевич Тихомиров умер. В этом же месяце в ДВГУ пришло телеграфное распоряжение начальника Главного управления Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР о командировании в Москву сотрудников университета для получения библиотеки, завещанной академиком М.Н. Тихомировым. Выполнять задание выехали заведующая библиотекой ДВГУ Л.Ф. Шкилева и аспирант кафедры истории СССР А.В. Большух (Текущий архив ДВФУ. Канцелярия).

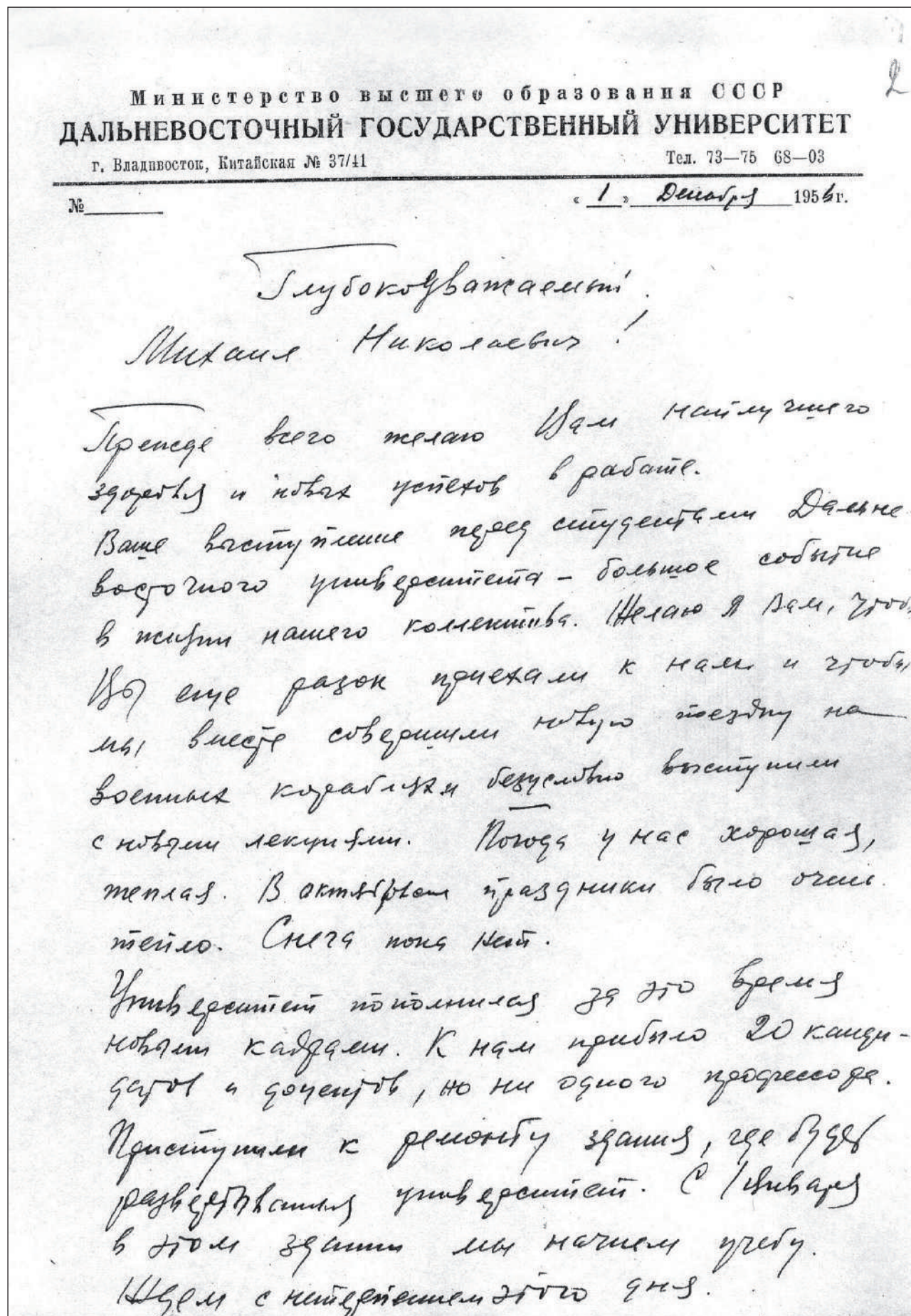

Рис. 4. Письмо Г.С. Куцега академику М.Н. Тихомирову от 1 декабря 1956 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьев А.Р. Книжный фонд академика М.Н. Тихомирова в собрании научной библиотеки Дальневосточного государственного университета // Археографический ежегодник за 1991 год. М.: Наука, 1994. С. 141-144.
2. Баляба Е.А. Дарственные надписи на книгах библиотеки М.Н. Тихомирова как отражение личности академика и его научных интересов // Дальневосточный ученый. 2008. 25 июня. С. 11.
3. В Дальневосточном государственном университете // Тихоокеанский комсомолец. 1956. 5 октября. С. 1.
4. Выездная сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР во Владивостоке // Красное знамя. 1956. 28 сентября. С. 1; 29 сентября. С. 2; 30 сентября. С. 1.
5. Дальневосточный государственный университет // Красное знамя. 1956. 2 сентября. С. 1.
6. Долдобанова Н.А., Шеламанова Н.Б. К биографии академика М.Н. Тихомирова // Археографический ежегодник за 1965 год. М.: Наука, 1966. С. 173-175.
7. За учебу! // Красное знамя. 1956. 1 сентября. С. 1.
8. Ковеля В.В. Воспоминания М.Н. Тихомирова за 1930-1960 гг. // Русский Сборник. Сер. "Труды кафедры отечественной истории Брянского гос. университета им. акад. И.Г. Петровского". Брянск, 2013. С. 203-210.
9. Кривошеев Ю.В., Мандрик М.В., Соколов Р.А. «Дневник поездки на Чудское озеро академика М.Н. Тихомирова» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6. С. 387-406.
10. Лекции ученых // Красное знамя. 1956. 2 октября. С. 1.
11. Михаил Николаевич Тихомиров [1893-1965]: Биобиблиогр. указ. / Сост. И.Е. Тамм; Науч. рук. С.О. Шмидт; Библиогр. ред.: Д.Н. Бакун, Н.Г. Мухина; Подгот. к печати, испр. и доп. Д.Н. Бакун. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996.
12. Митинг, посвященный постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР о восстановлении Дальневосточного государственного университета // Красное знамя. 1956. 2 сентября. С. 1, 2.
13. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья (очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Приморское книжное изд-во, 1959.
14. Печенкина В.А. Книги с автографами из коллекции М.Н. Тихомирова, подаренной Дальневосточному государственному университету /

- науч. ред. О.П. Еланцева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.
15. Рудаков А.В. Восстановить Восточный институт // Красное знамя. 1946. 26 мая. С. 1.
16. Староверова И.П. Фонд М.Н. Тихомирова в Архиве АН СССР // Археографический ежегодник за 1968 год. М.: Наука, 1970. С. 304-314.
17. Судьбы людей и судьбы науки // Литературная газета. 1956. 26 июня. С. 1.
18. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Изд-во МГУ, 1946.
19. Тихомиров М.Н. Древняя Москва (XII-XV вв.) М., 1947.
20. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: происхождение текстов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.
21. Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. М.: Политиздат, 1955.
22. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 583 с.
23. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV-XV веках. М.: Изд-во Московского университета, 1957.
24. Чистякова Е.В. М.Н. Тихомиров и Армения (по материалам переписки с Л.С. Хачикяном) // Археографический ежегодник за 1983 год. М.: Наука, 1985. С. 212-213.
25. Шкилева Л.Ф. Тихомировские издания // Ленинец. 1965. 6 ноября.
26. Шмидт С.О. Воспоминания академика М.Н. Тихомирова о Самаре, 1919-1923 гг. // Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. М., 2012. С. 277-286.
27. Шмидт С.О. Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова. Тихомировские традиции // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Сб. науч. трудов. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1981. С. 5-21.

REFERENCES

1. Artem'ev, A.R., 1994. Knizhniy fond akademika M.N. Tikhomirova v sobranii nauchnoi biblioteki Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta [Books of academician M.N. Tikhomirov in the collection of Scientific Library of Far Eastern National University]. In: Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1991 god. Moskva: Nauka, pp. 141-144. (in Russ.)
2. Balyaba, E.A., 2008. Darstvennye nadpisi na knigakh biblioteki M.N. Tikhomirova kak otrazhenie lichnosti akademika i ego nauchnykh interesov [Presentation inscriptions on the books from M.N. Tikhomirov library as a reflection of his

personality and research interests], Dal'nevostochniy ucheniy, June 25, p. 7. (in Russ.)

3. V Dal'nevostochnom gosudarstvennom universitete [At Far Eastern National University], Tikhookeanskiy komsomolets, 1965, October 5, p. 1. (in Russ.)

4. Vyezdnyaya sessiya Otdeleniya istoricheskikh nauk Akademii nauk SSSR vo Vladivostoke [Visiting session of the Department of historical sciences of the USSR Academy of Sciences in Vladivostok], Krasnoe znamya, 1956, September 28, p. 1; September 29, p. 2; September 30, p. 1. (in Russ.)

5. Dal'nevostochniy gosudarstvenniy universitet [Far Eastern National University], Krasnoe znamya, 1956, September 2, p. 1. (in Russ.)

6. Doldobanova, N.A. and Shelamanova, N.B., 1966. K biografii akademika M.N. Tikhomirova [Towards the biography of academician M.N. Tikhomirov]. In: Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1965 god. Moskva: Nauka, pp. 173-175. (in Russ.)

7. Za uchebu! [Get to studies!], Krasnoe znamya, 1956, September 1, p. 1. (in Russ.)

8. Kovelya, V.V., 2013. Vospominaniya M.N. Tikhomirova za 1930-1960 gg. [Memories of M.N. Tikhomirova, 1930-1960]. In: Russkiy Sbornik. Ser. «Trudy kafedry otechestvennoy istorii Bryanskogo gos. universiteta im. akad. I.G. Petrovskogo». Bryansk, pp. 203-210. (in Russ.)

9. Krivosheev, Y.V., Mandrik, M.V., Sokolov, R.A., 2011. Dnevnik poezdki na Chudskoe ozero akademika M.N. Tikhomirova [The diary of the trip to the Lake Chudskoye of academician M.N. Tikhomirov], Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta, no. 6, pp. 387-406. (in Russ.)

10. Lektsii uchenykh [Lectures of scientists], Krasnoe znamya, 1956, October 2, p. 1. (in Russ.)

11. Tamm, I.E. and Shmidt, S.O. eds., 1996. Mikhail Nikolaevich Tikhomirov [1893-1965]: Bibliograficheskiy ukazatel [Mikhail Nikolayevich Tikhomirov [1893-1965]: Bibliographic index]. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvenniy gumanitarniy universitet. (in Russ.)

12. Miting, posvyashchennyi postanovleniyu TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR o vosstanovlenii Dalnevostochnogo gosudarstvennogo universiteta [The meeting dedicated to the resolution of the Central Committee of the CPSU and the USSR Council of Ministers on the restoration of Far Eastern National University], Krasnoe znamya, 1956, September 2, pp. 1, 2. (in Russ.)

13. Okladnikov, A.P., 1959. Dalekoe proshloe Primorya (ocherki po drevney i srednevekovoy istorii

Primorskogo kraya) [The distant past of Primorye (essays on ancient and medieval history of Primorsky region)]. Vladivostok: Primorskoe knizhnoe izd-vo. (in Russ.)

14. Pechenkina, V.A., 2002. Knigi s avtografami iz kolleksii M.N. Tikhomirova, podarennoy Dalnevostochnomu gosudarstvennomu universitetu [Books with M.N. Tikhomirov's autographs from the collection presented to Far Eastern National University]. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta. (in Russ.)

15. Rudakov, A.V. Vosstanovit' Vostochniy institut [To restore Oriental Institute], Krasnoe znamya, 1946, May 26, p. 1. (in Russ.)

16. Staroverova, I.P., 1970. Fond M.N. Tikhomirova v Arkhive AN SSSR [The Fund of M.N. Tikhomirov in the Archives of the Academy of Sciences of USSR]. In: Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1968 god. Moskva: Nauka, pp. 304-314 (in Russ.)

17. Sudby lyudey i sudby nauki [The fates of people and the fates of science], Literaturnaya gazeta, 1956, June 26, p. 1. (in Russ.)

18. Tikhomirov, M.N. 1946. Drevnerusskie goroda [Ancient Russian cities]. Moskva: Izd-vo MGU. (in Russ.)

19. Tikhomirov, M.N. 1947. Drevnyaya Moskva (XII-XV vv.) [Ancient Moscow (XII-XV centuries)]. Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (in Russ.)

20. Tikhomirov, M.N. 1941. Issledovanie o Russkoy Pravde: proishozhdenie tekstov [Research on Russkaya Pravda: the origin of the texts]. Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (in Russ.)

21. Tikhomirov, M.N. 1955. Krestyanskie i gorodskie vosstaniya na Rusi XI-XIII vv. [The peasant and urban uprisings in XI-XIII centuries Russia.]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)

22. Tikhomirov, M.N. 1962. Rossiya v XVI stoletii [Russia in the XVI century]. Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (in Russ.)

23. Tikhomirov, M.N. 1957. Srednevekovaya Moskva v XIV-XV vekakh [Medieval Moscow in the XIV-XV centuries]. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta. (in Russ.)

24. Chistyakova, E.V. 1985. M.N. Tikhomirov i Armeniya (po materialam perepiski s L.S. Khachikyanom) [M.N. Tikhomirov and Armenia (materials of correspondence with L.S. Khachikyan)]. In: Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1983 god. Moskva: Nauka, pp. 212-213. (in Russ.)

25. Shkileva, L.F. Tikhomirovskie izdaniya [Tikhomirov's editions], Leninet, 1965, November 1. (in Russ.)

26. Shmidt, S.O. 2012. Vospominaniya akademika M.N. Tikhomirova o Samare, 1919-1923 gg. [The memoirs of academician M.N. Tikhomirov about Samara, 1919-1923]. In: Moskovskiy istorik Mikhail Nikolaevich Tikhomirov. Moskva, pp. 277-286. (in Russ.)

27. Shmidt, S.O. 1981. Izdanie i izuchenie naslediya M.N. Tikhomirova. Tikhomirovskie traditsii [Publication and study of the heritage of M. N. Tikhomirov]. In: Sibirskoe sobranie M.N. Tikhomirova i problemy arkheografii. Sb. nauch. trudov. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, pp. 5-21. (in Russ.)

УДК 94(571.6)

П.С. Гребенюк*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В 1950-е – 1960-е гг.

Автор анализирует изменения в сфере народного образования на Северо-Востоке России в 1950-е – 1960-е гг. Внимание государства к образовательной политике после создания в 1953 г. Магаданской области на территории деятельности Дальстроя проявилось в значительном увеличении ассигнований на народное образование в районах Колымы и Чукотки. В статье отмечается, что наряду с интенсивным школьным строительством, увеличением числа учащихся и повышением качества подготовки учителей, наблюдалась высокая текучесть учителей и учащихся, низкая успеваемость, высокий отсев учащихся и катастрофический недостаток детских дошкольных учреждений. Автор приходит к выводу, что учреждения высшего и среднего образования играли важную роль в подготовке кадров, но не удовлетворяли потребности области в квалифицированных специалистах, большинство из которых продолжало прибывать из центральных регионов страны.

Ключевые слова: Северо-Восток России, Магаданская область, народное образование, школа, дошкольное воспитание, высшее образование, среднее образование

Public education in the Northeast Russia, 1950s – 1960s. PAVEL S. GREBENYUK (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article focuses on the changes that occurred in the field of public education in the Northeast of Russia in 1950s – 1960s. The author notes that, along with intensive school construction, increase in the number of students and improvement of teacher training quality, there was a high turnover of teachers and students, poor academic performance, high dropout rates among pupils and catastrophic lack of kindergartens. It is concluded that higher and secondary educational institutions played an important role in personnel training, but did not fully meet the needs of the oblast for qualified specialists, most of which continued to come from the central regions of the USSR.

Keywords: Northeast Russia, Magadan oblast, public education, school, pre-school education, higher education, secondary education

В советский период вопросы народного образования на Северо-Востоке России освещались в русле достижений социалистического развития Колымы и Чукотки, исследователями накоплен большой фактический материал, важное место занимали проблемы государственного руководства культурным строительством на Крайнем Севере,

организации и работы первых национальных школ, вопросы национального образования и национальных кадров, всеобщего обучения, ликвидации неграмотности, школьного строительства [1; 2; 6; 7; 8; 10]. В современной историографии наблюдается возвращение интереса к истории народного образования на Северо-Востоке России, в

особенности к вопросам реформирования школьного образования и опыту существования высшей школы в Магаданской области [4; 11; 12].

В этой связи представляется важным исследовать комплекс мер, принятых руководством региона на Северо-Востоке России в 1950-е – 1960-е гг. в сфере народного образования и проанализировать основные особенности развития системы дошкольного воспитания и школьного обучения, развития среднего и высшего образования в районах Колымы и Чукотки.

С этой целью нами были изучены материалы Магаданского обкома и облисполкома за период с 1954 по 1972 гг., в том числе содержащие годовые отчёты школ области, что позволило выделить основные данные по школьной сети и состоянию дошкольного воспитания и работы с кадрами. Особый интерес представляют материалы партийных органов, содержащие справки в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о развитии школ, учительских кадрах, сети детских учреждений, ликвидации неграмотности и об «укреплении связи школы с жизнью». Эти неопубликованные материалы позволили проследить основные направления и показатели работы государственных органов в сфере народного образования, в 1950-е – 1960-е гг. действовавших в особых условиях, связанных со специфическим наследием Дальстроя.

Хозяйственная деятельность Главного управления строительства Дальнего Севера «Дальстрой» (реорганизован в совнархоз 1957 г.), в течение длительного времени осуществлявшего в регионе функции государственного управления, основывалась на широком использовании принудительного труда заключённых и отличалась установкой на первостепенное развитие горнопромышленного производства, ориентированного на добычу золота, олова и угля, что привело к возникновению значительных народнохозяйственных диспропорций, последствия которых влияли на текущую политику и требовали больших усилий для их устранения. Эти диспропорции сказались как на сфере материального производства и непродуманных отраслях, так и на социокультурной сфере.

Амнистия 1953 г. и образование в декабре того же года Магаданской области знаменовали пересмотр государственной политики на Северо-Востоке страны, выразившийся в перестройке системы хозяйствования с акцентом на вольнонаемный персонал и активном развитии, наряду с горнодобывающей промышленностью, различных отраслей народного хозяйства – капитального строительства, энергетики, транспорта, местной промышленности, рыбопромыслового и сельского

хозяйства, и в целом увеличении внимания руководства к социальной сфере.

Новая социальная концепция требовала качественного улучшения кадровой политики, где основное место занимал организованный набор квалифицированных специалистов из центральных районов страны, выпускников высших учебных заведений СССР, прибывающих на работу по договорам, а также общественный призыв молодежи, когда по путевкам ЦК ВЛКСМ на Северо-Восток прибывало сразу несколько тысяч специалистов. (1956 г.). Потребность области в квалифицированных кадрах отчасти компенсировалась большим числом так называемых практиков – работников, не имеющих профессионального образования, но приобретших опыт трудовой деятельности в условиях Северо-Востока. Многие из них в прошлом были заключёнными Северо-Восточного ИТЛ и, освободившись из мест заключения, оставались работать на предприятиях Дальстроя.

С созданием Магаданской области и началом деятельности обкома и облисполкома перед руководством региона стояли задачи по закреплению населения в области, для чего нужно было обеспечить приемлемые условия для жизни людей. Сфера народного образования стала одним из ключевых направлений новой социокультурной политики, где планировалось воплощение в жизнь мероприятий по дальнейшему развитию учреждений дошкольного воспитания и школьной сети, учреждений среднего и заочного образования, а также развития высшей школы на Северо-Востоке России. Функции административно-гражданского отдела Дальстроя, курировавшего образование, и колымского отдела народного образования были переданы Магаданскому облисполкому. В районах Колымы и Чукотки при райисполкомах формировались отделы народного образования, в качестве приоритетных в первые годы работы ставились задачи активного вовлечения в обучение населения, увеличение качества образования, повышение успеваемости учащихся и улучшения материально-технической базы школ.

Данные по количеству школ на территории деятельности Дальстроя показывают, что в 1950-1951 учебном году действовало 110 школ с числом учащихся 9 643 чел. (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 20. Л. 4). В 1950-1953 гг. количество начальных и семилетних школ практически оставалось на прежнем уровне, количество средних школ увеличилось на 4 за три года. Однако уже с 1953 г. происходит заметное увеличение как количества школ, так и числа учащихся. Так, например, толь-

* ГРЕБЕНЮК Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук.

E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

© Гребенюк П.С., 2016

ко количество семилетних школ увеличилось более чем в 2 раза (с 12 до 35 школ). На Чукотке число учащихся с 1949 г. значительно увеличилось, в том числе за счет привлечения к обучению представителей коренных национальностей. Начальные школы старались объединять в связи с плохой материальной базой и условиями бездорожья.

В 1953-1954 учебном году в Магаданской области действовало 182 школы с общим числом учащихся 15 613 чел., из них средних школ – 29, семилетних – 35, начальных – 118. На начало 1954 учебного года в школах области было 17,2 тыс. учащихся, на конец учебного года численность учащихся сократилась до 16 610. (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 20. Л. 4).

В целом в 1954 г. на народное просвещение были запланированы средства в размере 63 млн. рублей, но уже в бюджете 1955 г. на нужды народного образования было отпущено 74 млн. руб. К 1956 г. сеть школ области увеличилась в соответствии с планом с 182 до 192 школ, из которых начальных – 128, семилетних – 31, средних – 33. На конец 1953-1954 учебного года в области работало 1224 учителя, из них с высшим образованием – 384, с незаконченным высшим – 267, со средним образованием – 549, без соответствующего специального образования в целом по области работали 24 учителя. Усилия, предпринимаемые руководством региона, постепенно приводили к важным изменениям в развитии школьного образования. В сентябре 1954 г. в Магадане начал работу областной институт усовершенствования учителей, директором-организатором которого была назначена У.Д. Ронис, завуч средней школы № 1 г. Магадана [9, с. 39]. В 1955 г. было открыто Магаданское педагогическое училище. Все это принесло свои положительные результаты уже во второй половине 1950-х гг.

В 1955-1956 гг. все школы города и области начали работу по новым программам и учебникам. В этой связи, помощь учителям оказывал институт усовершенствования учителей. Сотрудники института провели оценку качества знаний учащихся, анализ экзаменационных работ, проводились встречи и консультации для учителей города и области. Успеваемость в школах Магаданской области в 1953-1954 гг. составила 81,3%. Так, из общего количества учащихся в конце года – 15 305 чел. переведены в следующий класс по окончании года (или окончили) – 12 458, оставлены на второй год – 1 119, число учащихся, перевод которых был отложен до осени, составило 1 728.

Одной из причин низкой успеваемости являлось то, что в национальных школах обучение ве-

лось на русском языке. Значительная часть детей, обучающихся в школах Чукотки, Северо-Эвенского района являлись представителями местных коренных национальностей (чукчи, эскимосы, эвены, чуванцы, юкагиры, якуты), однако в школах занимались по единой программе, и преподавание велось на русском языке учителями, не владеющими языками северных народностей. Для обучения в школе детей привозили из тундры, русской разговорной речью они не владели. Это существенно влияло на результаты работы школ. Больше половины учащихся на Чукотке ограничивались обучением в начальных классах, в 5-7 классах обучалось в 2 раза меньше детей, чем в начальных школах (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 38. Л. 20). Особенно велик был отсев детей местного населения в семилетних и средней школах.

Проблемным вопросом и причиной низкой успеваемости также являлась большая текучесть педагогических кадров и учащихся. За 1954-1955 учебный год из школ области выбыло 216 учителей, прибыло 306 учителей, выбыло 2284 учащихся, прибыло 1878 учащихся (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 38. Л. 20). Из-за перемещения контингента учащихся в 1955 г. были закрыты 2 начальные школы (Ягоднинский район, Восточно-Тундровский район), еще 7 начальных школ и одна семилетняя были закрыты в связи с закрытием в районах предприятий Дальстроя. В Среднеканском районе из 10 школ осталось 6 (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 38. Л. 3-4). Согласно архивным данным, наполняемость классов была выше норм, принятых Министерством просвещения (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 38. Л. 6). Одной из основных причин было сокращение или закрытие деятельности многих предприятий Дальстроя, в связи с этим рабочие вместе с детьми выезжали из области. Новые предприятия местной промышленности, создаваемые в первые годы после образования Магаданской области, не были в состоянии компенсировать потери. Потребность в открытии школ в основном зависела от геологоразведочных открытий и организации новых предприятий.

Несмотря на рост школьной сети области, существовали серьезные проблемы с хозяйственным состоянием школ, материально-техническим обеспечением и формированием учебной базы. Например, в 1955 г. в Магаданской области из 186 школ только 30 располагались в зданиях типовой постройки, при этом все остальные располагались в приспособленных для этого зданиях и помещениях. Школьные здания, особенно в Чукотском округе, Северо-Эвенском и Ольском районе не соответствовали самым минимальным требова-

ниям. Отдельные школы просто были сделаны из ящичных досок, обложенных дерном (Нутепельшенская, Тойгуненская, Сешанская, Четгунская, Четнокиргенская и др.), другие из плавника, одна школа была построена из разбитой шхуны и еще одна размещена в фюзеляже самолета (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 53. Л. 4). Многие средние школы реорганизовывались из семилетних фактически без наличия достаточной базы для размещения, в связи с этим во многих школах было тесно и более половины школ области занимались в две смены. Серьезные затруднения испытывали школы в обеспечении учебно-наглядными пособиями, мебелью и лабораторным оборудованием.

Одна из основных задач в первые годы образования Магаданской области состояла в том, чтобы максимально охватить детей Колымы и Чукотки обучением в школах. Руководство области принимало меры во исполнение закона о всеобщем обязательном обучении детей школьного возраста. Так, на начало 1956 г. в школах области не обучалось 156 чел., из них около 60 так и не удалось вернуть в школы в течение учебного года. В основном проблема с вовлечением детей остро проявлялась в районах Чукотки. Это было связано с тем, что большая часть детей кочевала с родителями-оленеводами, в условиях бездорожья детей привозили в школы с опозданием на 1-2 месяца (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 38. Л. 11).

В этой связи важную роль имела сеть интернатов области. В 1954-1955 гг. работало 65 интернатов с общим количеством учащихся 2 507 чел., или 14,5% к общему числу учащихся, из них 1 565 воспитанников находились на полном государственном обеспечении (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 38. Л. 12). Большинство интернатов располагались в тесных непригодных помещениях, были плохо оборудованы, не везде были созданы условия для приготовления пищи. Многие школьные интернаты Чукотки и Северо-Эвенского района плохо обеспечивались обувью и одеждой, постельным бельем. Медицинское обслуживание фактически отсутствовало, в большинстве школ не проводились медицинские осмотры (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 38. Л. 12).

Верховный Совет СССР 24 декабря 1958 г. принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», в соответствии с которым в СССР началось реформирование школьного образования. Еще в ходе подготовки реформы в Магаданской области специальной комиссией был разработан план мероприятий по реорганизации системы народного образования, и после рассмо-

трения на бюро обкома соответствующие предложения были направлены в Бюро ЦК КПСС по РСФСР [12, с. 48].

Главной целью нововведений в школьном образовании СССР был акцент на подготовку технических кадров для предприятий промышленности и сельского хозяйства. Вместо 7-летнего вводилось всеобщее обязательное 8-летнее образование, а срок среднего образования был увеличен с 10 до 11 лет, при этом школьники старших классов дневных школ должны были работать на производственных предприятиях или в сельском хозяйстве. В рамках мероприятий по воплощению в жизнь новой концепции школьного образования по решению Магаданского облисполкома промышленные предприятия, совхозы и колхозы были закреплены за школами как базовые предприятия по производственному обучению учащихся. В 1959 г. девять средних школ были реорганизованы в одиннадцатилетние школы с производственным обучением. Во всех средних и семилетних школах имелись производственные мастерские или рабочие комнаты, из них 40 мастерских по металлу, 53 по дереву и одна косторезная. В 94 школьных мастерских имелось 718 механических станков, 650 верстаков, 300 швейных машинок. В школах были оборудованы 32 комнаты для занятий по технике и швейному делу, для учебных целей в школах имелось 52 автомобиля (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 362. Л. 237).

Учащиеся получали производственные специальности, овладевали навыками работы в различных отраслях хозяйства. Школьников привлекали к строительству школьных зданий, ремонту мебели, сбору металлолома, посадке деревьев и кустарников, работе в колхозах, совхозах и тепличных хозяйствах, к охоте и добыче пушнины, сбору грибов и ягод. Учеников старших классов привлекали и к старательской добыче золота, судя по архивным данным в 1957-1959 гг. школьники намыли старательским способом 17,9 кг золота (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 668. Л. 27.).

К 1962 г. в каждом поселке Магаданской области имелась школа. Всего из 209 школ было 30 восьмилетних, 23 семилетних, 25 средних и 131 начальная школа. Во всех школах обучалось 32 472 ученика и в 49 школах рабочей молодежи 6 916 чел. В 13 школах-интернатах и 49 северных интернатах проживало и воспитывалось ещё 4 200 учащихся (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 666. Л. 16.). Все учащиеся с 1 по 7 класс занимались по новым учебным планам, осуществлялась реорганизация семилетних школ в восьмилетние, а средних – в одиннадцатилетние. В 1961 г. 18 семилетних

школ было реорганизовано в восьмилетние. В 1959 г. – 9 средних школ, в 1960 г. – 7 школ и в 1961 г. – 2 средних школы были реорганизованы в одиннадцатилетние школы с производственным обучением. В 9-11 классах обучались профессии 1 375 учеников по 23 специальностям (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 666. Л. 18.). Основные профессии – токарь, слесарь, воспитатель детского сада, швея, механизатор сельского хозяйства. Всего по области 17 школ осуществляли производственное обучение на промышленных предприятиях, ремонтных мастерских, предприятиях бытового обслуживания, и одна школа на базе областной опытной сельскохозяйственной станции.

Однако массовое закрытие сельских школ вело к резкому усугублению и без того непростой ситуации с воспитанием национальных кадров в районах области и особенно на Чукотке и было остановлено в 1962 г. только после специальной записки внештатного инструктора обкома В.В. Лентьева членам бюро Магаданского обкома. «Если мы в ближайшее время не решим вопроса с сельскими школами и пойдём по пути их ликвидации, то мы тем самым подрубим корни, на которых держится наше сельское хозяйство», – писал автор записки (ГАМО. П-21. Оп. 5. Д. 665. Л. 58). Примечательно, что с самого начала реформы, государственные органы управления, прежде всего облисполком, могли оценить последствия закрытия сельских школ, более того, были и отдельные заседания по конкретным вопросам, но информационно-аналитических выводов и поправок не было предложено.

Ежегодно увеличивались ассигнования на народное образование, в 1957 г. они составили 106 млн. руб., в 1959 г. – 138 млн. руб., а в 1960 г. было выделено 170 млн. руб. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 668. Л. 25.). Важным направлением стало активное строительство и ввод новых школьных зданий. Всего за период 1959-1961 гг. было введено 5 440 новых мест, а также за счет пристроек к существующим школам, освобождения административных и жилых зданий дополнительно введено 1 720 мест. Построено 19 мастерских и оборудовано 20 учебных кабинетов. Всего по области из 209 школ только 108 школ занимались в одну смену. Тем не менее, количество учащихся, занимающихся во вторую смену, составляло 11 тыс. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 666. Л. 19). Согласно отчетным данным успеваемость в школах области оставалась низкой, в 1961 г. из 27 542 учащихся второгодники составляли 2 515 чел. По итогам первого полугодия 1961-1962 учебного года из 32 472 учеников было 4 109 неуспевающих (12%)

(ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 666. Л. 20). Плохая успеваемость отмечалась по русскому языку, математике, геометрии, иностранному языку, географии, истории и биологии.

В 1960 г. в области работало 2 300 учителей и воспитателей, из них с высшим образованием – 1 170, со средним специальным – 1 132, без соответствующего образования – 46. Повысилась доля учителей с высшим образованием: с 38% в 1957 г. до 50% в 1960 г. Многие учителя заочно учились в Хабаровском педагогическом институте. В 1958 и 1959 гг. были проведены областные съезды учителей, каждый год около 500 учителей проходили курсы при институте усовершенствования учителей. К 1962 г. в школах области работали 2 534 учителя-специалиста, в том числе с высшим и незаконченным высшим образованием – 1 310, со средним специальным – 1 224. По стажу работы учителя распределялись следующим образом: до 5 лет – 1 147 учителей, от 5 до 10 лет – 807, от 10 лет и выше 587 (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 666. Л.40). Нагрузку свыше 18 часов в неделю имели 586 учителей, что объяснялось недостаточной обеспеченностью кадрами.

При этом ежегодная потребность в педагогических кадрах в целом по области определялась в 400 чел. Этот расчет был проведен с учетом показателей естественного прироста населения и ежегодного выезда за пределы области более 300 специалистов. Многие опытные учителя стремились покинуть область из-за климата и состояния здоровья, а молодые специалисты уезжали после трех лет работы из-за тяжелых бытовых условий. Одной из причин выезда учителей стало уменьшение льгот для жителей области в 1960 г. В какой-то мере выбытие учителей удалось остановить к 1964 г. с помощью повышения заработной платы (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 239. Л. 29).

К 1963 г. в Магаданской области действовало 218 школ, из них 131 начальная школа, 58 восьмилетних школ, 29 средних школ с общим количеством учащихся 35 758 чел. За десять лет количество учащихся выросло на 20 тыс. чел. В 1962 г. в первый класс было принято 5881 учащихся, успеваемость в 1962-1963 учебном году составила 92,7%. В школах рабочей молодежи и заочных школах обучалось 9 000 рабочих и служащих или на 6 000 больше чем в момент организации области. К 1963 г. было организовано 14 новых школ-интернатов, в которых воспитывалось 2 536 детей, при этом сохранена действующая система 49 северных интернатов, в которых содержалось около 2 000 детей.

В 1963 г. только на строительство новых школ было выделено 5,5 млн. рублей (рост в 11 раз к

1953 г.), на содержание учреждений народного образования более 25 млн. рублей (рост в 4 раза к 1953 г.). За период 1953-1964 гг. были построены десятки новых школ с общим числом мест на 12 тыс. учащихся (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 125. Л. 10). В рамках работы по обеспечению обязательного всеобщего восьмилетнего образования с 1965 по 1970 гг. в области 28 школ были преобразованы в средние школы. К 1971 г. в области действовало 285 школ с общим количеством учащихся 70 тыс. чел. [5, с. 17]. Всего к 1971 г. с момента образования Магаданской области (1953 г.) было построено 100 новых школ на 29 116 мест, а также были расширены действующие школы за счёт чего дополнительно получено 7 838 мест. Одновременно со школьными зданиями строились общежития для школ-интернатов, площадь введённых в строй 16 школ-интернатов составила 22 765 кв.м. [5, с. 21].

В начале 1970-х гг. школах работало около 5 тыс. учителей, в том числе 54 заслуженных учителя школ РСФСР. Среди работников отрасли, внёсших большой вклад в развитие системы народного образования в Магаданской области, имена руководящих работников и учителей А.Л. Железкова, А.В. Орехова, Л.Н. Верина, В.Ф. Прохоровой, В.Е. Гоголевой, У.Д. Ронис, Н.С. Цепляевой, Г.В. Хорошиловой, Р.В. Бретехиной, С.С. Трубоченко, А.Я. Марковой, Н.В. Костылевой. З.П. Ефремовой и многих других.

Важным для руководства направлением была ликвидация неграмотности и малограмотности среди населения. Несмотря на активные меры, принятые в конце 1950-х – начале 1960-х гг. число неграмотных и малограмотных в области все ещё оставалось значительным. В 1962 г. было принято постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР «О завершении ликвидации неграмотности в РСФСР», однако анализ деятельности органов народного образования показывает, что в 1965 г., когда истекали сроки завершения этой работы, в Магаданской области из 965 неграмотных было обучено 627, а из 4 742 малограмотных – 1 700, в том числе на Чукотке из 442 неграмотных было обучено 383 и из 1 621 малограмотных было обучено 845 чел. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 670. Л. 90).

Самой острой проблемой был недостаток сети дошкольных учреждений. С момента образования Магаданской области в 1953 г. темпы роста дошкольных учреждений составляли около 4-6 % в год, темпы роста численности детей в дошкольных учреждениях около 8-11 %. На начало 1957 г. в области было 20 детских яслей и

116 детских садов (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 668. Л. 36). К 1959 г. их общее количество выросло до 208, а численность детей увеличилась вдвое – с 5 800 до 12 500 чел. В 1958 г. были открыты первые детские ясли в колхозах национальных районов. К 1960 г. на полном государственном обеспечении в колхозных детских садах и яслях находились 800 детей, но из 55 колхозов только в 30 имелись детские сады и ясли.

Тем не менее, на 42 500 дошкольников в области детских учреждений было крайне мало. Согласно подсчетам, более 2/3 детей не имели возможности посещать детские дошкольные учреждения. Родители были вынуждены по 2-3 года стоять в очереди на устройство детей в детский сад. Почти все детские учреждения были перегружены, вместо 2,5 кв.м. на ребенка в большинстве садов приходилось не более 1 кв.м. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 668. Л. 36). В 1964-1965 гг. в г. Магадане в дошкольных учреждениях работало 567 сотрудников, из них: заведующих ясли-садами – 51, воспитателей – 286, медицинских работников – 230. По образованию работники распределялись следующим образом: с высшим образованием 24 чел., со средним специальным – 216, с общим средним – 77, не имели среднего образования – 20 (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 239. Л. 30).

В период 1966-1971 гг. в Магаданской области было построено детских дошкольных учреждений на 5 110 мест. По данным на 1 января 1972 г. в области насчитывалось 322 дошкольных учреждения с 30 671 чел. Однако обеспеченность детей детскими садами и яслями составляла только 67%. В первые классы ежегодно поступало 60-70% выпускников детских садов. В целом в Магаданской области в конце 1960-х – начале 1970-х гг. очередь в дошкольные учреждения составляла около 10 000 чел. Очередь вели депутатские комиссии при исполкомах, а также местные комитеты ведомств и предприятий, в районах, где очереди не было, заявления принимали заведующие учреждениями. Дефицит мест был настолько большим, что органы народного образования не могли справиться с установлением единого порядка учета (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 399. Л. 21). Согласно перспективному плану развития, органы народного образования планировали дополнительно вести 7,5 тыс. мест для детей дошкольного возраста. Такое положение сказывалось на народном хозяйстве области: как отмечает В.В. Доржиева, из-за нехватки мест в детских дошкольных учреждениях Магаданской области молодые женщины не могли в полной мере участвовать в общественном производстве [3, с. 44].

В 1950-е – 1960-е гг. расширялась сеть учреждений среднего профессионального образования. В 1954 г. на базе туберкулезной больницы поселка Дебин было создано Магаданское медицинское училище, в 1955 г. открыто профессионально-техническое училище, в 1960 г. начало работу Магаданское областное музыкальное училище, а в 1966 г. Магаданское торгово-кулинарное училище. Учитывая специализацию региона, важное место в подготовке кадров рабочих специальностей занимал Магаданский горно-геологический техникум. На дневном отделении обучение проводилось по 8 специальностям, на вечернем – по двум специальностям и на заочном отделении – по десяти специальностям. На начало 1958-1959 учебного года на дневном отделении училось 785 учащихся по следующим специальностям: 1) геология и разведка месторождений полезных ископаемых; 2) геофизические методы поисков и разведки; 3) топографии; 4) разработка рудных и россыпных месторождений; 5) горной электромеханике; 6) плодоовощеводство; 7) ветеринарии; 8) механизация сельского хозяйства (ГАМО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 40. Л. 6). Большая специализация не давала возможности полностью укомплектовать техникум качественным составом преподавателей. Наблюдалась текучесть преподавательского состава, а также частая смена специальностей, по которым проводился набор. К 1959 г. были упразднены такие специальности как обогащение руд цветных металлов, маркшейдерия, планирование на предприятиях горнорудной промышленности. Эти обстоятельства влияли на подбор и закрепления преподавательских кадров. Однако в целом в указанный период техникум был укомплектован специалистами (ГАМО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 40. Л. 8).

Всего к началу 1970-х гг. в области функционировало шесть специальных средних учебных заведений, в которых училось 3 850 студентов: Магаданский политехникум, Сусуманский горный и Магаданский сельскохозяйственный техникумы, Анадырское педагогическое, Магаданское медицинское и музыкальное училища [5, с. 25].

В связи с растущей потребностью в инженерно-технических кадрах в 1950-гг. широкое развитие получило заочное образование. В 1949 г. в Магадане был организован учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института, где в 1951 г. в г. Магадане обучалось 125 студентов заочников на 6 факультетах. Основными проблемами в деятельности учебно-консультационного пункта являлось отсутствие оперативной связи с заочниками, ра-

ботавшими на трассе, отсутствие помещений и преподавателей, кроме этого, ежегодный отсев достигал 40-50 слушателей [4, с. 83]. Весной 1953 г. на девяти факультетах по 50 специальностям обучалось уже 298 студентов-заочников, из них на горном факультете – 130 чел., на энергетическом – 42 чел. Штат преподавателей по основным дисциплинам в целом был укомплектован [4, с. 83]. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института обучал студентов-заочников Магаданской области на шести факультетах (строительный, машиностроительный, металлургический, автомеханический, инженерно-экономический, горный факультеты) по широкому перечню специальностей.

К 1965 г. в Магаданской области работало семь заочных учебных заведений, из них 4 высших и 2 средних. Всего обучалось 5 105 студентов: филиал Всесоюзного заочного политехнического института – 1 200 чел., Магаданский пединститут – 700 чел., Всесоюзного юридического заочного института – 450 чел., учебно-консультационный пункт Киевского авиационного института – 600 чел., учебно-консультационный пункт Уссурийского сельскохозяйственного института – 70 чел., политехникум – 2 050 чел., Дебинское медицинское училище – 35 чел. Однако, несмотря на значительный рост числа студентов-заочников, материальная база учебных заведений являлась неудовлетворительной. Например, Всесоюзный юридический заочный институт располагался в одной комнате. Заочные отделения техникума и Всесоюзного заочного педагогического института были расположены в здании техникума, который не имел достаточно количество помещений и для дневного и вечернего отделений. В этой связи часто бывали случаи, когда просто негде было проводить занятия со студентами, прибывавшими на заочную сессию. Учебно-консультационные пункты в поселках Усть-Омчуг, Ягодное, Певек вообще не имели помещений. Проблемы были и с обеспечением жильем студентов, прибывающих из районов области. Так, своего общежития не имел филиал Всесоюзного заочного педагогического института, где обучалось 1 200 чел. Многим приходилось, не найдя жилья, раньше времени возвращаться домой. В летний период в г. Магадан приезжало одновременно около 500 заочников, гостиниц мест не предоставляли, и большинство располагалось в транзитках по 50-60 чел. в комнате.

Большое количество студентов отчислялись из учебных заведений, многие выбывали за пределы области в связи с выездом или переводом

в другие регионы страны, но значительная часть студентов-заочников исключалась за академическую неуспеваемость (ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 239. Л. 21-23). Тем не менее, согласно подсчетам, за период 1961-1965 гг. более 1000 чел. успешно закончили заочные учреждения Магаданской области. В целом в 1960-е гг. заочные образовательные учреждения значительно улучшили и условия работы, и образовательную базу.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. специалистов с высшим образованием в области готовили консультационные пункты и заочные отделения Высшей партийной школы при ЦК КПСС, Всесоюзных юридического и технического институтов, Киевского института гражданской авиации и Приморского сельскохозяйственного института. Как видно, часть жителей области имела возможность заканчивать заочные факультеты высших учебных заведений Хабаровска и Владивостока, однако плановые показатели народного хозяйства требовали скорейшего создания прочной базы для развития высшей школы в Магаданской области и активизации процесса подготовки кадров по широкому кругу специальностей непосредственно в г. Магадане.

Предложение об организации учреждения высшего образования изучалось в Магаданском обкоме сразу после создания области, в 1955 г. вопрос рассмотрели на бюро, было подготовлено соответствующее письмо в Совет Министров РСФСР, однако в июне 1955 г. был получен отрицательный ответ. Совет Министров РСФСР посчитал создание в г. Магадане педагогического института нецелесообразным, так как ежегодная потребность в учителях для 5-10 классов школ области выражалась в 70-75 чел. и могла быть удовлетворена за счет выпусков педагогических институтов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. Сыграла роль и материально-техническая сторона вопроса – были приняты во внимание категорические возражения Минцветмета СССР по размещению отделений пединститута в зданиях по улицам Парковая, 12 и Якутская, 54 (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 661. Л. 8). В результате педагогический институт в г. Магадане начал работу только через 7-8 лет после создания области, значительная задержка в столь важном для региона вопросе объясняется сложным первоначальным периодом становления государственных органов власти на Северо-Востоке в 1954-1957 гг. и рабочими противоречиями с Дальстроем, который имел огромное влияние в решении текущих управленческих задач.

Магаданский государственный педагогический институт был создан постановлением Совета Министров РСФСР № 1761 от 22 ноября 1960 г. В ав-

густе 1961 г. на базе Магаданского педагогического училища прошли вступительные экзамены, а 3 октября 1961 г. уже начались занятия. Всего в первый учебный год действовало три факультета: историко-филологический, физико-математический, педагогики и методики начального образования.

Всего на 3 факультетах училось 200 чел., из них 5 представителей коренных национальностей. К концу учебного года выбыло 15 чел., на конец года училось 185 чел., из них 85% получали стипендию. (ГАМО. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 5. Л. 5). Само здание учебного корпуса и общежития студентов перешли институту от педагогического училища. В первый год работы ощущался недостаток в учебных площадях, необходимых для полноценной работы всех кафедр и отделов института. Так, в институте отсутствовал актовый зал. Общежитием были обеспечены все студенты, питание студентов и преподавателей осуществлялось в буфете и столовой при институте. Часть студентов питалась в городских кафе. Медицинское обслуживание осуществлялось территориально двумя поликлиниками и городской эпидемиологической станцией по месту жительства. В августе 1962 г. был проведен капитальный ремонт учебного корпуса и одного общежития на 225 мест. В институте имелась одна автомашинка ГАЗ-51, однако отсутствовал гараж.

Для организации учебно-воспитательной работы был утвержден состав Совета института. Интересно, что в первый год работы заседания Совета и решения всех вопросов проходило при участии всего штатного состава преподавателей института и классов педагогического училища, а также приглашенных членов представителей общественных организаций, органов народного образования города Магадана и области. Советом рассматривались вопросы учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы, конкурсов на замещение должностей, планирования работы института (ГАМО. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 5. Л. 35).

К 1964 г. институт превратился в сравнительно крупное учебное заведение на Северо-Востоке, где обучалось 1 360 студентов на стационаре и заочном обучении, работало 73 преподавателя, из них 18 доцентов и кандидатов наук (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 661. Л. 32). Развитие педагогического института в первые годы сдерживалось тяжелым положением с формированием и закреплением преподавательского состава. Это было связано с просчетами руководства, допущенными при организации института. Профессорско-преподавательскому составу была установлена надбавка в размере 30% к окладу, тогда как на всех других предприятиях и учреждениях Магаданской обла-

сти надбавки насчитывались в диапазоне 70-100%. Руководство области неоднократно обращалось с этим вопросом в вышестоящие инстанции. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР №620 от 15 июля 1964 г. не внесло изменений в систему оплаты профессорско-преподавательского состава и коснулось только административного и вспомогательного персонала. В результате образовалось несоответствие в оплате и в пределах самого пединститута (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 661. Л. 32).

В 1964-1965 учебном году в институте работало 73 преподавателя, однако дипломированных специалистов было только 10 чел., при этом опыта работы в вузе не имели свыше 60% преподавательского состава (ГАМО. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 35. Л. 3-4). В связи с этим уделялось большое внимание подготовке кадров и повышению квалификации. В 1965 г. 16 чел. сдали кандидатские экзамены и работали над кандидатскими диссертациями.

В 1964 г. вступительные экзамены сдавали 263 чел., из них по конкурсу прошли 198, из них на педагогический факультет было зачислено 50, на историко-филологический – 75, на физико-математический – 50. Тем не менее руководство института отмечало низкий уровень знаний наборов 1961-1965 гг. Например, в 1965 г. из 88 чел., поступивших на историко-филологический факультет, 37 получили по всем предметам только удовлетворительные оценки. Из 55 чел., сдававших письменную работу по математике, только 2 получили оценку «отлично». По физике из 55 чел. 41 получили «удовлетворительно» (ГАМО. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 35. Л. 3-4). Успеваемость и уровень знаний студентов в 1961-1965 гг. оставались низким. Так, в 1965 г. успеваемость составила 84,4%. Из 539 студентов справились с экзаменами и зачетами 474 чел., из них только 95 студентов (18%) сдали на «хорошо» и «отлично». (ГАМО. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 35. Л. 9). Подготовка педагогических кадров в Магаданском педагогическом институте играла положительную роль в закреплении кадров на территории области. Это были учителя, готовые к работе в условиях Севера, в том числе в отдаленных поселках. В связи с этим постепенно рос удельный вес преподавателей со стажем.

На начало 1965 учебного года число студентов достигло 671 чел. Интересным представляются данные по национальному составу: русские – 400, украинцы – 73, белорусы – 10, якуты – 132, чукчи – 16, ламуты – 1, эскимосы – 1, эвены – 7, орочи – 1, чуванцы – 1, камчадалы – 3, коряки – 1, юагиры – 3, казахи – 1, азербайджанцы – 1, молдаване – 1, мордва – 2, осетины – 1, татары – 6, удмурты – 2,

чуваши – 1, греки – 1, корейцы – 2, китайцы – 1, немцы – 1, евреи – 1, поляки – 1. Можно отметить многонациональный состав студентов, а также большой процент студентов-якутов – почти 20% от общего количества. Представителей коренных народов Северо-Востока училось 34 чел. – около 5%. (ГАМО. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 45. Л. 8). Общий уровень подготовки студентов коренных национальностей был ниже, чем у русских. Набор студентов в институт проводился главным образом за счет выпускников со слабой подготовкой, которые не поступили в другие высшие учебные заведения. В 1966 г. из 156 студентов, на государственных экзаменах получили оценки «хорошо» и «отлично» по всем предметам 59 студентов, что составляло 40%. (ГАМО. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 45. Л. 11). В 1966 г. в институте имелось 5 учебных кабинетов, 3 лаборатории и 3 мастерских. Кафедра физики располагала одним лекционным кабинетом и лабораториями. Кафедра математики имела один кабинет, который использовался как для занятий, так и для хранения наглядных пособий, вычислительных машин. Факультет педагогики и методики начального образования располагал одним кабинетом и швейной мастерской. Кафедра иностранных языков имела кабинет, 22 магнитофона, звуко-техническую лабораторию, радиоузел и киноаппарат для демонстрации учебных фильмов. Также в институте был спортивный зал с гимнастическим оборудованием и спортивный тир со спортивным оружием.

Студенты размещались в двух общежитиях. В 1965 г. при общежитии была открыта студенческая столовая на 150 мест. Стоимость 3-х разового питания в день составляла от 1,29 до 1,36 руб. (ГАМО. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 45. Л. 79). В сентябре 1967 г. численность студентов составляла 1 653 чел., при этом на дневном отделении училось 714, на вечернем отделении 28, на заочном отделении 911. (ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 2982. Л. 219).

В целом развитие института в первые годы работы характеризовалось наличием целого ряда проблемных моментов. Это и низкий уровень знаний выпускников средней школы, сдающих вступительные экзамены, и, как следствие, слабые знания студентов первых курсов, и низкий профессиональный уровень преподавательского состава – большинство преподавателей не имели опыта работы в высшем учебном заведении, а также отсутствие специалистов с опытом организаторской работы.

Таким образом, образование Магаданской области придало значительный импульс развитию народного образования на Северо-Востоке страны, к концу 1950-х гг. в сравнении с периодом кон-

ца 1940-х – начала 1950-х гг. заметно выросла сеть школ, увеличилось количество учащихся, повысилось качество работы учителей, значительно увеличилась успеваемость учащихся и уменьшилось количество второгодников. Активно велась работа по вовлечению в образовательный процесс детей местных коренных национальностей.

В этот период финансирование народного образования увеличивалось, особое внимание уделялось строительству типовых школьных объектов. Следует отметить важное значение развития сети школьных интернатов, где дети содержались на полном государственном обеспечении. Дети коренного населения получали от государства питание, одежду, обувь, жильё и необходимые учебные принадлежности.

Несмотря на достигнутые результаты и усиление контроля со стороны руководящих органов, развитие школьного образования в указанный период характеризовали следующие проблемы: большая текучесть учащихся и учителей (что было связано также с высокими показателями механического движения в целом по области), большой процент неохваченных обучением детей (в особенности местных коренных национальностей), недостаточный уровень подготовки учителей (высшее образование имели около трети учителей), а также плохое хозяйственное состояние школьных зданий и неудовлетворительное обеспечение материальной базы школ. Многие качественные изменения в школьной сфере стали заметными уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В этот период помимо решения текущих вопросов отделы народного образования активно включились в работу по переходу на восьмилетнее всеобщее образование и укрепление связи школы с жизнью.

Тем не менее, проведённые мероприятия не решали проблем, которые имелись в сфере народного образования в 1960-е гг. Вместе с интенсивным строительством новых школ и увеличением числа учащихся по-прежнему наблюдалась высокая текучесть учителей и учащихся, проблемы с успеваемостью, несвоевременная доставка детей в школу (в основном на Чукотке), высокий отсев учащихся в процессе восьмилетнего обучения и острый недостаток учреждений дошкольного воспитания.

Говоря о результатах нововведений конца 1950-х – начала 1960-х гг., следует отметить, что управленческие решения по ликвидации семилетних сельских школ в рамках политики укрупнения школ не учитывали ситуацию на Чукотке, где в рамках новой концепции образования необходимо было готовить детей к участию в отраслях сельского хозяйства колхозов и совхозов: оленевод-

стве, звероводстве, рыболовстве, пушном и морском промыслах.

В 1960-е гг. значительная часть оканчивающих восьмилетнюю школу сразу переходили на учебу в средние специальные заведения, а многие прекращали своё образование. Магаданский пединститут к концу 1960-х гг. обеспечивал подготовку учителей для региона, но качество подготовки все ещё находилось на невысоком уровне, и при наличии отдельных специалистов-профессионалов и учителей, уровень учебно-воспитательной работы в большинстве школ не соответствовал предъявляемым требованиям.

В целом развитие высшего и среднего образования не удовлетворяло потребность области в квалифицированных специалистах, большинство которых продолжало поступать из центральных регионов страны. При этом темпы развития народного хозяйства требовали дальнейшего роста числа профессиональных училищ, готовящих рабочих горняцких и строительных профессий, шофёров, работников сферы обслуживания. Горнодобывающая промышленность нуждалась в подготовке местных кадров, знакомых с условиями работы на Севере, не случайно уже в 1969 г. в ходе научного совещания в г. Магадане был выдвинут вопрос открытия второго высшего учебного заведения – политехнического института, отвечающего интересам основной отрасли региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верин Л.Н. Становление и развитие народного образования на Колыме и Чукотке. Магадан, 1969.
2. Гоголева Т.Ю. Из истории преодоления неграмотности среди коренного населения Чукотки в послевоенные годы // Краеведческие записки. Вып. 17.1. Магадан, 1991. С. 44-45.
3. Доржеева В.В. Трудовая занятость женщин коренных малочисленных народов Северо-Востока России в общественном производстве (1960-е гг.). Проблемы и достижения // Гуманитарный вектор. 2013. № 3 (35). С. 41-46.
4. Зеляк В.Г. Социально-экономические предпосылки организации высших учебных заведений на Северо-Востоке (1950-е – начало 1960-х гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2010. № 13. С. 82-83.
5. Каштанов И.Н. Культура Крайнего Севера: достижения, проблемы. Культурное строительство в Магаданской области. Магадан, 1971.
6. Леонтьев В.В. Народное образование на Чукотке // Два мира – две судьбы (Большая судьба малых народов). Магадан, 1978. С. 183-200.

7. Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958-1970). Новосибирск: Наука, 1973.

8. Нефедова С.П. Культурное строительство на Чукотке (1917-1958 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки // Труды СВКНИИ. Магадан, 1971. С. 81-157.

9. Райзман Д.И. Хроника важнейших событий истории народного образования в Магаданской области (факты, события, люди). Магадан: Охотник, 2013.

10. Севильгаев Г.Ф. Из истории выполнения Закона о всеобщем в Чукотском национальном округе // Краеведческие записки. Вып. 4. Магадан, 1962. С. 5-43.

11. Скридлевская К.В. История развития Магаданского педагогического института в 1960-х – первой половине 1980-х гг. // Актуальные вопросы современной науки: сборник научных трудов. Вып. 31. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. С. 30-50.

12. Третьяков М.В. Развитие образования в Магаданской области в свете записки Н.С. Хрущева «О связи школы с жизнью»: планы и программы (по материалам Государственного архива Магаданской области) // Educatio. 2015. № 8. С. 48-52.

REFERENCES

1. Verin, L.N., 1969. Stanovlenie i razvitie narodnogo obrazovaniia na Kolyme i Chukotke [Formation and development of public education in Kolyma and Chukotka]. Magadan. (in Russ.)

2. Gogoleva, T.Yu., 1991. Iz istorii preodoleniya negramotnosti sredi korennoy naseleniya Chukotki v poslevoennye gody [From the history of elimination of illiteracy among the indigenous population of Chukotka in the post-war years]. In: Kraevedcheskie zapiski, vyp. 17.1. Magadan, pp. 44-45. (in Russ.)

3. Dorzheeva, V.V., 2013. Trudovaya zanyatost' zhenshchin korennykh malochislennykh narodov Severo-Vostoka Rossii v obshchestvennom proizvodstve (1960-e gg.). Problemy i dostizheniya [Employment among the indigenous women of Northeast Russia in 1960s. Challenges and achievements], Gumanitarnyi vector, no. 3 (35), pp.41-46. (in Russ.)

4. Zeliak, V.G., 2010. Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki organizatsii vysshikh uchebnykh zavedenii na Severo-Vostoke (1950-e – nachalo 1960-kh gg.) [Social-economic conditions of formation of higher educational institutions in the Northeast of Russia, 1950s – early 1960s], Vestnik Severo-Vo-

stochного gosudarstvennogo universiteta, no. 13, pp.82-83. (in Russ.)

5. Kashtanov, I.N., 1971. Kul'tura Krainego Severa: dostizheniya, problemy. Kul'turnoe stroitel'stvo v Magadanskoj oblasti [Culture of the Far North: progress and problems. Cultural initiatives in the Magadan region]. Magadan. (in Russ.)

6. Leont'ev, V.V., 1978. Narodnoe obrazovanie na Chukotke [Public education in Chukotka]. In: Dva mira – dve sud'by. Magadan, pp. 183-200. (in Russ.)

7. Leont'ev, V.V., 1973. Khozyaistvo i kul'tura narodov Chukotki (1958-1970) [Economy and culture of Chukotka nations, 1958-1970]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

8. Nefedova, S.P., 1971. Kul'turnoe stroitel'stvo na Chukotke (1917-1958 gg.). Iz istorii promyshlennogo i kul'turnogo stroitel'stva Chukotki [Cultural development of Chukotka, 1917-1958. From the history of Chukotka economic and cultural growth]. In: Trudy SVKNII. Magadan, pp. 81-157. (in Russ.)

9. Raizman, D.I., 2013. Khronika vazhneishikh sobytii istorii narodnogo obrazovaniya v Magadanskoj oblasti (fakty, sobytiia, liudi) [Chronicle of the important events in Magadan region public education history]. Magadan: Okhotnik. (in Russ.)

10. Sevil'gaev, G.F., 1962. Iz istorii vpolneniya Zakona o vseobuche v Chukotskom natsional'nom okruge [From the history of implementation of the compulsory education law in Chukotka national district]. In: Kraevedcheskie zapiski, vyp. 4. Magadan, pp. 5-43. (in Russ.)

11. Skridlevskaya, K.V., 2014. Istoriya razvitiya Magadanskogo pedagogicheskogo instituta v 1960-kh – pervoi polovine 1980-kh gg. [History of the development of Magadan pedagogical institute in 1960s – early 1980s]. In: Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki: sbornik nauchnykh trudov, vyp. 31. Novosibirsk: Izd-vo TsRNS, pp. 30-50. (in Russ.)

12. Tretyakov, M.V., 2015. Razvitie obrazovaniya v Magadanskoj oblasti v svete zapiski N.S. Khrushcheva «O svyazi shkoly s zhiznyu»: plany i programmy (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Magadanskoj oblasti) [Magadan region education development in the light of the N.S. Khrushchev's note «About connection of school and life»: plans and programs (on the materials of the State Archives of Magadan region)], Educatio, no. 8, pp. 48-52. (in Russ.)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94(470)«16/18»

Е.А. Съемщиков*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА В СИБИРИ В XIX в.: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В статье прослеживается эволюция системы местного государственного управления Сибири в XIX в., анализируется кадровый состав чиновников, а также требования, предъявляемые к желающим занять должности на государственной службе в Сибири. Отдельное внимание автор обращает на мотивы, которыми руководствовались сибиряки при поступлении в службу по определению от правительства в окружные учреждения местного государственного управления Сибири и в службу по выборам в органы городского общественного управления.

Ключевые слова: государственное управление, гражданская служба, Сибирь, чин, мотивация

State civil service in XIX century Siberia: specifics of structure and staffing. EVGENIY A. SYEMSHCHIKOV (Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics)

The article traces the evolution of local government system in XIX century Siberia and analyzes the characteristics of civil servants, as well as the requirements applied to those who wished to take a position in the civil service system in Siberia. Special attention is drawn to the motives that guided the Siberians to take state service in the district offices of local administration of Siberia or to stand for elective offices in the bodies of municipal public administration.

Keywords: state management, state service, Siberia, rank, motivation

Правовая унификация является преобладающим способом формирования системы Российского законодательства и выступает основной тенденцией в быстро меняющемся правовом поле современного Российского государства. В процессе любых государственных преобразований унитаризм выступает ведущей правовой тенденцией: такими государствами легче управлять. Как известно, любое государство либо отдельная территория или регион имеют свои выраженные отличительные особенности, черты и признаки.

Сибирь, являясь самой крупной окраиной Московского царства, Русского государства и Российской Империи, обладала отличительными от других окраинных территорий государства, признаками, свойствами и чертами и демонстрировала их с момента самого присоединения к России. Эти признаки и черты проявлялись не только в экономике края и географической отдаленности территории от центра государственной власти, но и в самом укладе жизни сибиряков. Поведенческий менталитет сибиряков проявлялся и при поступлении в гражданскую службу по определению от

* СЪЕМЩИКОВ Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и стратегического менеджмента Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики.

E-mail: kasha366@yandex.ru

© Съемщиков Е.А., 2016

правления в учреждения и установления системы местного государственного управления Сибири на уровнях губерния-область и округа-уезд.

Такие отличительные признаки Сибири, как малочисленность населения, этническое и конфессиональное многообразие региона, малая заселенность территории и значительная разбросанность населенных пунктов, ограниченное количество городов и городов-сел, пространственный размах самих округ, областей и губерний, оказывали существенное влияние на экономическое и социальное освоение края, хозяйственное и культурное развитие Сибири в составе Русского государства.

Реформа государственного управления Российской империи в Сибири первой четверти XIX в. положила начало реформированию сибирского управления и включению Сибири в общее имперское пространство государства [11, с. 154-155]. В процессе интеграции Сибири и сибирского управления в Россию и имперское управление были пройдены четыре этапа:

1. *26 января 1822 г. – 17 декабря 1837 г.* В ходе этого этапа были апробированы виды, структура и состав управлений губерний, областей, округ, приморских и пограничного управлений. Верховная власть установила в Сибири систему местного государственного управления, по виду, структуре и составу ее учреждений отличающуюся от системы управления Великорусских губерний, и закрепила это в Расписаниях чиновников и окладов по присутственным местам губерний и областей Сибири.

2. *17 декабря 1837 г. – 12 июня 1867 г.* На данном этапе были реформированы учреждения полиции Сибири, которые обрели имперскую идентичность с учреждениями полиции в Европейской России, стали едиными по виду и структуре, но продолжали различаться составом: в Сибири численность полиции была больше, чем в Европейской России. Впервые со времен империи чиновники в Сибири стали получать денежное вознаграждение большее, чем в Центральной России.

3. *12 июня 1867 г. – 6 июня 1898 г.* В этот период верховная власть реформировала судебные учреждения и учреждения прокурорского надзора. Судебная власть была отделена от исполнительной, административной и законодательной и обрела самостоятельный статус. Судебные учреждения и учреждения прокурорского надзора перестали входить в структуру низового уровня местного государственного управления Сибири и Российской империи. Впервые в истории Российского государства принцип разделения ветвей власти был реализован в имперский период.

4. *6 июня 1898 г. – 2 марта 1917 г.* Данный этап подвел итог восьмидесятилетней интеграции Сибири в Россию, сибирского управления – в систему управления губерний и уездов Центральной России. Сибирь утратила признаки окраинной обособленности и обрела статус Азиатской России. Сооружение Сибирского железнодорожного пути завершило процесс административной интеграции Сибири в Россию. После 1902 г. начался процесс промышленного и хозяйственного освоения Азиатской России.

26 января 1822 г., согласно именному указу Александра I, Сибирь как окраинная территория государства была поделена на Западную и Восточную части, в которых были учреждены генерал-губернаторства. Каждое генерал-губернаторство административно было разделено на губернии и области, а Восточно-Сибирское – на губернии, области, приморские и пограничные управления (Государственный архив Алтайского края, далее – ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3042. Л. 3-5об).

Низовой уровень местного государственного управления Сибири стали составлять округа, но не уезды. Округи были учреждены вместо уездов «по предположению Сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского», проводившего ревизию Сибири и сибирского управления по личному повелению императора Александра I [3, с. 1-6].

Перемены в системе местного государственного управления Российской империи привели к учреждению в Сибири иного, отличного от Великорусских губерний по виду, структуре и составу местного государственного управления. В июле 1822 г. Александр I подписал «Учреждение для управления Сибирских губерний» и прилагавшиеся к нему уставы и положения, в которых были установлены структура и определен состав учреждений местного государственного управления сибирских губерний, областей и округ, приморских и пограничного управлений (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 411. Л. 15-120).

«Учреждение для управления Сибирских губерний» установило виды, структуру и состав окружных управлений, порядок определения лиц в должности и отрешения от них, а также ввело «особенные преимущества чиновникам в службе» в сибирских губерниях, областях, округах, приморских и пограничном управлениях (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 411. Л. 110-114). Окружные учреждения составили низовой уровень в местном государственном управлении Сибири. В Великорусских губерниях низовой уровень местного государственного управления составляли уезды,

которые имели иной вид и состав¹. Поступавшие в гражданскую службу по определению от правительства сибиряки могли претендовать только на должности в окружном управлении, которые они могли занять на основании законоположений «О канцелярских служителях гражданского ведомства» [4] и «О сроках для определения людей разного звания в гражданскую службу» [5] и при их желании.

Законоположения разрешали вступать в гражданскую службу по определению от правительства в должности окружного уровня местного государственного управления Сибири сибирякам, имевшим классные чины или выдержавшим испытания. Для всех чиновников, служивших в Сибири до издания Сибирского учреждения или вновь вступивших в службу, «Учреждение для управления Сибирских губерний» установило привилегии по пенсионному обеспечению.

В соответствии с «Учреждением для управления Сибирских губерний» все местные учреждения и управления в Сибири были подведомственны соответствующим министерствам, комитетам и главным управлениям. К примеру, на окружном уровне Министерство внутренних дел Российской империи представляли окружный начальник, земский исправник и земские заседатели, а с 1867 г. – окружный начальник и состав окружного полицейского управления, состав окружной медицинской части, а также составы отдельных городских полиций губернских и областных городов и градоначальств.

К определению в эти должности могли претендовать сибиряки, имевшие классные чины:

- VII класса – для окружного начальника и полицеймейстера,
- VIII класса – для земского исправника, окружного казначея и городничего уездного города,
- IX класса – для врачей и землемеров;
- X класса – для заседателей окружных и земских судов и бухгалтеров;
- XII класса – для секретарей присутственных мест в окружном управлении,
- XIV класса – для столоначальников всей учреждений окружного управления.

Так, в 1840 г. должность Омского окружного начальника исполнял полицеймейстер города Омска подполковник Налабордин (Государственный исторический архив Омской области, да-

лее – ГИАОО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 19. Л. 2). Земский суд округа представляли: исправник – коллежский асессор Бурцев С.С., заседатели – титулярный советник Попов И.И., губернские секретари – Баталов А.А. и Куликов И.Н., городской секретарь Носов А.П. и казачий хорунжий Березовский Е.В. (ГИАОО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 19. Л. 19). В 1884 г. Иркутское городское полицейской управление составляли: полицеймейстер – войсковой старшина Х.Ф. Марковский, помощник его – коллежский секретарь В.В. Митрохин (ГАИО. Ф. 90. Оп. 3. Д. 9. Л. 3-6).

Министерство юстиции Российской империи представляли окружный судья, заседатели и окружный стряпчий. На должности эти могли быть назначены лица из числа сибирского населения, имевшие классные чины VII класса – для службы судьей и IX класса – для службы заседателем и стряпчим [8]. Например, в 1827 г. Бийским окружным судьей состоял титулярный советник Мильков И.Л. (Государственный архив Томской области, далее – ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 25. Л. 723). В 1884 г. в составе Иркутского и Верхотурского окружного суда состояли: окружным судьей – коллежский советник Новицкий В.И., заседателем – коллежский асессор Любославов М.М. (ГАИО. Ф. 90. Оп. 3. Д. 9. Л. 6). Окружным стряпчим Каинской округи в 1827 г. состоял коллежский секретарь Замиралов И.И. (ГАТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25. Л. 40).

Окружное казенное управление было подведомственно Министерству финансов Российской империи. Должности казначея, бухгалтера, их помощников, землемера, соляного и винного приставов могли занимать сибиряки, имевшие классные чины VIII класса – для казначея, X класса – для бухгалтера, IX класса – для землемера, XII класса – для их помощников. К примеру, в 1840 г. Минусинское окружное казенное управление возглавлял казначей – коллежский асессор К. Гаврилов (Государственный архив Красноярского края, далее – ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 82. Л. 7). В 1870 г. в составе Барнаульского окружного казенного управления состояли: казначеем – титулярный советник Анаевский Г.А., бухгалтером – губернский секретарь Тумашев С.С., помощником бухгалтера – коллежский регистратор Колыпов И.Л. (ГАКК. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 55-82).

Для поступления в службу по определению от правительства необходимо было иметь опыт работы, известность в местных кругах, определенный уровень образования (начальное или домашнее) и пройти соответствующее испытание для работы в этом учреждении [18]. Лица, имевшие дипломы

¹ В 1898 г. округа в Сибири были переименованы в уезды, должности получили название уездных, а заседатели окружных полицейских управлений стали именоваться становыми приставами [4].

об окончании средних и высших учебных заведений, испытаний не проходили и определялись в службу с пожалованием первого классного чина XIV класса [6]. Однако лиц, имевших такие дипломы, в Сибири было крайне мало. Сибирский университет в Томске был основан только 16 мая 1878 г., открыт – спустя десять лет. Имевшиеся в крае начальные и средние учебные заведения, а также некоторые учебные заведения Центральной России, в которых по разрешению Николая I обучались дети сибирских чиновников, не в состоянии были удовлетворить потребности учреждений местного государственного управления в обученных кадрах.

Ввиду большого по объему делопроизводства важнейшую роль в функционировании окружных судов, земских судов (с 1867 г. – окружных полицейских правлений) и казначейств играли секретари, которые вели всю текущую работу в учреждениях. В окружных городах текущей работой занимались городничие или один из приставов городской управы. В городах, имевших городскую Думу, секретарями городских управ избирались и утверждались в должности губернатором, имевшие образование и авторитет среди горожан лица. Права и преимущества по службе этих лиц определялись «Уставом о Службе по выборам» от 1842 г. и содержались в статьях 1-293 – по выборам дворян, и статьях 294-467 – по выборам городских обывателей [17].

Должности секретарей в окружных управлениях местного государственного управления Сибири: окружном суде, земском суде (с 1867 г. – окружном полицейском управлении), окружном казначействе и Совете окружного управления занимали лица, знающие премудрости делопроизводства и имевшие способности формулирования служебной переписки, однако, по замечанию генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири, «ощущался недостаток чинов для каждой степени управления», и найти таких людей среди сибиряков было очень трудно по причине «их крайней скудности» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 21. Л. 15об). Так, в окружных управлениях состояли: коллежский секретарь Сердюков В.Ф. – секретарем Омского общего окружного управления (ГИАОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 75. Л. 2); коллежский секретарь Башинский А.М. – секретарем Иркутского полицейского городского управления (ГАИО. Ф. 90. Оп. 3. Д. 9. Л. 3); губернский секретарь Благушин В.М. – секретарем Барнаульского окружного суда (ГИААК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 19. Л. 10); канцелярист Девлятевский А.Т. – секретарем Омского земского суда (ГИАОО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 19. Л. 19); губернский се-

кретарь Худяков А.Д. – секретарем Иркутского и Верхотурского окружного суда (ГАИО. Ф. 90. Оп. 3. Д. 9. Л. 6).

Окружному уровню управления были подведомственны волостные управления, инородные Управы и Степные думы. Кто из сибиряков мог претендовать на эти должности? Обязательно грамотные, знающие жизнь, бывалые, имеющие авторитет среди жителей города и селян, известные «своему миру» люди. Нередко эти должности занимали ссыльные, разжалованные за проступки бывшие чиновники из центральных губерний империи или пришлые из соседних округ или губерний лица. По подсчетам исследователя Б.Н. Миронова общая численность окружных и городских чиновников составила: 1822 г. – 1267 чел., в 1826 г. – 462 чел., в 1856 г. – 454 чел. В 1882 г. их число сократилось до 425 чел. [2, с. 200]. В этой численности не были учтены врачи, инженеры, учителя, военные и моряки. Верховная власть предпринимала меры по оптимизации управленческого аппарата на всех уровнях управления путем последовательного сокращения его численности, но с одновременным расширением служебных обязанностей, возлагаемых на состоящих в службе по определению от правительства и в службе по выборам лиц. Согласно законоположению, «при определении в гражданскую службу принималось в уважение состояние лица, его происхождение, возраст и познания» [14]. Запрещалось принимать в гражданскую службу иностранцев, купцов I и II гильдий и их детей, военнослужащих, мещан и лиц податного сословия, отставных от военной службы нижних чинов не дворян и их детей, церковных служащих и евреев [15]. Возраст принятия в службу по определению от правительства и по выборам составлял 16 лет [16]. Статистика подтверждает факты серьезного и требовательного отношения имперской власти к государственной гражданской службе по определению от правительства и службе по выборам и комплектованию должностей чиновными особами с хорошей и деловой репутацией.

При поступлении в гражданскую службу по определению от правительства и службу по выборам сибиряки руководствовались различными мотивами. Первым из них стоит назвать стремление заслужить чин. Для сибирских чиновников классный чин имел определяющее значение. Получение чина отражало личные заслуги субъекта перед монархом и выражало его верноподданнические чувства. Производство в чины по гражданской службе было установлено Николаем I в июле 1834 г. [6]. Все определившиеся в гражданскую

службу по определению от правительства, независимо от прав состояния, начинали служить с чина XIV класса. Немаловажное значение для сибиряка имело право на ношение мундира на службе и вне службы. Мундир подчеркивал принадлежность субъекта к определенному учреждению и к самой власти и определял его социальный статус.

В Сибири ввиду большого недостатка чиновников имперский центр создал систему льгот и привилегий, которые законодательно были оформлены положением «О преимуществах службы в губерниях и областях Сибири, Кавказа и Закавказья» от 25 мая 1835 г. [7]. Из Европейской России в Сибирь за чином ехали дворяне, в основном для службы в губернском (областном) управлении, и другие чиновные особы для получения следующего чина и повышенного пенсионного. Местные сибиряки, в основном не из дворян, поступали в службу гражданскую по определению от правительства и абсолютно преобладали на окружном и городском уровнях. На губернском уровне местные сибиряки занимали не первые должности, к примеру, должность чиновника особых поручений или должность правителя канцелярии и некоторые другие. Сибиряки преобладали по численности в составе прочих губернских учреждений: в Строительной комиссии, Рекрутском комитете, Комиссии народного продовольствия, почтовом ведомстве и некоторых других.

Другим важным мотивом при поступлении в гражданскую службу было денежное вознаграждение, получаемое лицом за службу, в форме должностного оклада и столовых денег. Для абсолютно большинства сибирских чиновников жалование являлось единственным источником дохода. Размер жалования определялся штатным расписанием учреждения, утвержденным императором, а также разрядом губернии, должностью и чином субъекта. Размер столовых денег составлял примерно половину оклада по должности. К примеру, согласно штату полицейских управлений Сибири от 12 июня 1867 г., оклады годового содержания чинов составляли: окружного начальника – 2000, 1500 и 1200 руб. серебром в Березове, Ишиме и Сургуте соответственно, полицеймейстеров – 1500 руб., городничих – 1200 руб., земских заседателей – 900 руб. в Березове и 600 руб. в Ишиме и Сургуте и секретарей учреждений – 800 руб. в Березове и 400 руб. в Ишиме и Сургуте, из которых половину составляли столовые деньги [9].

Решающим мотивом при поступлении в службу по определению от правительства, была возможность заслужить пенсион. Так, за 10 лет беспорочной службы полагалась пенсия в 1/3 последнего

жалования чиновника, за 20 лет службы – 3/5 жалования, а за 30 лет полагался «полный пенсион» в размере последнего жалования чиновника [12]. При продолжении службы в Сибири чиновникам полагался пенсион сверх определенного законоположением последнего жалования [13]. Однако в 1835 г. Николай I повысил возраст чинам при выходе на пенсию. Пенсия стала назначаться: за выслугу в 35 лет – полный пенсион; за выслугу в 30 лет – 2/3 от последнего жалования чиновника; 1/3 пенсии от полной назначалась за 20 лет беспорочной службы на штатных должностях в учреждениях местного государственного управления Сибири [7].

В целом, в основе желания сибиряков поступить на службу в местные государственные учреждения лежали материальные интересы: возможность изменить свое материальное положение, улучшить и повысить социальный статус, «выслугой» и «отличием» заслужить государственную пенсию, обеспечить себе и семье безбедное существование. Коренным сибирякам было труднее получить в Сибири классный чин, очередную должность или выучиться и сделать карьеру, однако встречались люди, сумевшие подняться из низов. К таким, по мнению Н.П. Матхановой, следует отнести Я.П. Шишмарева, который начал службу в Сибири переводчиком монгольского языка, в 1861 г. стал консулом в Монголии и завершил службу статским советником в Москве [1, с. 81]. Но таких самородков было мало. В основе достигнутого социального положения сибирских чиновников из числа местных сибиряков лежали исключительное трудолюбие, богатый жизненный опыт, наработанные практикой знания и, конечно, личные способности. По уровню образованности сибиряки существенно уступали пришлым чинам из Центральной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матханова Н.П. Сибирский административный аппарат в XIX веке. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 1999.
3. Обзорение главных оснований местного государственного управления Сибири. СПб., 1841.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55-ти т. Т. 2. № 1469. СПб., 1830-1885.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55-ти т. Т. 3. № 2445. СПб., 1830-1885.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55-ти т. Т. 9. № 7224. СПб., 1830-1885.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55-ти т. Т. 10. № 8154. СПб., 1830-1885.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55-ти т. Т. 10. № 8594. СПб., 1830-1885.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55-ти т. Т. 24. № 44681. СПб., 1830-1885.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. В 33-х т. Т. 18. № 15503. СПб., 1885-1916.

11. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX века. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1997.

12. Свод законов Российской империи. Ч. 2. Особенные губернские учреждения. Кн. 6. Свод учреждений для управления Сибирских губерний и областей. Ст. 1383. СПб., 1832.

13. Свод законов Российской империи. Ч. 2. Особенные губернские учреждения. Кн. 6. Свод учреждений для управления Сибирских губерний и областей. Ст. 1385. СПб., 1832.

14. Свод законов Российской империи. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. Кн. 1. Устав о службе по определению от правительства. Ст. 1. СПб., 1832.

15. Свод законов Российской империи. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. Кн. 1. Устав о службе по определению от правительства. Ст. 5. СПб., 1832.

16. Свод законов Российской империи. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. Кн. 1. Устав о службе по определению от правительства. Ст. 8. СПб., 1832.

17. Свод законов Российской империи. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. Кн. 2. Устав о службе по выборам. СПб., 1832.

18. Свод законов Российской империи. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. Кн. 1. Устав о службе по определению от правительства. Ст. 10. СПб., 1832.

REFERENCES

1. Matkhanova, N.P., 2003. Sibirskiy administrativniy apparat v XIX veke [Siberian administrative apparatus in the XIX century]. Novosibirsk: Izd-vo NGTU. (in Russ.)

2. Mironov, B.N., 1999. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russian Empire, XVIII – beginning of XX century]. T. 2. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

3. Obozrenie glavnykh osnovaniy mestnogo gosudarstvennogo upravleniya Sibiri [Review of the main bases of local government control of Siberia]. Sankt-Peterburg, 1841. (in Russ.)

4. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. V 55-ti t. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second edition. In 55 volumes]. T. 2. № 1469. Sankt-Peterburg, 1830-1885. (in Russ.)

5. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. V 55-ti t. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second edition. In 55 volumes]. T. 3. № 2445. Sankt-Peterburg, 1830-1885. (in Russ.)

6. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. V 55-ti t. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second edition. In 55 volumes]. T. 9. № 7224. Sankt-Peterburg, 1830-1885. (in Russ.)

7. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. V 55-ti t. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second edition. In 55 volumes]. T. 10. № 8154. Sankt-Peterburg, 1830-1885. (in Russ.)

8. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. V 55-ti t. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second edition. In 55 volumes]. T. 10. № 8594. Sankt-Peterburg, 1830-1885. (in Russ.)

9. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. V 55-ti t. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second edition. In 55 volumes]. T. 24. № 44681. Sankt-Peterburg, 1830-1885. (in Russ.)

10. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e. V 33-kh t. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Third edition. In 33 volumes]. T. 18. № 15503. Sankt-Peterburg, 1885-1916. (in Russ.)

11. Remnev, A.V., 1997. Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of XIX – early XX century.]. Омск: Изд-во Омск. ун-та. (in Russ.)

12. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Ch. 2. Osobennye gubernskie uchrezhdeniya. Кн. 6. Svod uchrezhdeniy dlya upravleniya Sibirskikh guberniy i oblastey. St. 1383. Sankt-Peterburg, 1832. (in Russ.)

13. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Ch. 2. Osobennye gubernskie uchrezhdeniya. Кн. 6. Svod uchrezhdeniy dlya upravleniya Sibirskikh guberniy i oblastey. St. 1385. Sankt-Peterburg, 1832. (in Russ.)

14. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Ch. 3. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoy. Кн. 1. Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva. St. 1. Sankt-Peterburg, 1832. (in Russ.)

15. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Ch. 3. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoy. Кн. 1. Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva. St. 5. Sankt-Peterburg, 1832. (in Russ.)

16. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Ch. 3. Ustavy o

sluzhbe grazhdanskoy. Кн. 1. Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva. St. 8. Sankt-Peterburg, 1832. (in Russ.)

17. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Ch. 3. Ustavy o Sluzhbe grazhdanskoy. Кн. 2. Ustav o Sluzhbe po vyboram. Sankt-Peterburg, 1832. (in Russ.)

18. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Ch. 3. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoy. Кн. 1. Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva. St. 10. Sankt-Peterburg, 1832. (in Russ.)

УДК 351.86(09)(470)

А.В. Соколенко*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХАБАРОВСКОГО КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ С ДРУГИМИ ОРГАНАМИ И УЧРЕЖДЕНИЯМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются процесс согласования руководством Главного управления Генерального штаба с руководящим составом Министерства внутренних дел и Департамента полиции порядка взаимодействия учреждённых в Российской империи в 1911 г. контрразведывательных отделений при военно-окружных штабах с органами полиции и особенности взаимодействия Хабаровского контрразведывательного отделения и его контрразведывательных пунктов с органами полиции и учреждениями Приамурского генерал-губернаторства в период до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приамурское генерал-губернаторство, иностранная разведка, контрразведка, политическая полиция, общая полиция, пограничные комиссары

Interaction of Khabarovsk counterintelligence department with other Russian bodies and agencies in the Russian Far East before the First World War. ARTYOM V. SOKOLENKO (Pacific National University)

The article deals with the process of approval of the order of interaction of counterintelligence departments at military district headquarters (established in 1911) with the police in Russian Empire. Special attention is paid to the interaction of Khabarovsk counterintelligence department with the police and other official institutions of the Amur governor-general in the period before the First World war.

Keywords: Russian Far East, Priamursky Governorate-General, foreign intelligence, counter-intelligence, political police, general police, border commissioners

На сегодняшний день имеется много литературы и исследований, посвящённых вопросам становления контрразведки Российской империи, но при этом и в настоящее время остаются ещё отдельные малоисследованные стороны этого процесса. Нижеизложенный материал посвящён одной из таких, а именно – решению вопросов взаимодействия контрразведывательных отделений (КРО) военно-окружных управлений с органами полиции на уровне центральных ведомств Российской империи и особенности взаимодей-

ствия Хабаровского КРО и его контрразведывательных пунктов (КРП) с органами полиции и учреждениями Приамурского генерал-губернаторства до начала Первой мировой войны.

В начале XX в. в Российской империи в борьбе Министерства внутренних дел (МВД) и военных за руководство контрразведывательной деятельностью победителем вышло военное ведомство. Как отмечают исследователи, утверждение 7 апреля 1911 г. императором Николаем II закона «Об отпуске из государственной казны средств на

секретные расходы Военного министерства» и 8 июня 1911 г. военным министром В.А. Сухомлиновым «Положения о контрразведывательных отделениях», «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений», «Правил регистрации лиц контрразведывательными отделениями» и «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений по расходованию ассигнуемых им сумм и ведению отчетности по ним» положили начало новому этапу в развитии контрразведывательной службы Российской империи. Указанные документы составили ту нормативно-правовую базу, на основе которой развернулось становление деятельности КРО на всей территории страны [3, с. 19-20; 5, с. 127; 9, с. 26; 17, с. 175-176].

В процессе организации деятельности КРО при штабах военных округов в первую очередь понадобилось решить вопрос по урегулированию порядка их взаимодействия с полицейскими органами на местах. Для эффективного функционирования КРО его начальнику нужно было иметь хорошо налаженную почтово-телеграфную связь с местными органами жандармерии, полиции и другими КРО. Однако вся секретная переписка требовала конспирации, а потому могла вестись только шифрованным текстом. Для расшифровки такого текста необходимо было иметь специальные шифрованные ключи. Такой перепиской пользовались в повседневной служебной деятельности органы жандармерии и полиции. Соответственно, чтобы организовать секретное телеграфное сообщение между органами жандармерии, полиции и начальником КРО, необходимо было иметь единые шифрованные ключи. Кроме этого, начальникам КРО, чтобы эффективно выстраивать контрразведывательную деятельность, необходимо было постоянно быть в курсе тех руководящих циркулярных распоряжений, которые отдавались Департаментом полиции (ДП) полицейским органам по вопросам освещения политической жизни в стране, контрразведки и борьбы со шпионажем.

Чтобы наладить взаимодействие КРО с полицейскими органами по указанным вопросам, 29 августа 1911 г. помощник 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и одновременно заведующий военно-статистическим делопроизводством части 1-го обер-квартирмейстера и Особым делопроизводством ГУГШ генерал-майор Н.А. Монкевиц обратился к и.д. вице-директора ДП С.Е. Виссарионову. Монкевиц попросил Виссарионова, чтобы ДП выслал в Отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ 12 экземпляров шифрованных ключей в целях снабжения ими начальников КРО для сношения с чинами жандарм-

ской и общей полиции, а также инструкции по ведению наружного наблюдения и все руководящие документы, указания и сообщения ДП по вопросам освещения политической жизни в стране, контрразведки и борьбы со шпионажем. Просьба Монкевица по снабжению полицейскими шифрами и циркулярными распоряжениями, указаниями и сообщениями ДП была удовлетворена. Что же касается снабжения экземплярами «Инструкции по ведению наружного наблюдения», то Виссарионов сообщил Монкевицу, что экземпляр данной инструкции уже имеется в распоряжении начальника КРО Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ ротмистра В.А. Ерандакова, видимо, намекая на то, что при необходимости у него и можно было ознакомиться с положениями указанной инструкции (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 39 (1911 г.). Л. 92-92об, 95-95об, 97-97об).

Когда с октября 1911 г. начало функционировать Центральное регистрационное отделение (ЦРО) Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ, выполняющего функции координационного центра по борьбе со шпионажем в Империи, было определено, чтобы по вопросам, носящим регистрационный и справочный характер, КРО переписывались с ним напрямую, минуя штаб округа и Особое делопроизводство Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ, используя в корреспонденции адрес занимаемых ими частных помещений. В случае затруднения с почтово-телеграфными сношениями начальник КРО должен был обратиться к посредничеству губернского жандармского управления (ГЖУ), к которому он был прикомандирован (т.к. на Дальнем Востоке России не было ГЖУ, начальник Хабаровского КРО должен был обратиться в данном случае за содействием к жандармскому полицейскому управлению Уссурийской железной дороги (ЖПУ УЖД), начальнику которого он, в частности, был подчинён в дисциплинарном отношении). Кроме этого, КРО различных военных округов было разрешено напрямую переписываться друг с другом, но только по вопросам, носящим регистрационный и справочный характер (Российский государственный военно-исторический архив, далее – РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 10. Л. 52-53).

В дальнейшем вопрос организации сношений начальников КРО с другими органами отслеживался регулярно. Усложненными секретными шифрами начальники КРО пользовались для сношений с начальником ЦРО, начальниками других КРО, чинами губернских и железнодорожных жандармских управлений, начальниками охранных отде-

* СОКОЛЕНКО Артём Васильевич, аспирант кафедры истории Отечества, государства и права Тихоокеанского государственного университета.

E-mail: forum5022@mail.ru

© Соколенко А.В., 2016

лений, начальниками крепостных жандармских команд и ДП. Особое делопроизводство отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ и ДП регулярно поддерживали между собой контакт по поводу внесения каких-либо изменений в секретные полицейские шифры. Особое делопроизводство отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ в случае получения сведений из ДП об изменении шифра немедленно направляло новый шифр и ключи к нему в штабы военных округов для оповещения начальников КРО (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 10. Л. 87 (88)-87об (88об), 98 (99), 113 (115)).

Однако при организации почтово-телеграфных сношений КРО с другими учреждениями были и свои проблемы. Часто, например, возникали случаи, когда начальники КРО, обращаясь с теми или иными запросами к начальникам жандармских управлений, не всегда получали ответы на них либо получали их с большим запозданием. С одной стороны, это можно объяснить крайней конспирацией КРО. Начальник КРО, отправляя запрос на личных бланках чинов Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) в жандармское управление, не мог указывать свою должность. В результате начиналась длительная – до выяснения обстоятельств – переписка. С другой стороны, ГУГШ считало, что некоторые начальники КРО сами были виноваты в подобной переписке, поскольку не стремились, как требовалось по «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений», наладить тесные связи с местными жандармскими и полицейскими властями, что позволило бы оперативно решать вопросы, связанные с порядком переписки, в т.ч. с ответами на их запросы и др. Именно поэтому 23 мая 1912 г. ГУГШ направило всем окружным генерал-квартирмейстерам циркуляр, в котором начальникам КРО еще раз указывалось на необходимость установления взаимодействия с жандармскими и полицейскими властями. Кроме того, был установлен порядок обращения КРО к ГЖУ не своего района. Для этого начальник КРО должен был обратиться к начальнику КРО того же региона, где находилось ГЖУ. После этого начальник, получивший запрос, обращался к начальнику ГЖУ, от которого необходимо было получить определенные сведения. И уже по обратной цепочке нужные сведения поступали к тому начальнику КРО, который делал запрос (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 10. Л. 72 (73)–72об (73об)).

До апреля 1914 г. местные КРО координировали деятельность через ЦРО, от которого получали сведения регистрационного и справочного характера, а затем после вхождения ЦРО в состав КРО ГУГШ функциями координационного центра

было наделено последнее. Позднее в принятом 6 июня 1915 г. «Наставлении по контрразведке в военное время», было подтверждено, что «КРО ГУГШ являлось высшим регистрационным и отчетным учреждением для театра военных действий и всего государства» [8, с. 35]. Однако уже в начале августа 1915 г. КРО ГУГШ было преобразовано в Центральное военно-регистрационное бюро, которое сосредоточилось на информационно-справочной и аналитической работе, проводило внешнюю контрразведку, выполняло специальные задания начальника Генерального штаба и должно было оказывать содействие КРО военных округов [8, с. 35-38].

Основным документом, регламентирующим организацию взаимодействия в рамках контрразведывательной деятельности КРО штабов военных округов в рассматриваемый период, в первую очередь с жандармскими органами и охранными отделениями, была «Инструкция начальникам контрразведывательных отделений», в которой пять параграфов были посвящены непосредственно вопросам взаимодействия (см.: [4, с. 40-51]). Однако в процессе организации контрразведывательной деятельности оказалось, что данная «Инструкция» имеет много изъянов, в т.ч. в положениях межведомственного взаимодействия КРО и полицейских структур, из-за чего на практике между указанными органами возникали разногласия.

Архивные материалы свидетельствуют, в частности, что генерал-майору Н. А. Монкевицу с переменным успехом удавалось согласовывать с руководством МВД и ДП те или иные вопросы по осуществлению полицейскими структурами оперативно-розыскных мероприятий в интересах контрразведки. Одновременно с этим не удавалось добиться согласованности и регулярности действий, несмотря на договоренность ГУГШ и ДП, в том, чтобы все имеющиеся сведения, касающиеся шпионажа и в целом деятельности иностранных разведок, жандармские управления и охранные отделения передавали генерал-квартирмейстерам штаба соответствующего военного округа, который, в свою очередь, должен был направлять полученный материал начальникам КРО. ДП неоднократно приходилось вновь специально напоминать в своих циркулярах органам жандармерии и политического сыска о необходимости сообщения всей имеющейся информации по контрразведке окружным генерал-квартирмейстерам. Вместе с тем, в ГУГШ регулярно поступали жалобы от начальников КРО, что представители органов жандармерии и политического сыска придавали буквальный смысл циркулярам о необходимости сообщать окружным

генерал-квартирмейстерам оказавшиеся у них в распоряжении сведения из области шпионажа и этим ограничивались, а как таковое содействие начальникам КРО оказывали неохотно.

Одна из основных проблем, по которой часто возникали споры между военным ведомством и МВД, – это порядок использования агентуры и филеров политической полиции в интересах контрразведки. В целом организация негласного наблюдения за подозреваемыми в шпионаже должна была осуществляться по следующей схеме. КРО выявляли лиц, заподозренных в шпионаже и пособничестве ему, и организовывали за ними наблюдение. В силу небольшого количества сотрудников в штатах КРО на местах оказывать содействие в организации наружного наблюдения должны были жандармские органы и органы политического сыска, выполняя поручения начальника КРО. Однако отсутствие единого понимания в порядке использования агентуры и филеров политической полиции при решении контрразведывательных задач зачастую приводило на местах к разногласиям контрразведчиков с органами жандармерии и политического сыска. Ряд предложенных генерала Н.А. Монкевица по разрешению проблем в организации взаимодействия КРО с органами безопасности МВД в рамках оперативно-розыскной деятельности в интересах контрразведки были отклонены и. д. вице-директора ДП С.Е. Виссарионовым (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 39. (1911 г.). Л. 92об-93, 133-134, 137, 146-146об).

Однако позже ГУГШ и ДП пришли всё-таки к согласованному мнению, что нашло свое отражение в циркуляре Особого отдела ДП начальникам ГЖУ и охранных отделений от 2 июля 1912 г. В нем говорилось, что наружное наблюдение филерами вышеуказанных органов устанавливалось только в экстренных случаях и до прибытия на место чинов КРО. В этом же циркуляре говорилось, что к иногородним командировкам филеров можно было привлекать лишь «в случаях особо важных» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 10. Л. 91 (92)). При этом оговаривалось, что все командировочные расходы должны были покрываться КРО. Вместе с тем, в циркуляре подчеркивалось, что оказываемая чинам КРО помощь не должна была отражаться на выполнении охранными отделениями ДП прямых обязанностей по политическому розыску (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 10. Л. 91 (92)). По существу, данное указание вновь вносило неясность во взаимоотношения начальников КРО с руководством других органов безопасности, т.к. давало право начальникам жандармских управлений и охранных отделений самостоятель-

но решать, выделять ли силы для агентурного и наружного наблюдения в интересах контрразведки или нет.

Между тем положения «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений» гласили, что для эффективной организации контрразведывательной деятельности начальник КРО должен был помимо установления четкого механизма взаимодействия с начальниками местных охранных отделений, которые могли бы оказать помощь в выделении необходимого числа филеров, также наладить взаимодействие с жандармскими властями, от которых зависела вся заключительная стадия проводимой операции по организации в рамках уголовно-процессуального законодательства задержания лица, подозреваемого в шпионаже или пособничестве этому деянию, дознания и следствия по делу [5, с. 130].

После сбора необходимого доказательного материала начальник отделения через генерал-квартирмейстера штаба военного округа должен был получить разрешение на производство задержания и ареста объекта разработки. Для этого он через старшего адъютанта разведывательного отделения штаба округа обращался к окружному генерал-квартирмейстеру за разрешением провести «ликвидацию» (так обозначались мероприятия по задержанию и аресту подозреваемого в шпионаже – прим. авт.), который, в свою очередь, должен был получить одобрение «ликвидации» у Особого делопроизводства отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ. Получив разрешение, начальник контрразведки передавал все имеющиеся материалы о лице, подлежащем аресту, в жандармские органы. И уже жандармские органы, если считали арест целесообразным, осуществляли задержание подозреваемых, проводили обыск, арест, вели все следственные мероприятия и передавали дело в суд (РГВИА. Ф. 1558. Оп. 3. Д. 26. Л. 106), [5, с. 130].

Однако установленный порядок «ликвидации» лиц, подозреваемых в осуществлении разведывательной деятельности на территории Российской империи, также подвергался доработкам. Дело в том, что иногда, чтобы не обременять себя лишней перепиской, информацию о «ликвидации» начальники КРО передавали жандармским органам устно. Но сам факт задержания, обыска или других процессуальных действий в отношении подозреваемого еще не означал, что впоследствии дело дойдет до суда. Необходимо было провести все досудебные процессуальные действия и затем передать дело со всей доказательной базой в суд. Уже в суде факт шпионажа или государственной

измены еще требовалось доказать, тогда и решалось, виновен человек или нет. Вместе с тем, чины КРО стали перестраховываться и нередко просили о «ликвидации», которая впоследствии оказывалась необоснованной, а т.к. начальники КРО передавали распоряжения о «ликвидации» устно, то вся вина о неправомерности действий в отношении того или иного лица ложилась исключительно на исполнителей, т.е. на чинов Корпуса жандармов. В МВД справедливо считали, что ответственность в подобных случаях должны нести не только чины жандармских управлений и охранных отделений, но и чины КРО. В связи с этим министр внутренних дел дал указание ДП обсудить решение данной проблемы с Генеральным штабом. В итоге решение, устраивающее оба ведомства, было найдено. 3 сентября 1912 г. в циркулярном распоряжении ДП за подписью и.д. директора ДП С.П. Белецкого было указано начальникам всех жандармских управлений и охранных отделений, чтобы в будущем чины корпуса жандармов требования о производстве обысков по делу о военном шпионаже принимали только письменно или же в экстренных случаях – по телеграфу. Эти же требования начальник Генерального штаба довел до начальников штабов военных округов, где имелись КРО, для неукоснительного исполнения (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 10. Л. 92 (93), 95 (96)-95об (96 об)).

В конце 1913 г. в Санкт-Петербурге состоялось совещание с участием помощника 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора Н.А. Монкевица и начальника штаба ОКЖ полковника В.П. Никольского, на котором решались вопросы урегулирования службы офицеров ОКЖ, состоящих в КРО, и их взаимоотношений с начальниками ГЖУ. В рамках совещания были рассмотрены также вопросы о предоставлении начальнику КРО права производства «ликвидаций» и обысков и об издании штабами военных округов частных инструкций по борьбе со шпионством. Что касается предоставления начальнику КРО права производства «ликвидаций» и обысков, то для этого предлагалось учредить должности помощников начальника ГЖУ и на эти должности зачислить начальников КРО. Но необходимо заметить, что это предложение так и не будет принято, а вот предложение о частных инструкциях, разработанных в штабах военных округов, было одобрено, но только с условием, что данные инструкции должны были пройти предварительное согласование с ГУГШ и ОКЖ. Для этого штаб должен был сначала получить одобрение всех местных органов, упоминаемых в инструкции, а затем направить

экземпляр инструкции в ГУГШ. После одобрения ГУГШ инструкция направлялась в Штаб Отдельного корпуса жандармов (ШОКЖ), который в случае положительного рассмотрения ставил отметку о согласовании (таковой являлась подпись должностного лица) и передавал её в ГЖУ для исполнения.

Решения данного совещания были одобрены сначала 10 декабря 1913 г. командующим ОКЖ генерал-майором В.Ф. Джунковским, а 9 января 1914 г. – начальником Генерального штаба генералом от кавалерии Я.Г. Жилинским. Придал законную силу выработанным предложениям приказ № 17 командующего ОКЖ генерал-майора В.Ф. Джунковского от 17 января 1914 г., в котором особое внимание было уделено взаимодействию чинов ОКЖ с чинами КРО. Если проанализировать текст приказа Джунковского, то можно сказать, что в части, касающейся вопросов взаимодействия КРО, жандармских органов и органов политического сыска, командующим ОКЖ ничего нового сказано не было. Однако, придав прежним циркулярным указаниям и распоряжениям силу приказа, Джунковский сделал верный тактический ход, т.к. теперь за нарушение приказа можно было понести суровое наказание, и этот факт должен был оказать соответствующее воздействие на органы жандармерии и политического сыска (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 10. Л. 125-127, 129-130), [6, с. 272-273; 7, с. 94].

Вместе с тем, генерал-майор В.Ф. Джунковский не ограничился общими указаниями по улучшению качества взаимодействия органов жандармерии и политического сыска с КРО. 10 мая 1914 г. он предписал начальникам местных органов политического сыска для достижения лучших результатов в деле борьбы со шпионажем составлять «полные регистрационные карты с фотографическими снимками в профиль, en face и во весь рост и дактилоскопическими оттисками обеих рук» на лиц, «подозреваемых и привлекаемых к расследованиям по делам о военном шпионстве», и по одному экземпляру направлять в ДП и генерал-квартирмейстеру соответствующего военно-окружного штаба [7, с. 94].

На долю первого начальника Хабаровского КРО (формирование Хабаровского КРО началось с 20 июля 1911 г. [10, с. 165]) ротмистра Е.Л. Белоручева выпало налаживать и выстраивать взаимоотношения с дальневосточными органами власти, другими учреждениями и органами безопасности. В целях выстраивания взаимодействия Хабаровского КРО в сфере почтово-телеграфных контактов с другими органами и учреждениями

начальник Приамурского почтово-телеграфного округа 9 августа 1911 г. направил подчиненным ему учреждениям циркулярную телеграмму № 5425, согласно которой чины почтово-телеграфных учреждений края должны были беспрепятственно принимать шифрованные депеши за подписью ротмистра Белоручева (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 421. Л. 93; ГААО. Ф. 31-и. Оп. 1. Д. 6. Л. 41). Позднее всех начальников КРО обязали взять на контроль пересылку всей шифрованной корреспонденции. 16 июля 1912 г. Особое делопроизводство ГУГШ направило на места для исполнения циркуляр № 1218/317, в котором было дано указание начальникам КРО, ввиду участвовавших случаев краж из почтово-телеграфных учреждений шифрованных телеграмм, принять меры к обеспечению сохранности этих телеграмм путем создания агентуры в почтово-телеграфных учреждениях (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 10. Л. 74).

Ввиду непродолжительности службы на Дальнем Востоке первого начальника Хабаровского КРО ротмистра Е.Л. Белоручева из-за болезни продолжать начатое им пришлось уже второму начальнику Хабаровского КРО ротмистру В.В. Фиошину [10, с. 165]. В период работы Фиошина, с конца 1912 г. по август 1914 г., Хабаровское КРО добилось значительных успехов, в т.ч. в организации взаимодействия с другими органами безопасности и местной властью по борьбе с иностранным шпионажем на территории Приамурского края. При этом схема взаимодействия Хабаровского КРО с другими органами и учреждениями была выработана с учетом как общеустановленного процесса организации контрразведки, так и отличительных черт, присущих дальневосточному региону. В случае поступления к начальнику Хабаровского КРО или заведующим КРП агентурных сведений о возможном осуществлении разведывательной деятельности теми или иными лицами начальник Хабаровского КРО напрямую направлял запрос тем должностным лицам, на подведомственной территории которых предположительно могли проживать, работать или же просто появиться интересующие его лица, в т.ч. подозреваемые в разведывательной деятельности. К должностным лицам, которым начальники Хабаровского КРО отдавали подобного рода поручения и с которыми поддерживал связь по вопросам борьбы со шпионажем, относились начальник ВОО, заведующие розыскными пунктами, уездные начальники, чины общей полиции и таможенные, пограничные комиссары, начальники органов

жандармерии и др. В запросе или поручении кратко излагался его повод. Чаще всего начальник КРО сообщал, что имеются сведения о причастности тех или иных лиц к ведению разведки, а также мог указать, каким способом могла вестись разведка и что необходимо было сделать для проверки этих сведений или же для их получения. Уведомляя об этом и ставя задачи по проверке этих сведений, начальник КРО требовал ответа на запрос независимо от того, подтверждались сведения о причастности лица к разведывательной деятельности или нет. Если указанные начальником КРО факты подтверждались, то от исполнителя, которому поручали выполнение запроса, требовалось подробное изложение обстоятельств, с указанием полных установочных данных на лиц, причастных к разведывательной деятельности либо способствующих этому. В ряде случаев начальник КРО требовал от тех должностных лиц, которым направлял свои запросы и поручения, установить негласное наблюдение за подозрительными личностями. Как чины КРО, так и чины органов политического сыска в целях конспирации делали запросы, как уже отмечалось, на личных бланках, на которых подписывались, как «Отдельного корпуса жандармов ротмистр ...», с указанием фамилии, но без обозначения должности.

В свою очередь, те должностные лица, которым был адресован запрос либо поручение начальника КРО или же заведующего розыскным пунктом по поручению начальника КРО, должны были докладывать своему начальству об оказавшихся в их распоряжении сведениях по шпионажу. Запрос мог исходить также от лица, замещающего начальника КРО и заведующих КРП. Далее эту информацию передавали либо в канцелярию Приамурского генерал-губернатора, либо военным губернаторам, а затем – в штаб округа, откуда она направлялась начальнику Хабаровского КРО (см., напр.: Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 28, 30-31, 83, 88-88об, 90; РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1620. Л. 18-22об; Ф. 563. Оп. 1. Д. 1. Л. 17-28об), [11, с. 211]).

Непосредственно выходить на прямой контакт с начальником КРО из указанных должностных лиц имели право лишь заведующие розыскными пунктами и начальник ВОО. При этом у руководства Хабаровского КРО, как и в целом в Российской империи у военных контрразведчиков, имелись проблемы с выполнением запросов и поручений, которые они направляли и давали местным органам жандармерии и полицейским властям. Судя по архивным источникам недостатки в

выполнении поручений руководства Хабаровского КРО имелись у местных властей Приморской области. Чтобы исключить такого рода моменты, оказывающие отрицательное воздействие на организацию контрразведывательной деятельности, начальник штаба Приамурского военного округа 22 и 24 января 1914 г. дал указание военному губернатору Приморской области обязать чинов полиции все поступающие в их распоряжение сведения, касающиеся военного шпионажа, немедленно сообщать установленным порядком документооборота секретных материалов окружному генерал-квартирмейстеру штаба Приамурского военного округа, подчеркнул, что в соответствии с руководящими документами по борьбе со шпионажем начальнику Хабаровского КРО при осуществлении им возложенных на него обязанностей предоставлялось право непосредственно сноситься с жандармскими и полицейскими властями Приамурского военного округа, а также потребовал непосредственно запросы начальника Хабаровского КРО выполнять срочно и с соблюдением должной конспирации (ГАХК. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1. Л. 15-16об). И.д. военного губернатора Приморской области вице-губернатор В.И. Лодыженский поставил в известность об указанных распоряжениях начальника штаба Приамурского военного округа начальников местных полицейских органов и пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае и потребовал их строгого исполнения (ГАХК. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-4об, 6-6об, 15, 16), [10, с. 164].

После накопления материала в объеме, достаточном, по мнению начальника Хабаровского КРО, для «ликвидации» объекта разработки, он должен был направить «ликвидационную записку» и другой материал по делу жандармским органам и органам политического сыска для принятия последующих мер. Ввиду отсутствия на Дальнем Востоке России ГЖУ, чины которого должны были осуществлять мероприятия по задержанию и аресту лиц, подозреваемых в шпионаже, осуществление этих мероприятий в Приамурском генерал-губернаторстве осуществлялось чинами ЖПУ УЖД, ЖПУ Амурской железной дороги и органами политического сыска. В связи с этим начальник Хабаровского КРО по части организации «ликвидации» лиц, подозреваемых в разведывательной деятельности, поддерживал тесный контакт с руководством указанных органов безопасности края. Так как каких-либо полномочий по проведению процессуальных действий в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, у чинов КРО не было, то их указания для жан-

дармских органов и органов политического сыска носили скорее рекомендательный характер. К примеру, будучи еще помощником начальника Хабаровского КРО, ротмистр В.В. Фиошин так и писал заведующему розыскным пунктом в г. Никольске-Уссурийском и начальнику ЖПУ УЖД, предлагая «провести обыск», «арестовать», «возбудить ходатайство перед военным губернатором» области о высылке иностранца из пределов Российской империи, ходатайствовать «перед подлежащею властью о высылке из пределов Российской империи» административным порядком или же из пределов Приамурского генерал-губернаторства и т.п. с обязательным употреблением глагола в сослагательном наклонении «полагал бы» [18, с. 153, 157, 163, 173-174].

Из письма начальника Хабаровского КРО ротмистра А.А. Немысского (вступил в должность с 10 августа 1914 г. [10, с. 166]) от 19 августа 1914 г. заведующему розыскным пунктом в г. Никольске-Уссурийске ротмистру Г.И. Бабинину становится понятным, что до прихода Немысского его предшественник ротмистр В.В. Фиошин и чины КРП в г. Никольске-Уссурийском обращались за помощью к заведующему местным розыскным пунктом при разрешении сложных служебных вопросов. Кроме этого Хабаровское КРО пользовалось служебным адресом розыскного пункта для сношений с подведомственными агентами, пересылки им денег и прочее (ГАХК. Ф. И-16. Оп. 6. Д. 1а. Л. 67об). Нужно сказать, что деньги для заведующих КРП (коиными являлись чиновники для поручений и старшие наблюдательные агенты) начальники Хабаровского КРО отправляли на имя заведующих розыскными пунктами и начальнику ВОО (для старшего наблюдательного агента КРП во Владивостоке). Те в свою очередь передавали их под расписки чинам КРО, а затем возвращали эти расписки начальнику Хабаровского КРО (ГАХК. Ф. И-16. Оп. 6. Д. 1. Л. 183, 186, 196-197а, 290-291об, 296; Д. 1а. Л. 31, 39, 68, 274, 277; РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 49. Л. 23-24). Такой порядок просуществовал до марта 1917 г., за исключением порядка передачи денег и корреспонденции старшему КРП во Владивостоке Г.В. Воеводину, т.к. в период Первой мировой войны из-за конфликта начальника ВОО ротмистра А.А. Гинсбурга с начальником Хабаровского КРО ротмистром А.А. Немыским последний прекратил передачу через начальника ВОО всей корреспонденции и денег для заведующего Владивостокским КРП и в последующем стал осуществлять это через начальника Владивостокского отделения ЖПУ УЖД (РГВИА. Ф. 1558. Оп. 3. Д. 26. Л. 26об, 102-106).

Важно отметить, что для борьбы со шпионажем в рамках взаимодействия органов безопасности и местных органов власти начальник Хабаровского КРО поддерживал связь и с полицейскими властями отдаленных местностей Приамурского генерал-губернаторства. В частности, сведения, добытые его агентами, передавались начальнику Николаевской-на-Амуре крепостной жандармской команды и полицейскому надзору о. Сахалин [11, с. 211].

После учреждения Хабаровского КРО также продолжало вестись негласное наблюдение за иностранцами, но, если после Русско-японской войны 1904-1905 гг. этот процесс контролировался разведывательным отделением штаба Приамурского военного округа, то теперь эта деятельность стала координироваться Хабаровским КРО. Негласное наблюдение за иностранцами на территории Приамурского генерал-губернаторства или проезжающих через территорию генерал-губернаторства, велось под контролем контрразведчиков, а содействие им в этом оказывали те дальневосточные органы и учреждения Российской империи, которые принимали участие в организации негласного наблюдения за иностранцами ещё до учреждения КРО: органы политической и общей полиции, военно-окружные органы Управления военных сообщений, руководство военных частей и соединений, военные агенты, органы морского ведомства, органы управлений государственным имуществом, пограничные комиссары, портовые органы и органы Управления водных путей Амурского бассейна, а также служащие железных дорог Министерства путей сообщения (см.: (ГАХК. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-11об; Оп. 6. Д. 1. Л. 12а-12а об, 22-22об., 34-34об, 36-36об, 46), [14, с. 162-167; 15, с. 43-46; 16, с. 149-156]).

Однако нужно признать, что не всегда запросы и поручения начальника КРО могли быть выполнены теми лицами, которым они были направлены. Сказывались трудности с финансированием. Так, начальник Хабаровского КРО В.В. Фиошин давал достаточно много поручений по поиску и установлению точных данных на иностранцев, по наблюдению и установлению контроля за подозрительными личностями, по проверке сведений о наличии тех или иных иностранцев на вверенной пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае территории. Но при этом Фиошин значительно преувеличивал возможности тех должностных лиц, которые должны были выполнять его поручения. Пограничный комиссар по этому поводу писал военному губернатору Приморской области, что к осуществлению поручений, о которых просит Фиошин, у Посьетского пристава нет средств.

Но при этом пограничный комиссар подчеркивал, что поручения Фиошина были важны, и просил военного губернатора решить вопрос об ассигновании авансов на контрразведку. К сожалению, просьбы пограничного комиссара к военному губернатору Приморской области, а также военного губернатора к начальнику штаба Приамурского военного округа об увеличении ассигнования на секретные нужды не были удовлетворены. Тем не менее, пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае регулярно докладывал военному губернатору Приморской области о деятельности на вверенной пограничному комиссару территории японцев, вербовавших корейцев, проживающих в приграничных с Россией районах Китая и Кореи, и о состоянии и шпионских целях японской жандармерии в Северной Корее, наблюдающей за российской границей (ГАХК. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-3, 5-5об, 9-13об, 17-17а, 20-20об, 22, 25-27; РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1620. Л. 18-19, 20-22об).

Вообще, нужно отметить, что в то время, когда в Приамурском генерал-губернаторстве уже действовали: Хабаровское КРО, органы жандармерии и политического сыска, общей и сыскной полиции, – пограничные комиссары также оставались важными органами, действующими в интересах обеспечения государственной безопасности Империи на Дальнем Востоке. Об этом свидетельствует и тот факт, что «в июне 1912 г. по приказанию военного губернатора Амурской области пограничный комиссар Амурской области требовал от должностных лиц, отвечающих за безопасность на строящейся Амурской железной дороге (например, пристав на постройке Восточной части Амурской железной дороги), установить строгий надзор за японцами и обо всем замеченном немедленно доносить ему для доклада губернатору» [13, с. 154]. «В ноябре 1912 г. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, обращаясь к вновь назначенному пограничному комиссару Амурской области подполковнику Н.А. Спешневу, особо отмечал, что “вообще пограничный комиссар должен быть в курсе всех вопросов, связанных с желтым населением, как в самой области, так и в пределах сопредельной с нами Маньчжурии, быть «глазами и ушами» краевой и областной администрации в желтом вопросе”» [13, с. 155]. Пограничный комиссар Амурской области добросовестно выполнял указание главного начальника края, собрав значительный материал о деятельности корейских, китайских и японских обществ [13, с. 155].

Между тем, КРП во Владивостоке должен был работать в тесном взаимодействии со штабом Си-

бирской флотилии в решении вопросов морской контрразведки на Дальнем Востоке и по пресечению возможного проникновения шпионов и их пособников в систему учреждений морского ведомства. 1 марта 1913 г. начальник Морского Генерального штаба (МГШ) дал указание командующему Сибирской флотилией вице-адмиралу К.В. Стеценко оказать содействие офицеру МГШ старшему лейтенанту А.А. Нищенкову, который командировался на Дальний Восток для изучения вопросов организации военно-морской разведки и контрразведки на Дальнем Востоке. Вице-адмиралу К.В. Стеценко было указано поспособствовать организации встречи старшего лейтенанта А.А. Нищенкова с местными контрразведывательными органами для решения вопроса о передаче поступающего к нему материала по контрразведке в Хабаровское КРО и копий этих же сведений – в МГШ.

Однако встретиться Нищенкову с начальником Хабаровского КРО так и не удалось. Он смог пообщаться лишь с генерал-квартирмейстером штаба Приамурского военного округа генерал-майором А.С. Санниковым, но это не помогло ему решить вопрос установления взаимодействия Хабаровского КРО с командующим Сибирской флотилии (Российский государственный архив военно-морского флота, далее – РГАВМФ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 93. Л. 134-134об), [2, с. 12]. Нищенков в отчете о командировке по этому поводу написал: «Таким образом, вопрос об установлении непосредственной связи по контрразведке между командующим Сибирской флотилией и начальником штаба Приамурского военного округа остался нерешенным» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 31. Л. 17).

И всё же встреча начальника Хабаровского КРО с командующим Сибирской флотилией по вопросам организации взаимодействия состоялась. 30 октября 1913 г. окружной генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа доложил в ГУГШ, что В.В. Фиошин и К.В. Стеценко встретились в г. Владивостоке и обсудили необходимые вопросы по организации взаимодействия друг с другом. В общих чертах Фиошин доложил Стеценко о составе, назначении, деятельности и районе ответственности Хабаровского КРО, огласил некоторые выдержки из «Положения о контрразведывательных отделениях», а также в полном объеме справки из дел отделения на лиц военно-морского ведомства, проходящих по данным справкам, «согласно указаний секретной агентуры и наружного наблюдения» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 31. Л. 13). Сам же вице-адмирал Стеценко выразил желание, чтобы внимание КРО

«было направлено главным образом на освещение личного состава и порядка хранения секретных документов в мобилизационном и оперативном отделениях штаба Сибирской флотилии, в порту и экипажах» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 31. Л. 13-13об).

Помимо прочего, В.В. Фиошин и К.В. Стеценко пришли к соглашению, что «сведения, относящиеся к военно-морскому шпионству, должны взаимно сообщаться путем непосредственного сношения командующего Сибирской флотилией с отделом генерал-квартирмейстера штаба округа» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 31. Л. 13об). Такой способ намного сокращал время на взаимный обмен информацией по контрразведке на Дальнем Востоке России между морским и военным ведомством, т.к. ранее по действующим положениям весь материал по контрразведке от дальневосточных учреждений и органов морского ведомства направлялся в МГШ, а уже МГШ через ГУГШ и штабы военных округов сообщался с органами контрразведки, доводя до их сведения полученный материал. 13 ноября 1913 г. ГУГШ направило уведомление в МГШ о вышеуказанных договоренностях начальника КРО и командующего Сибирской флотилией вице-адмирала К.В. Стеценко (РГАВМФ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 93. Л. 134об; Ф. 418. Оп. 2. Д. 31. Л. 12), [1, с. 27].

В работе А.Н. Качкина содержатся сведения об участии в марте 1913 г. начальника Хабаровского КРО ротмистра В.В. Фиошина в комиссии по проверке делопроизводства по паспортной части во Владивостокской крепостной жандармской команде, в которую помимо него вошли также начальник ЖПУ УЖД полковник А.Н. Меранвиль-де-Сент-Клер, комендант крепости, представитель от областной администрации и ряд др. должностных лиц [12, с. 151-152], (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 401. Л. 2-7). Однако подобный формат взаимодействия, связанный с участием руководящего состава Хабаровского КРО в совещаниях и различного рода комиссиях по вопросам обеспечения безопасности, в Приамурском генерал-губернаторстве в целом не получил развития. На сегодняшний день других сведений об участии контрразведчиков Приамурского генерал-губернаторства в каких-либо совещаниях не найдено. Можно лишь предположить, что установленная конспиративность чинов контрразведки не позволяла им принимать участие в такого рода открытых мероприятиях совместного характера.

Таким образом с начала функционирования Хабаровского КРО, постепенным развитием его деятельности и подчиненных ему КРП и до Первой

мировой войны на Дальнем Востоке России между контрразведывательными органами, местной властью и другими органами безопасности в рамках борьбы с иностранной разведкой сложился, несмотря на все недостатки, определённый порядок взаимодействия, который устанавливался различными нормативными актами военного ведомства, МВД, ДП и ОКЖ, включая инструкции, положения и циркуляры. Взаимодействие выстраивалось в трех направлениях: в делопроизводственной сфере (в форме установления почтово-телеграфной связи КРО с другими органами и учреждениями, организации финансирования деятельности КРО, обмена регистрационными данными на лиц, подозреваемых в шпионаже, и нормативно-правовой базой, касающейся борьбы со шпионажем и т.п.); в контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности в интересах контрразведки (в форме оперативно-розыскных мероприятий в интересах контрразведки, т.е. наблюдение за подозреваемым, получение и наведение справок, контроль почтово-телеграфных сообщений и др.); в рамках мероприятий по задержанию и аресту лиц подозреваемых в шпионаже (т.н. «ликвидации»). При этом характер взаимоотношений дальневосточных контрразведчиков с другими органами и учреждениями, в первую очередь с органами безопасности, к началу Первой мировой войны в целом имел положительную динамику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозёр В. Контрразведывательная деятельность в русском флоте (1900-1918 гг.) // Морской сборник. 2009. № 8. С. 23-27.
2. Буяков А.М., Полуттов А.В. От морской контрразведки Российской империи до контрразведки ГПУ (1906-1922 гг.) // Честь и верность. 80 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота (1932-2012). Владивосток: Русский Остров, 2012. С. 9-16.
3. Васильев И.И., Зданович А.А. Генерал Н.С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Батюшин Н.С. У истоков русской контрразведки. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 3-72.
4. Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001.
5. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905-1917 гг.: Шпиономания и реальные проблемы. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000.

6. Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.

7. Едигаров А.Г. Взаимодействие контрразведывательных отделений Главного управления Генерального штаба Военного министерства с органами политического сыска в канун и ходе Первой мировой войны // Общество и право. 2009. № 5(27). С. 93-95.

8. Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914-1920): Организационное строительство. М.: Издательство «Крафт+», 2004.

9. Иванов А.А. Нормативно-правовое обеспечение деятельности военной контрразведки Российской империи в 1903-1912 гг. // Военно-юридический журнал. 2008. № 9. С. 25-28.

10. Качкин А.Н. Борьба со шпионажем на Дальнем Востоке: Хабаровское контрразведывательное отделение и его руководители (1911-1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3(39). С. 164-167.

11. Качкин А.Н. Деятельность контрразведывательного отделения штаба Приамурского военного округа в 1911-1914 гг. // Седьмые Гродековские чтения: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Т. I. Хабаровск: Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, 2012. С. 206-213.

12. Качкин А.Н. Становление и развитие органов безопасности Российской империи на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2013.

13. Соколенко А.В. Участие пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в борьбе с деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10(60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 152-157.

14. Соколенко А.В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи в борьбе со шпионажем в Приамурском генерал-губернаторстве до начала русско-японской войны 1904-1905 гг.: особенности и проблемы // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 3(72). С. 157-173.

15. Соколенко А.В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи на Дальнем Востоке в борьбе с иностранной разведкой в 1905-1911 гг. (Часть первая) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 42-46.

16. Соколенко А.В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи на Дальнем Востоке в борьбе с иностранной разведкой в 1905-1911 гг. Часть вторая. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер // Исторические, философские,

политические и юридические науки, культурология искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 148-158.

17. Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903-1914. СПб.: Питер, 2006.

18. Японский шпионаж в царской России: Сборник документов / Под ред. П.М. Софинова: Главное архивное управление НКВД СССР, 1944.

REFERENCES

1. Belozyer, V., 2009. Kontrrazvedyvatel'naya deyatel'nost' v russkom flote (1900-1918 gg.) [Counterintelligence activity in the Russian Navy, 1900-1918], Morskoy sbornik, no. 8, pp. 23-27. (in Russ.)

2. Buyakov, A.M. and Polutov, A.V., 2012. Ot morskoy kontrrazvedki Rossiyskoy imperii do kontrrazvedki GPU (1906-1922 gg.) [From marine counterintelligence of the Russian Empire to GPU counterintelligence, 1906-1922]. In: Chest' i vernost'. 80 let voennoy kontrrazvedke Tikhookeanskogo flota (1932-2012). Vladivostok: Russkiy Ostrov, pp. 9-16. (in Russ.)

3. Vasil'ev, I.I. and Zdanovich, A.A., 2007. General N.S. Batyushin. Portret v inter'ere russkoy razvedki i kontrrazvedki [General N.S. Batyushin. A portrait in the interior of Russian intelligence and counterintelligence]. In: Batyushin N.S. U istokov russkoy kontrrazvedki. Sbornik dokumentov i materialov. Moskva, pp. 3-72. (in Russ.)

4. Galvazin, S.N., 2001. Okhrannye struktury Rossiyskoy imperii: Formirovanie apparata, analiz operativnoy praktiki [Security structures of the Russian Empire: formation of the units, analysis of operational practice]. Moskva: Kolleksiya «Sovershenno sekretno». (in Russ.)

5. Grekov, N.V., 2000. Russkaya kontrrazvedka v 1905-1917 gg.: Shpionomaniya i real'nye problem [Russian counterintelligence in 1905-1917: Spy Mania and real problems]. Moskva: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond; OOO «Izdatel'skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh programm». (in Russ.)

6. Dzhunkovskiy, V.F., 1997. Vospominaniya: V 2 t. [Memoirs in 2 volumes]. T. 2. Moskva: Izd-vo im. Sabashnikovykh. (in Russ.)

7. Edigarov, A.G., 2009. Vzaimodeystvie kontrrazvedyvatel'nykh otdeleniy Glavnogo upravleniya General'nogo shtaba Voennogo ministerstva s organami politicheskogo syska v kanun i khode Pervoy mirovoy voyny [Interaction of counterintelligence departments of the Main Directorate of the General Staff of the Military Ministry with the bodies of political investigation on

the eve of and during First World War], Obshchestvo i pravo, no. 5, pp. 93-95. (in Russ.)

8. Zdanovich, A.A., 2004. Otechestvennaya kontrrazvedka (1914-1920): Organizatsionnoe stroitel'stvo [Domestic counterintelligence, 1914-1920: institutionalization]. Moskva: Izdatel'stvo «Kraft+». (in Russ.)

9. Ivanov, A.A., 2008. Normativno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti voennoy kontrrazvedki Rossiyskoy imperii v 1903-1912 gg. [Regulatory support of the military counter-intelligence of the Russian Empire, 1903-1912], Voенно-юридический журнал, no. 9, pp. 25-28. (in Russ.)

10. Kachkin, A.N., 2013. Bor'ba so shpionazhem na Dal'nem Vostoke: Khabarovskoe kontrrazvedyvatel'noe otделение i ego rukovoditeli (1911-1917 gg.) [The struggle against espionage in the Russian Far East: Khabarovsk counterintelligence department and its leaders, 1911-1917], Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 164-167. (in Russ.)

11. Kachkin, A.N., 2012. Deyatel'nost' kontrrazvedyvatel'nogo otdeleniya shtaba Priamurskogo voennogo okruga v 1911-1914 gg. [The activities of counterintelligence department of Priamursky Military District staff, 1911-1914]. In: Sed'mye Grodekovskie chteniya: Materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf. T. I. Khabarovsk: Khabarovskiy kraevoy muzey imeni N.I. Grodekova, pp. 206-213. (in Russ.)

12. Kachkin, A.N., 2013. Stanovlenie i razvitie organov bezopasnosti Rossiyskoy imperii na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. [Formation and development of the security forces of the Russian Empire in the Far East in the late XIX – early XX centuries], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Khabarovsk. (in Russ.)

13. Sokolenko, A.V., 2015. Uchastie pogranychnykh komissarov Priamurskogo general-gubernatorstva v bor'be s deyatel'nost'yu inostrannykh razvedok na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale XX v. [Participation of boundary commissioners of the Priamursky Governorate-General in the fight against foreign intelligence in the Russian Far East at the beginning of the XX century], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, no. 10, Ch. 2, pp. 152-157. (in Russ.)

14. Sokolenko, A.V., 2015. Vzaimodeystvie vedomstv i organov Rossiyskoy imperii v bor'be so shpionazhem v Priamurskom general-gubernatorstve do nachala russko-yaponskoy voyny 1904-1905 gg.: osobennosti i problemy [Interaction of departments and agencies of the Russian Empire in the fight against

espionage in the Priamursky Governorate-General before the Russian-Japanese War, 1904-1905], Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii, no. 3, pp. 157-173. (in Russ.)

15. Sokolenko, A.V., 2016. Vzaimodeystvie vedomstv i organov Rossiyskoy imperii na Dal'nem Vostoke v bor'be s inostrannoy razvedkoy v 1905-1911 gg. Chast' pervaya [Interaction of departments and agencies of the Russian Empire in the Far East in the fight against foreign intelligence, 1905-1911. Part one], Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, no. 2, pp. 42-46. (in Russ.)

16. Sokolenko, A.V., 2016. Vzaimodeystvie vedomstv i organov Rossiyskoy imperii na Dal'nem Vostoke v bor'be s inostrannoy razvedkoy v 1905-1911 gg. Chast' vtoraya. Priamurskiy general-

gubernator P.F. Unterberger [Interaction of departments and agencies of the Russian Empire in the Far East in the fight against foreign intelligence, 1905-1911. Part two. Priamursky Governor-General P.F. Unterberger], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, no. 3, Ch. 2, pp. 148-158. (in Russ.)

17. Starkov, B.A., 2006. Okhotniki na shpionov. Kontrrazvedka Rossiyskoy imperii 1903-1914 [Spy hunters. Counterintelligence of the Russian Empire, 1903-1914]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

18. Sofinov, P.M. ed., 1944. Yaponskiy shpionazh v tsarskoy Rossii: Sbornik dokumentov [Japanese espionage in Tsarist Russia: a collection of documents]. Glavnoe arkhivnoe upravlenie NKVD SSSR. (in Russ.)

УДК: 947.085 (09) (571.6)

А.В. Жадан*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В 1941-1945 гг.

Статья посвящена деятельности органов внутренних дел Приморского края по борьбе с общеуголовной преступностью в чрезвычайных условиях военного времени. Автор отмечает, что несмотря на сложную криминогенную обстановку, расширение спектра выполняемых задач, текучесть личного состава, недостаток квалифицированных работников, работа всех отделов, особенно оперативных, шла нарастающими темпами. На основе анализа неопубликованных ранее архивных материалов делается вывод о том, что если в первые годы войны противодействие преступности осуществлялось преимущественно за счет массовых проверочных мероприятий, то к 1944-45 гг. была создана широкая агентурная сеть, позволившая работать на опережение и добиться серьезных успехов в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: органы внутренних дел, Великая Отечественная война, преступность, Приморский край

Prevention of crime by law enforcement agencies of Primorsky krai in 1941-1945.
ALEXANDR V. ZHADAN (Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs)

The article is devoted to crime prevention activities of law enforcement agencies in Primorsky krai under wartime conditions. The author notes that despite such factors as difficult criminogenic situation, expansion of the range of tasks, turnover of personnel, lack of skilled staff, the work of all departments developed at a good pace. Basing on analysis of previously unpublished archival material, the author concludes that by 1944-45 a wide intelligence network was created that allowed the agencies to be proactive and to achieve significant progress in prevention of crime.

Keywords: law-enforcement bodies, Great Patriotic War, crime, Primorsky krai

На современном историческом этапе развития российского государства и общества особый научно-практический интерес вызывают наполненные героизмом и одновременно трагические события 1941-1945 гг. Подлинный интерес в этом плане представляют собой исторические аспекты деятельности органов внутренних дел Приморского края, внесших неопределимый вклад в обеспечение общественной безопасности и поддержание общественного порядка в стратегически важном реги-

оне страны. Деятельность приморских милиционеров проходила в специфической, чрезвычайной обстановке, обусловленной не только особенностями военного времени, но и уникальным географическим положением региона. В годы войны Приморский край являлся важным логистическим узлом, связывавшим СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции. Через порты и железнодорожные линии края прошли миллионы тонн стратегически важных грузов. Обеспечение их

сохранности от преступных посягательств можно рассматривать как непосредственный вклад приморских милиционеров в общее дело победы над врагом.

Деятельность отечественных органов внутренних дел в военный период достаточно полно исследована на общероссийском уровне [11; 12; 16; 19]. Начиная с 1960-х гг. появляются и исследования регионального характера [1; 3; 4; 5; 7; 9; 10; 14; 15; 17; 18; 20; 21; 22; 24; 25]. Однако деятельность милиции Приморского края по борьбе с преступностью в годы войны до сих пор остается не раскрытой на уровне монографического или диссертационного исследования, а публикации в научных журналах крайне редки и носят скорее обзорный характер [23]. Таким образом, деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной и Второй мировой войны, безусловно, представляет интерес для отечественной исторической науки и требует дальнейшего исследования.

В силу целого ряда социально-экономических, психологических и иных факторов, неоднократно описанных в исторической литературе, в годы Великой Отечественной войны в стране в целом и в Приморском крае в частности объективно сложилась криминологически опасная обстановка. Исследователи единодушно отмечают рост преступности и нарушений общественного порядка в данный период по всей стране [4, с. 20-21; 6, с. 313-316; 8, с. 248-249; 15, с. 17; 21, с. 15-16].

Яркую картину состояния преступности в Приморье в 1944-1945 гг. рисуют выдержки из писем современников, содержащиеся в архивных материалах военной цензуры. Гражданка Бойкова-Глинкова (г. Владивосток) пишет: «Обворовывание квартир – это обычное явление, раздевают людей чуть не среди белого дня. Что твориться – это жутко. Вот почему после декрета и думаю не выходить на работу». Гражданка Кочеткова (г. Владивосток, Первая речка) пишет: «Наконец, прямо до нас дошли и всех подряд крадут все. Такое воровство, грабежи – белым днем приходят, берут что хочешь и ничего не говори...» (Текущий архив Управления внутренних дел Приморского края, далее – Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Л. 35-36). Что касается статистических показателей преступности того периода времени, то, к сожалению, приходится констатировать невозможность установить более-менее точное количество совершенных преступлений.

С.М. Емелин отмечает по этому поводу, что цифры, характеризующие состояние преступности и количество совершенных преступлений, в разных архивных документах существенно отличаются. Характерно, что количественные показатели по итоговым позициям, указанные в годовых отчетах НКВД, ниже, чем в сводных материалах, предназначенных для внутреннего пользования. По мнению автора, это может свидетельствовать о разной методике подсчета количества преступлений, а также о том, что официальные сведения о борьбе с преступностью, направляемые в государственные и партийные органы, сознательно занижались [8, с. 248]. В этой связи не удивительно, что количественные данные, отражающие динамику уровня преступности в годы Великой Отечественной войны, в разных исследованиях отличаются.

В любом случае, содержащиеся в официальных отчетах данные не могут отражать точное количество совершенных преступлений. Помимо указанных выше манипуляций со статистикой, необходимо учитывать такой фактор, как латентная или скрытая преступность.

Кроме того, исследование архивных документов показало, что нередкой была порочная практика отказа работников территориальных органов внутренних дел от регистрации преступлений (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 60. Л. 103). Следует отметить, что краевое управление милиции неоднократно давало указания о строгом учете всех совершенных за сутки преступлений (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 34) и, тем не менее, подобные факты регулярно повторялись. Например, 27 октября 1943 г. участковый уполномоченный Будаков, будучи дежурным по 2 отделению милиции г. Владивостока, совместно со своим помощником Максименко из четырех возникших за сутки краж зарегистрировал только две. Остальные две кражи: хищение у гражданки Майоровой документов и денег и хищение у гражданина Горбар партбилета, хлебных карточек и денег остались не зарегистрированными. Таким образом, нерадивые сотрудники «сорвали своевременное принятие оперативных мер к задержанию преступников и занизили количество возникших за сутки преступлений» (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 34). Приведенный пример наглядно свидетельствует о том, что количество неучтенных преступлений могло достигать половины от совершенных.

Прямое подтверждение выдвинутому нами тезису удалось обнаружить в архивных материалах – в тексте доклада начальника УНКВД

* ЖАДАН Александр Владимирович, старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: awzhadan252@mail.ru

© Жадан А.В., 2016

Приморского края А.А. Закусило (июль 1943 г.): «Возьмем работу по линии Уголовного розыска. Если бы я вам привел здесь цифры зарегистрированных преступлений – кражи, грабежи и убийства, то вы бы ужаснулись. Причем нужно сказать, что такие более или менее подробные данные у нас имеются по городам Владивостоку, Ворошилову, ж/д и водному транспорту. По районам же эти данные далеко не соответствуют действительности. Как правило, население районных центров и особенно сельской местности к нам реже обращается с разными заявлениями, особенно если речь идет о краже» (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 72).

Таким образом, мы можем констатировать, что имеющиеся статистические данные позволяют нам составить лишь общее представление о состоянии преступности в Приморье в годы войны.

Что касается структуры преступности, то в 1941-1944 гг. в крае преобладали преступления против собственности. Убийств и иных посягательств на жизнь и здоровье было относительно немного, причем эта тенденция была характерна и для городов, и для сельских районов (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 50. Л. 82, 87). В отличие от ряда других регионов страны, не получил широко распространения в крае и бандитизм.

В докладе А.А. Закусило (начало июля 1943 г.) в качестве бандитских проявлений в крае отмечены: 2 вооруженных дезертира, скрывающиеся в тайге и обстреливающие мирных граждан; еще один дезертир – начальник штаба некой танковой части, укрывавшийся во Владивостоке (по какой причине отнесен к бандитам из текста не ясно. Был задержан); бандит-повстанец Осадчий со своим сыном (скрывались более 10 лет, были убиты при задержании на момент доклада) (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 70).

По состоянию на 1 декабря 1944 г. в Приморском крае на оперативном учете стоял один бандит-одиночка. Для сравнения в соседнем Хабаровском крае числились 4 бандгруппы, общей численностью 17 человек, 3 бандита-одиночки и 4 бандпособника. А всего по Сибири и Дальнему Востоку – 37 бандгрупп (118 человек), 41 бандит-одиночка, 62 бандпособника (Государственный архив РФ, далее – ГАРФ. Ф. Р-9478 О. 1. Д. 493. Л. 20).

Всего за период 1941-1944 гг. в Приморском крае было ликвидировано 22 бандгруппы, арестовано за бандитизм 524 человека, 29 бандитов было убито при задержании (ГАРФ. Ф. Р-9478 О. 1. Д. 493. Л. 1, 2, 3).

Условиями, препятствовавшими широкому распространению бандитизма в крае, являлись: административные ограничения на передвижение населения из других регионов страны в Приморье, отсутствие боевых действий, способствующих распространению оружия у населения и, конечно же, работа правоохранительных органов края, в том числе – в предшествующий войне период.

Н.А. Шабельникова отмечает, что пик роста преступности в Приморском крае пришелся на 1942-1943 гг. В 1944 г. рост уголовной преступности составил 8-10%, однако в этот период резко увеличилась и раскрываемость преступлений. В 1945 г. общее количество преступлений на территории края снизилось более чем на четверть, превысив общесоюзные показатели [23, с. 319-320]. Аналогичная динамика отмечается исследователями и в целом по стране [8, с. 249]. Традиционно в качестве основной причины данной тенденции в отечественной историографии называется массовая мобилизация работников милиции на фронт и приход на их место неопытных сотрудников [2, с. 109; 9, с. 17; 13, с. 18].

Безусловно, данное обстоятельство нельзя исключать, анализируя причины резкого роста преступности в 1942-1943 гг. Однако проведенное исследование показало, что в Приморском крае массовая мобилизация затронула только рядовой и младший начальствующий состав. Уже 30 сентября 1941 г. начальником УНКВД Приморского края был издан приказ № 229/а «О запрещении самовольного ухода в части Красной Армии сотрудников УНКВД», которым в частности строго запрещалось направление на фронт оперативных работников (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 60. Л. 159).

В качестве основной причины снижения раскрываемости преступлений и роста их числа, руководством УНКВД Приморского края указывалось ослабление работы с агентурой (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 13-14, 73, 78). Данное обстоятельство позволяет нам согласиться с мнением Ю.Б. Порфирьева о том, что к наиболее важным причинам, способствовавшим снижению раскрываемости преступлений в первые военные годы, следует отнести мобилизацию в действующую армию лиц, состоявших в агентурно-осведомительном аппарате [18, с. 103].

Таким образом, основной задачей в деле борьбы с преступностью для органов внутренних дел края стало, по сути, воссоздание агентурно-осве-

домительной сети. Данную задачу удалось решить к 1945 г., однако положительные сдвиги наметились уже в 1944 г., когда наряду с продолжающимся ростом преступности стала расти и раскрываемость преступлений (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 50. Л. 82).

Серьезным обстоятельством, существенно ухудшившим оперативную обстановку в Приморском крае в 1945 г., стала переброска в регион воинских формирований, освободившихся после победы над Германией и ее европейскими союзниками, в рамках подготовки войны с Японией.

В крае, в силу напряженных внешнеполитических отношений с Японией, и до 1945 г. находилось достаточно большое количество военнослужащих и факты совершения ими противоправных деяний также имели место. Например, летом 1943 г. фиксировались неоднократные случаи краж овощей с колхозных и индивидуальных огородов вблизи с. Романовка военнослужащими расквартированной там рабочей колонны (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 74. Л. 21).

Негативные тенденции наметились в конце 1944 г. В письме А.А. Закусило Секретарю Приморского крайкома ВКП(б) Н.М. Пегову от 3 февраля 1945 г. отмечается: «Наряду с общим снижением преступности в крае в 4 квартале 1944 г., преступления, совершаемые военнослужащими, резко возросли. Если в 3 квартале по краю зарегистрировано 1579 преступлений, из которых военнослужащие совершили 34 (2%), то в четвертом квартале зарегистрировано 995, из которых 130 (13%) совершено военнослужащими. В 4 квартале к уголовной ответственности привлечено 215 военнослужащих или 22,5% от общего числа». Далее в письме приводятся факты совершенных преступлений. Из них указаны: 5 ограблений и разбоев, в том числе групповых и с применением оружия; 9 случаев скотокрадства; 35 случаев краж (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 4-6).

Однако с прибытием частей, освободившихся с советско-германского фронта, характер преступлений стал гораздо более тяжким, а масштаб преступности военнослужащих – еще более широким, о чем свидетельствуют материалы переписки УНКВД Приморского края с Крайкомом партии за 1945 г., рассекреченные в 2000 г. Архивные документы содержат массу фактов совершения военнослужащими преступлений сексуального характера (в том числе в отношении заведомо несовершеннолетних) (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 77-77об), незаконного хранения и ношения оружия (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д.

52. Л. 90), беспричинной стрельбы в населенных пунктах (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 78, 91), оставления боевого оружия и боеприпасов в местах базирования и проведения учений (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 91-92), убийств и разбойных нападений с использованием оружия (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 121). Массовый характер носили кражи продуктов и иных товаров, работающими в Торговом порту военнотружниками (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 119 об).

Только за октябрь 1945 г. военнослужащими было совершено 34 преступления в г. Владивостоке, из них: 1 убийство, 2 грабежа, 3 хулиганства, 19 «аварий на почве лихачества и пьянок», в результате которых имелись погибшие и тяжело пострадавшие (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 119).

Военнослужащие чувствовали себя настолько самоуверенно и безнаказанно, что нападениям подвергались объекты НКВД и сами сотрудники. Так, 14 октября 1945 г. военнослужащие 158 стрелкового полка совершили нападение на животноводлаг (объект ГУЛАГа), проломил стену, украли 750 рублей и вещи. Бойцами этого же полка нанесен ущерб посевам и хранилищам на 46 тыс. рублей (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 121об-122).

Преступления военнослужащих, совершаемые в крае в период 1945 г., в целом характеризуются высокой степенью общественной опасности и дерзким характером. Часто они совершались в группе, с применением оружия и транспортных средств (т.е., по сути, речь идет о вооруженных бандах).

Изучение характера совершенных военнослужащими преступлений позволяет составить психологический портрет людей с девиантным поведением: жестоких, не ценящих человеческую жизнь, отрицающих общепринятые социальные нормы (права, морали и т.д.), т.е. опасных преступников.

Борьбе с преступлениями данной категории лиц препятствовали:

- покровительственная или безразличная позиция командования воинских частей и военной контрразведки;
- низкая дисциплина в отдельных частях РККА, дислоцированных в крае, порожденная безнаказанностью и отсутствием контроля со стороны командиров и политработников;
- наличие большого количества различных соединений, расположенных близко друг к другу, что позволяло командованию перекладывать вину на бойцов соседних частей;

– высокая степень анонимности преступников-военнослужащих. Как правило, это были незнакомые местным жителям люди. Естественно, в среде военнослужащих отсутствовал агентурный аппарат НКВД;

– наличие у преступников-военнослужащих, специальных навыков, приобретенных в ходе боевых действий;

– быстрые перемещения воинских частей. Сотрудники НКВД нередко просто не успевали установить и (или) задержать преступника.

Географической особенностью, придававшей Приморскому краю стратегическое значение в годы Великой Отечественной войны, является наличие незамерзающих портов, соединенных с центральной частью страны железнодорожной магистралью. Посредством этой логистической структуры Советский Союз получал от своих союзников миллионы тонн стратегически важных грузов. В этой связи перед органами внутренних дел края стояла важная задача обеспечения сохранности грузов в портах и на железной дороге. Преимущественно данная задача решалась силами Водного и Дорожного отделов милиции.

Следует отметить, что масштабы хищений на транспорте, в особенности во Владивостокском торговом порту, оставались высокими все годы войны. Общая сумма претензий Внешторга и других клиентов к Владторгпорту в период с 1 января 1942 г. по начало навигации 1945 г. составила 83 465 100 руб. Очевидно, что не вся эта сумма относится к похищенному, часть грузов приходила в негодность по естественным причинам и в силу халатности работников. Однако сама по себе эта сумма дает общее представление о масштабах хищений.

Даже в начале 1945 г., когда в целом по краю органам внутренних дел удалось добиться заметных успехов в борьбе с преступностью, хищения в порту достигали громадных размеров. Так, в 4 квартале 1944 г. по хищениям в Торговом порту было возбуждено 227 дел, привлечено к ответственности 302 человека. В 1 квартале 1945 г. было возбуждено 173 дела и привлечено по ним 246 человек. Однако такое снижение по оценке самих работников НКВД объяснялось поздней навигацией и, как следствие, относительно низким грузооборотом в начале 1945 г. В апреле, с наступлением навигации 1945 г., факты краж резко возросли, в особенности за счет квалифицированных деяний (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 18).

Причем, если в 1944 г. подавляющее большинство хищений было совершено грузчиками, то

в 1 квартале 1945 г. хищения крупных размеров (всего было зарегистрировано 23 крупные кражи) совершались главным образом материально-ответственными лицами, механизаторами и военнослужащими. К уголовной ответственности за этот период было привлечено: 1 заведующий причалом, 6 помощников завпричалом, 4 заведующих складами, 1 механик, 14 механизаторов, 8 шоферов, 13 приемосдатчиков, 4 тальмана, 4 бойца ВОХР, 50 военнослужащих (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 43).

Основные причины, которыми были обусловлены хищения грузов во Владивостокском торговом порту, могут быть определены благодаря содержанию докладной записки А.А. Закусило Н.М. Пегову от 4 мая 1945 г. «О хищениях народно-хозяйственных грузов по Владивостокскому торговому порту и пароходам заграничного плавания» (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 42-46об):

1. Неналаженность учета. О неналаженности учета свидетельствовало расхождение данных, имевшихся у администрации порта и НКВД. Так, по официальным данным порта за 1944 г. было похищено грузов на сумму 358 075 руб., тогда как в рамках следственных дел сотрудниками Водного отдела милиции было изъято у преступников похищенных товарно-материальных ценностей больше чем на миллион рублей.

2. Из США и других союзных стран определенная часть грузов поступала в качестве подарков. Эти подарочные материалы поставлялись без описи, просто количеством мест. Закусило указывает, что большое количество этих подарков разворовывается, но по вышеназванной причине отсутствует возможность установить размер краж путем ревизии.

3. Наливной флот Дальневосточного государственного морского пароходства (ДВГМП), доставляемые в порт жидкие грузы (спирт, растительное масло и т.п.) полностью не сгружал. Руководство порта объясняло это непригодностью насосных механизмов. Таким образом, танкер после разгрузки имел в наличии еще 2-5 тонн «остатка», который расхищался и сбывался на рынке.

Предупредить такого рода хищения Водный отдел милиции был не в состоянии, поскольку похищенное вывозилось на берег шлюпками, минуя охрану порта. В свою очередь Водный отдел не располагал плавсредствами.

4. Инспекторский состав Владивостокской таможни (70 человек) борьбы с хищениями фактически не вел, отсутствуя большую часть времени

на складах и причалах. Инспекторы таможни занимались лишь фиксацией размеров похищенного, поскольку результаты их работы оценивались по количеству актов о совершенных хищениях. Таким образом, сотрудники таможни были не заинтересованы работать на предотвращение преступлений.

5. Привлечение к работам в портах военнослужащих, воровство со стороны которых имело массовый характер, не смотря на обращения в Военную Прокуратуру ТОФ и Владивостокского гарнизона.

Вместе с тем, большое количество преступлений, выявляемых милицией в портах края, по нашему мнению, свидетельствует скорее не о недостатках в борьбе с преступностью, а наоборот, говорит об активной работе ее сотрудников. Высокий уровень криминальных посягательств на импортные товары был объективно обусловлен их высокой стоимостью, тотальным дефицитом продуктов питания и предметов первой необходимости, тяжелым материальным положением жителей края, в том числе работников порта. Тот факт, что основную массу похищенного составляли продукты питания, является одним из подтверждений недостаточной обеспеченности продуктами жителей края. Таким образом, рост преступных посягательств на импортные грузы был неизбежен. Однако, не смотря на сложную криминогенную ситуацию, приморским милиционерам удавалось ежегодно привлекать к ответственности сотни преступников и возвращать государству миллионы рублей.

Так, за 1944 г. Водным отделом милиции было возбуждено 1625 уголовных дел, по которым к ответственности было привлечено 1874 человека. Ликвидировано 136 преступных групп, в состав которых входило 424 человека. 55,8% этих дел было вскрыто по агентурным данным, что также позволяет дать высокую оценку работе отдела. Отдел обеспечил, за указанный период, возмещение нанесенного государству ущерба на сумму более чем в 3 миллиона рублей (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Л. 46).

Успешную работу к 1944 г. наладил и Дорожный отдел милиции. По 733 возбужденным уголовным делам в 1944 г. к ответственности было привлечено 1223 человека. Общий процент раскрываемости составил 96,7%. За год было успешно реализовано 149 агентурных разработок и 14 учетных дел (Архив УВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Л. 46).

Таким образом, работа приморских милиционеров в деле защиты государственного иму-

щества вносила свой вклад в обеспечение экономической безопасности страны, обеспечивая материальную основу победы в Великой Отечественной войне.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что органы внутренних дел Приморского края в условиях военного времени провели большую работу по борьбе с общеуголовной преступностью. Несмотря на сложную криминогенную обстановку, расширение спектра выполняемых задач, текучесть личного состава, недостаток квалифицированных работников, работа всех отделов, особенно оперативных, шла нарастающими темпами. В первые годы войны противодействие преступности осуществлялось преимущественно за счет массовых проверочных мероприятий. Однако, к 1944-45 гг. была создана широкая агентурная сеть, позволившая работать на опережение и добиться серьезных успехов в борьбе с преступностью.

В годы Великой Отечественной войны Приморская милиция сумела не допустить вспышки бандитизма, характерной для страны в целом. Основная масса преступлений 1941-1944 гг. была связана с посягательствами на собственность, что объяснимо тяжелым социально-экономическим положением населения. Для конца 1944-1945 г. характерным оказался рост насильственных преступлений, совершенных военнослужащими, в том числе, с применением оружия, что было связано с высокой концентрацией войск в регионе и низкой дисциплиной в некоторых воинских частях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базаров Ф.Е. Советская милиция Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1971.
2. Белитченко Н. Партийное руководство деятельностью милиции в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-1945 гг.) // Партийно-политическая работа. 1987. № 2.
3. Белоозеров Б.П. Войска и органы НКВД в обороне Ленинграда, июль 1941-январь 1944 г. Историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 1996.
4. Блинова В.В. Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.
5. Вольхин А.И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

6. Гусак В.А. Деятельность советской милиции по обеспечению функционирования тыла в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-1945 гг.): историко-правовое исследование: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2010.

7. Дворникова Т.А. Органы внутренних дел РСФСР в борьбе с уголовной преступностью (1941-1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

8. Емелин С.М. Органы внутренних дел в 1939-1953 годы: эволюция статуса, правовых основ, организации и деятельности (по материалам Южного Урала): дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2009.

9. Иванов Н.В. Милиция Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны: исторический опыт и уроки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010.

10. История милиции Белорусской ССР. (1917-1967 гг.): Краткий очерк. / сост. А.Ф. Антрощенко. Минск, 1967.

11. История органов внутренних дел: учебник / Под ред. Р.С. Мулукаева. М.: Акад. упр. МВД России, 2015.

12. История советской милиции: В 2 т. / Под ред. Н.А. Щелокова. М., 1977.

13. Карпова Л.М. Деятельность милиции Удмуртии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010.

14. Кечайкина Е.М. Милиция Мордовии в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003.

15. Мартианов В.Е. Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937-1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1998.

16. Министерство внутренних дел, 1902-2002: Исторический очерк. / Под общей ред. Р.Г. Нургалиева. М.: Объед. ред. МВД России, 2004.

17. Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941-январь 1944 г): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2000.

18. Порфирьев Ю.Б. Органы внутренних дел Кировской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2000.

19. Скилягин А.Т., Мулукаев Р.С. История советской милиции. Л.: НИИРИО ВПУ МВД СССР, 1976.

20. Стяжкин С.В. Органы государственной безопасности и внутренних дел в Великой Отечественной войне 1941-1943 гг.: На материалах Верхнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999.

21. Тумаков Д.В. Уголовная преступность и борьба с ней в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010.

22. Хамисов Б.Г. Деятельность органов внутренних дел Бурят-Монгольской АССР в 1941-1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008.

23. Шабельникова Н.А., Бакшуттов С.Н. Деятельность милиции Приморья в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Международного форума, Владивосток, 19-21 октября 2015 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2015.

24. Шатилова О.А. Милиция Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

25. Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и войска МВД России (Историко-правовой аспект). СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения, 1998.

REFERENCES

1. Bazarov, F.E., 1971. Sovetskaya militsiya Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Soviet militia of Western Siberia during Great Patriotic War], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Tomsk. (in Russ.)

2. Belitchenko, N., 1987. Partiynoe rukovodstvo deyatel'nost'yu militsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (iyun' 1941-1945 gg.) [Party management of militia activity during Great Patriotic War, 1941-1945], Partiyno-politicheskaya rabota. 1987. № 2. (in Russ.)

3. Beloozerov, B.P., 1996. Voyska i organy NKVD v oborone Leningrada, iyul' 1941-yanvar' 1944 g.. Istoriko-pravovoy aspekt [Troops and departments of People's Commissariat for Internal Affairs in defense of Leningrad, July 1941 – January 1944. Historical and legal aspect], avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

4. Blinova, V.V., 2008. Deyatel'nost' organov NKVD Yuzhnogo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Activity of the departments of People's Commissariat for Internal Affairs of South Ural during Great Patriotic War], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Orenburg. (in Russ.)

5. Vol'khin, A.I., 2001. Deyatel'nost' organov gosudarstvennoy bezopasnosti Urala i Zapadnoy

Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg. [Activity of the state security agencies of the Ural region and Western Siberia during Great Patriotic War, 1941-1945], avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk. Ekaterinburg. (in Russ.)

6. Gusak, V.A., 2010. Deyatel'nost' sovetskoj militsii po obespecheniyu funktsionirovaniya tyla v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (iyun' 1941-1945 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie [Activities of the Soviet militia for keeping home front during Great Patriotic War, 1941-1945: historical and legal research], dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

7. Dvornikova, T.A., 2006. Organy vnutrennikh del RSFSR v bor'be s ugovnoy prestupnost'yu (1941-1945 gg.) [Law enforcement bodies of RSFSR in crime prevention, 1941-1945], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

8. Emelin, S.M., 2009. Organy vnutrennikh del v 1939-1953 gody: evolyutsiya statusa, pravovykh osnov, organizatsii i deyatel'nosti (po materialam Yuzhnogo Urala) [Law enforcement bodies in 1939-1953: evolution of the status, legal bases, organization and activity (on materials of South Ural)], dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

9. Ivanov, N.V., 2010. Militsiya Chuvashii nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: istoricheskiy opyt i uroki [Militia of Chuvashia on the eve and during Great Patriotic War: historical experience and lessons], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Cheboksary. (in Russ.)

10. Antroshchenko, A.F. ed., 1967. Istoriya militsii Belorusskoy SSR. (1917-1967 gg.): Kratkiy ocherk [History of militia of Belarusian Soviet Socialist Republic. (1917-1967): an overview]. Minsk. (in Russ.)

11. Mulukaev, R.S. ed., 2015. Istoriya organov vnutrennikh del [History of law-enforcement bodies]. Moskva: Akad. upr. MVD Rossii. (in Russ.)

12. Shchelokov, N.A. ed., 1977. Istoriya sovetskoj militsii: V 2 t. [History of Soviet militia: in 2 volumes]. Moskva. (in Russ.)

13. Karpova, L.M., 2010. Deyatel'nost' militsii Udmurtii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg. [Activity of militia of Udmurtia during Great Patriotic War, 1941-1945], avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk. Nizhniy Novgorod. (in Russ.)

14. Kechaykina, E.M., 2003. Militsiya Mordovii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941-

1945 gg. [Militia of Mordovia during Great Patriotic War, 1941-1945], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Saransk. (in Russ.)

15. Martianov, V.E., 1998. Organy NKVD Krasnodarskogo kraja nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1937-1945 gg.) [Bodies of People's Commissariat for Internal Affairs of Krasnodarsky krai on the eve and during Great Patriotic War, 1937-1945], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Krasnodar. (in Russ.)

16. Nurgaliev, R.G. ed., 2004. Ministerstvo vnutrennikh del, 1902-2002: Istoricheskiy ocherk [Ministry of Internal Affairs, 1902-2002: historical sketch]. Moskva: Ob'ed. red. MVD Rossii. (in Russ.)

17. Panfilets, A.V., 2000. Leningradskaya militsiya v gody blokady (sentyabr' 1941-yanvar' 1944 g) [Leningrad militia in the years of blockade (September 1941 – January 1944)], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

18. Porfir'ev, Yu.B., 2000. Organy vnutrennikh del Kirovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Law enforcement bodies of the Kirov region during Great Patriotic War], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

19. Skilyagin, A.T. and Mulukaev, R.S., 1976. Istoriya sovetskoj militsii [History of Soviet militia]. Leningrad: NIIRIO VPU MVD SSSR. (in Russ.)

20. Styazhkin, S.V., 1999. Organy gosudarstvennoy bezopasnosti i vnutrennikh del v Velikoy Otechestvennoy voynе 1941-1943 gg.: Na materialakh Verkhnego Povolzh'ya [Agencies of state security and internal affairs in the Great Patriotic War, 1941-1943: on materials of Upper Volga area], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Yaroslavl'. (in Russ.)

21. Tumaков, D.V., 2010. Ugolovnaya prestupnost' i bor'ba s ney v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg. [Crime and crime prevention during Great Patriotic War of 1941-1945], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Yaroslavl'. (in Russ.)

22. Khamisov, B.G., 2008. Deyatel'nost' organov vnutrennikh del Buryat-Mongol'skoy ASSR v 1941-1953 gg. [Activity of law enforcement bodies of Buryat Mongolsky ASSR in 1941-1953], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Ulan-Ude. (in Russ.)

23. Shabel'nikova, N.A. and Bakshutov, S.N., 2015. Deyatel'nost' militsii Primor'ya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Activity of militia of Primorye during Great Patriotic War]. In: Velikaya Otechestvennaya i Vtoraya mirovaya

voyny: dal'nevostochnoe izmerenie: materialy Mezhdunarodnogo foruma, Vladivostok, 19-21 oktyabrya 2015 g. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta. (in Russ.)

24. Shatilova, O.A., 2004. Militsiya Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941-1945 gg.) [Militia of Western Siberia during Great Patriotic War, 1941-1945], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Barnaul. (in Russ.)

25. Yangol, N.G., 1998. Organy vnutrennikh del Leningrada v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i voyska MVD Rossii (Istoriko-pravovoy aspekt) [Law enforcement bodies of Leningrad during Great Patriotic War and army of the Ministry of Internal Affairs of Russia (historical and legal aspect)]. Sankt-Peterburg: S.-Peterb. gos. un-t aerokosm. priborostroeniya. (in Russ.)

УДК: 93: 627.772 (571.6)

А.В. Усов*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОРСКАЯ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ БАССЕЙНЕ РОССИИ: АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И УЧЕНИЯ (1991–2014 гг.)

В статье рассматриваются вопросы проведения аварийно-спасательной подготовки в дальневосточных подразделениях Госморспасслужбы России (1991-2014 гг.), дается общая характеристика видов учений, анализируются особенности взаимодействия сил и средств, определяется специфика подготовки морских спасателей к эффективному проведению операций на море, а также к борьбе с разливами нефти. Автор приходит к выводу, что дальневосточные спасатели системы Госморспасслужбы регулярно повышали свой уровень аварийно-спасательной подготовки, проводили учения различных уровней и видов и принимали в них участие. В деле спасания на море было налажено взаимодействие с отечественными, а также зарубежными спасательными организациями стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: МСС, БАСУ, НОУПАП, Госморспасслужба, Дальневосточный бассейн, аварийно-спасательная подготовка, учения

State Maritime Rescue Service on the Russian Far East basin: emergency-rescue training and exercises, 1991-2014. ALEKSEY V. USOV (Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs)

The article deals with the emergency rescue training in the Far Eastern branches of Russian Maritime Rescue Service in 1991-2014, gives general characteristic of rescue exercises types and analyzes the features of the marine rescuers training to effectively conduct operations at sea and to fight against oil spills. The author concludes that the rescuers of Far Eastern State Marine Rescue Service system regularly raised their level of emergency rescue training, carried out exercises of various levels and types and took part in them. To raise the efficiency of training cooperation was established with domestic and foreign maritime rescue organizations of the Pacific Rim.

Keywords: State Maritime Rescue Service, Northwest Pacific Action Plan, Russian Far East, emergency-rescue training, rescue exercises

Судоходство в Дальневосточном бассейне (Рис. 1)¹, как правило, сопровождаются штормовые волны, зыби и цунами, нагоны и мощные экстре-

мальные течения, проходящие вблизи побережья, ураганы и тропические тайфуны, лед и туман. Помимо гидрометеорологических факторов – проявлений стихии – причинами аварий на морском транспорте выступает несовершенство надзора и контроля, а также человеческий фактор – ошибки или небрежность судового состава [1, с. 363; 2; 4, с. 35; 9, с. 39-59; 10, с. 46.].

¹ Дальневосточный бассейн – морские пространства от Берингова пролива до северо-западной части японского моря – акватории Берингова, Охотского, Японского морей.

* Усов Алексей Вячеславович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: 101-mvd@mail.ru

© Усов А.В., 2016

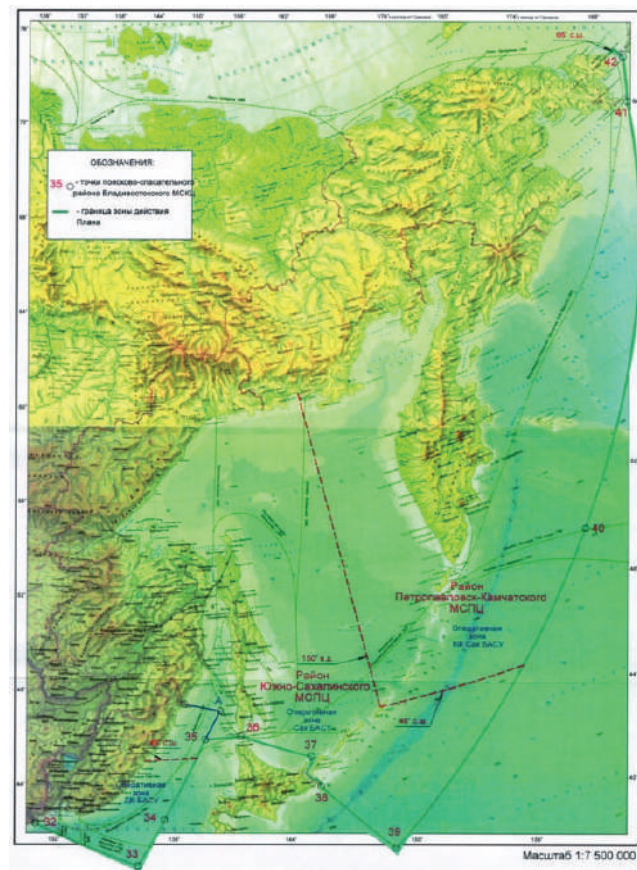

Рис. 1. Границы Дальневосточного бассейна и зоны ответственности подразделений Госморспасслужбы. Источник: Региональный план по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на Дальневосточном морском бассейне Российской Федерации. М., 2009

Технические устройства, особенно современные, зачастую невозможно использовать, не имея соответствующей квалификации, поэтому наличие относительно качественного и полного материально-технического обеспечения ещё не гарантирует успешного решения поставленных перед спасателями задач. На положительный результат влияют такие факторы как мастерство специалистов, грамотные управленческие решения, слаженные действия и взаимопонимание между участниками аварийно-спасательных операций. Проблема качественной подготовки в сфере оказания помощи при авариях на море неразрывно сопутствует развитию отечественного мореплавания и службы спасания. Будущий адмирал русского флота лейтенант С.О. Макаров в 1876 г. писал: «Человек так создан, что он пойдет на верную смерть, когда опасность ему знакома, но его пугает даже шум трюмной воды, если он к ней не привык. Приучите людей к этому шуму, и они будут бороться с пробоинами до последней крайности. С другой стороны, нельзя требовать от человека, чтобы он знал те прие-

мы, которым его не учили: поэтому неестественно, чтобы люди умели быстро заделывать пробоины, если они никогда не видели пробоин...». В 1889 г. адмирал С.О. Макаров писал: «...Прежде всего, надо сказать, что во время аварии происходят такие события, которые большинству случается видеть в первый раз. От выбора того или другого решения, от отдания того или иного приказа зависит судьба судна, а между тем распоряжения эти или другого вида приказа приходится каждому участнику делать в первый раз; в действительности же можно рассчитывать на искусство распорядителя лишь тогда, когда он делает привычное ему дело» [5, с. 16].

Как показывает анализ спасательных операций, соответствующей литературы и материалов нарративных интервью с морскими спасателями – каждый аварийный случай является уникальным и требует от командиров и исполнителей нестандартных решений, смекалки и отточенных навыков. Это отлично иллюстрирует следующий пример: на занятиях в учебном классе пробоины на схеме судна, которые нужно заделать пластырем, расположены в удобных хорошо доступных местах. На практике водолазам зачастую приходится работать вслепую, предварительно приложив колоссальные усилия, чтобы добраться до места повреждения. «Чем сложнее задачи, тем интереснее нам их решать», – формулируют свою позицию спасатели, но, несмотря на уникальность каждого инцидента, руководители, исполнители и координаторы поисково-спасательных операций и аварийно-спасательных работ (ПСО и АСР) должны быть готовы ко многим вариантам развития событий, уметь действовать чётко и слаженно (Нарративные интервью: с производителем ЛРН и ПТР ДВ БАСУ Клименко П.С. от 23.07.2011 г., от 04.04.2013 г.; со ст. водолазным специалистом ДВ БАСУ Пелепеем И.И. от 23.07.2011 г., от 04.04.2013 г.; с первым заместителем ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота» Смирновым Д.С. от 28.01.2015).

В рассматриваемый период (1991-2014 гг.) в подразделениях Госморспасслужбы, расположенных на Дальнем Востоке, проводилась аварийно-спасательная подготовка, они организовывали учения (в том числе международные) и участвовали в их проведении.

В первой половине 1990-х гг. подготовка экипажей спасательных судов и групп Экспедиционных отрядов аварийно-спасательных, судоподъемных и подводно-технических работ/Бассейновых аварийно-спасательных управлений (ЭО АСПТР/БАСУ) проводилась на базе «Курса аварийно-спасательной подготовки судов и групп ЭО АСПТР»

(КАСП-77); «Курса специальной подготовки по ликвидации разливов нефти на морских бассейнах (КСП-ЛРН-82)»; РД 31.60.14-81 «Наставления по борьбе за живучесть судов морского флота» (НБЖС-61) и других действовавших наставлений и положений ММФ и пароходств (вплоть до выхода ЭО АСПР из состава последних) (Текущий архив Приморского филиала ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота», далее ТА ПФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014).

Подготовка командного состава спасательных судов и групп проводилась в соответствии с требованиями КАСП-77, согласно Плану аварийно-спасательной подготовки (АСП) Отрядов/Управлений, планов подготовки личного состава групп Отрядов и планов-календарей аварийно-спасательной и морской подготовки экипажей судов (ТА ПФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014). В процессе подготовки по программам курса КАСП-77 командный состав судов и инженерно-технические работники (ИТР) групп обучались умению руководить подготовкой и действиями личного состава. Основными методами подготовки являлись: самостоятельная подготовка; занятия на судах и в группах; групповые упражнения; командно-штабные учения (ТА ПФ МСС. Документы. Отчеты по аварийно-спасательной подготовке (АСП), 1991-1995). По окончании года проводились зачетные командно-штабные учения, на которых командный состав и ИТР показывали полученные знания.

На спасательных судах и в группах регулярно проводились тренировки личного состава и полный комплекс судовых тревог с отработкой элементов борьбы за живучесть. Спасательными судами отработывались и сдавались задачи СС-1 (организация, плавание и борьба за живучесть судна) и СС-2 (оказание помощи аварийному судну и летательным аппаратам, терпящим бедствие на море).

В группах Отрядов АСПТР/БАСУ осуществлялся инструктаж аварийных партий первого броска по правилам и приемам выполнения аварийно-спасательных работ. На спасательных судах водолазы тренировались, выполняя различные виды аварийно-спасательных работ (АСР), включая подводную сварку и резку. Рабочие Морспецподразделений осваивали имеющееся оборудование для ликвидации разливов нефти (ЛРН). В запланированные сроки проводились проверки наличия и условия хранения аварийно-спасательного имущества.

Необходимо особо отметить, что к несению аварийно-спасательной готовности допускались суда, катера и подразделения, отработавшие в полном объеме курсовые задачи в соответствии КАСП-77 и КСП-ЛАРН-82. Это правило было

закреплено в Федеральном законе от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей»: аварийно-спасательные службы, аварийно-спасательные формирования, не прошедшие аттестацию или не подтвердившие в ходе проверок свою готовность к реагированию на чрезвычайные ситуации и проведению работ по их ликвидации, к проведению аварийно-спасательных работ не привлекаются.

В связи с этим экипажи судов, катеров, персонал морспецподразделений (МСП) и аварийных партий (АП), несшие дежурство, проводили регулярные тренировки, отработывали методы и приемы выполнения спасательных работ, связанных с выполнением возложенных задач. При этом не реже одного раза в месяц проводились частные и не реже 2-х раз в год комплексные учения, в том числе с привлечением сил и средств взаимодействующих организаций (ТА ПФ МСС. Учредительные документы предприятия. Приказы, положения, 1994).

Таким образом, дальневосточные подразделения были готовы к выполнению поставленных перед ними задач, при этом имели место определенные ограничения, связанные с техническими возможностями (нехватка оборудования и специализированных судов). Продолжалось совершенствование навыков и повышение профессионального мастерства работников Отрядов/Управлений совместно с взаимодействующими организациями Дальневосточного бассейна.

С 1 августа 1996 г., на основании письма Главного управления Госморспасслужбы России от 15 июля 1996 г. № ГМС-АС 215, подготовка дальневосточных аварийно-спасательных формирований к выполнению своих задач стала проводиться в соответствии с «Курсом подготовки экипажей судов и подразделений Госморспасслужбы России к ликвидации последствий морских аварий» (КПСР-93). Предварительно документ был утвержден решением Межведомственной комиссией по аттестации аварийно-спасательных формирований (протокол от 27 октября 1994 г. № 3).

«Курс подготовки экипажей судов и подразделений Госморспасслужбы России к ликвидации последствий морских аварий» (КПСР-93), пришедший на смену «Курсу аварийно-спасательной подготовки судов и групп ЭО АСПТР» (КАСП-77), предусматривал следующие виды подготовки к ликвидации последствий морских аварий (Текущий архив ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота», далее ТА МСС. Учредительные документы, 1990-2014; ТА ПФ МСС. Программы подготовки по АСП):

1) аварийно-спасательную подготовку (АСП) к спасанию людей и оказанию помощи судам (под

этим термином понимались также надводные корабли и подводные лодки в надводном положении) и летательным аппаратам, терпящим бедствие в море – 110 ч.;

2) специальную подготовку к ликвидации в море разливов нефти, нефтепродуктов и других вредных химических веществ (СП ЛРН) – 172 ч.;

3) медицинскую подготовку (МП) спасателей к оказанию первой помощи пострадавшим при морских авариях – 69 ч.

В течение учебного года (10 месяцев с 1 января по 31 октября/ноября – сроки и количество часов варьировались) эту программу необходимо было выполнить. В ноябре и декабре, как правило, подводились итоги, составлялись отчеты и разрабатывались планы на новый учебный год (ТА ПФ МСС. Отчеты о проф. подготовке, 2010-2012).

Практика показала, что успешное решение задач в области предотвращения загрязнений морской среды, обусловленных разливами нефти, в значительной степени зависит от уровня подготовки (проверяемого во время проведения учений и командно-штабных тренировок) руководящего состава, координационных органов, органов повседневного управления взаимодействующих аварийно-спасательных служб.

Для обеспечения готовности сил и средств к эффективному проведению операций ЛРН, в плановом порядке проводилась специальная подготовка персонала с отработкой практических навыков управления и использования техники в различных условиях:

1) лекционная подготовка персонала по проблемам экологии и эксплуатации специальных технических средств (в системе технической учебы);

2) проведение частных учений со специальными техническими средствами на воде;

3) проведение командно-штабных тренировок с отработкой вопросов управления, связи и взаимодействия – один раз в год.

Совокупность теоретической и практической подготовки персонала определялась КПСП-93.

Комплексные учения по ликвидации разливов нефти (ЛРН) в зоне Охотского, Берингова, Японского морей и в районе острова Сахалин должны были проводиться не реже одного раза в год. Место их проведения определялось в вероятных зонах значительных разливов нефти и нефтепродуктов.

Проект плана проведения комплексных учений согласовывался заблаговременно – не позднее, чем за месяц – со всеми организациями-участниками [8]. Пересмотр Плана производился по результатам проведенных учений и состоявшихся операций ЛРН [9, с. 70-75].

Процесс планирования и претворения в жизнь учений (с различной интенсивностью) был характерен для всего изучаемого периода. Интенсивность проведения зависела от ряда факторов, прежде всего, от материально-технической составляющей и геополитических условий.

Несмотря на трудности становления дальневосточных БАСУ, в начале 1990-х гг. была проведена серия учений, отработаны элементы аварийно-спасательной подготовки и ЛРН (Текущий архив Сахалинского филиала ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота», далее ТА СахФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014; ТА ПФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014).

Организация взаимодействия со спасательными службами сопредельных с Россией государств по вопросам предупреждения и ликвидации разливов нефти осуществлялась в соответствии с региональными международными договорами по сотрудничеству при ликвидации разливов нефти. Например, в 2004 г. Россия присоединилась к Региональному плану чрезвычайных мер на случай разлива нефти в регионе северо-западной части Тихого океана (Региональный план чрезвычайных мер / Northwest Pacific Action Plan – НОУПАП / NOWPAP). Его участники: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Япония и Республика Корея [5, с. 79].

Межведомственное взаимодействие в России было организовано в рамках работы Комиссии по организационно-методическому руководству и планированию мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обусловленных разливами нефти и нефтепродуктов, созданной приказом МЧС России от 8 сентября 2006 г. № 517. В состав Комиссии вошли представители различных заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и организаций.

Периодичность учений определялась нормативными документами. Учения проводились в соответствии с требованиями международных договоров, постановлением Правительства Российской Федерации от 21 августа 2000 г. № 613 «О неотложных мерах по предупреждению и ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов». В процессе учений проводился анализ обстановки и впоследствии – разбор организации и проведения учения. Например, в июле 2002 г. Владивостокским МСКЦ были проведены учения по оказанию помощи аварийному судну, спасанию людей, терпящих бедствие на море, и ликвидации разлива нефти в море. По итогам учения был осуществлен анализ и обобщены основные рекомендации для дальнейшей работы (Текущий архив МСКЦ ФГБУ «АМП

Приморского края и Восточной Арктики», далее ТА ВМСКЦ. Учения, 2002-2014).

В целях проведения проверок аварийно-спасательных служб и поддержания высокой степени готовности к выполнению мероприятий по ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с разливами нефти на море, в системе Росморречфлота России ежегодно планировался и согласовывался в установленном порядке План проведения учений и командно-штабных тренировок. Письмом Руководителя Росморречфлота от 17 июня 2009 г. (№ АД-27/5420) была введена для применения «Методика подготовки и проведения учений по ликвидации последствий морских аварий» [7].

В соответствии с ним, классификацию учений, в которых одним из направлений является ликвидация разливов нефти по своему назначению, возможно, представить следующим образом (ТА ПФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014):

I. Учения с участием сил и средств («Дельта»);

II. Учения по связи («Браво»);

III. Учения на картах или командно-штабные тренировки («Альфа»).

Целью учений являлась отработка организации оповещения и связи, функционирования органов управления различного уровня при управлении операциями по ликвидации последствий морских аварий. Особенность второй и третьей группы заключалась в том, что они проводились без привлечения сил и средств, ресурсов реагирования и без развертывания в полном объеме соответствующего уровня штабов руководства операциями, комиссий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности.

В зависимости от состава участников учения подразделялись на международные и национальные. Международные учения проводились с участием сил и средств, ресурсов реагирования, органов управления спасательных служб иностранных государств. Каждое государство несло расходы в соответствии с собственным участием при планировании, подготовке и проведении. Их проведению предшествовала крупная подготовительная работа, включающая в себя разработку указаний участникам, сценария, плана проведения учения. По окончании учений составлялся подробный отчет, в котором указывались выявленные в ходе проведения учения недостатки и рекомендации по их устранению. Отчет, после его утверждения, направлялся всем участникам учения и в соответствующие региональные комиссии.

Национальные учения проводились только с участием сил и средств, органов управления Российской Федерации.

По целям и задачам учения возможно разделить на комплексные (проводимые с отработкой различных элементов ликвидации последствий морских аварий) и частные (проводимые с целью отработки одного частного элемента при ликвидации последствий морской аварии). Например: поиск и спасение людей на море; оказание помощи аварийному судну (объекту); ликвидация разлива нефти, связанного с данной аварией.

В зависимости от целей и задач и состава участников учения подразделялись на бассейновые и объектовые. Бассейновые учения проводились с целью отработки бассейновых планов организации взаимодействия при поиске и спасении людей на море и региональных (бассейновых) планов по предупреждению и ликвидации разливов нефти (планы ЛРН). Объектовые предназначались для отработки портовых и объектовых планов оказания помощи аварийным объектам, планов по предупреждению и ликвидации разливов нефти морских портов и организаций, оперирующих с нефтью на море, с возможными чрезвычайными ситуациями, связанными с разливами нефти различного значения (локального, регионального, федерального).

Проведение региональных (бассейновых) и объектовых учений было тесно связано с отработкой планов по предупреждению и ликвидации разливов нефти. Периодичность проведения данных учений устанавливались один раз в два года.

Наряду с Судовыми планами чрезвычайных мер по борьбе с загрязнением нефтью (SOPEP), имеющимися на судах в соответствии с требованиями Правила 37 Главы 5 Приложения I к Конвенции МАРПОЛ 73/78, российским законодательством предусматривалось планирование и реализация мероприятий не только по ликвидации разливов нефти, но и по их предупреждению. Это нашло отражение в федеральном, региональных (бассейновых) и объектовых планах по предупреждению и ликвидации разливов нефти, которые периодически корректировались и утверждались установленным порядком, после чего вступали в действие.

Объектовые планы в зависимости от вероятных объемов разлива нефти подразделялись на 3 категории (локального, регионального и федерального значения), на основании чего определялись риски, достаточность и состав сил и средств аварийно-спасательных служб.

Наряду с выполнением конвенционных требований в данном вопросе, Росморречфлотом принимались дополнительные организационные и технические меры. Так письмом Росморречфлота от 26 августа 2008 г. (№ ДД-27/1484) организациям, оперирующим с нефтью на море, рекомендовано

производить установку локализирующих боновых заграждений и обеспечить несение готовности к ликвидации разливов нефти при проведении погрузочно-разгрузочных работ с нефтью и бункеровке судов на море.

Планирование мероприятий по предупреждению и ликвидации разливов нефти на морских акваториях Российской Федерации определено постановлениями Правительства Российской Федерации от 21 августа 2000 г. № 613 «О неотложных мерах по предупреждению и ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов», от 15 апреля 2002 г. № 240 «О порядке организации мероприятий по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Российской Федерации» и приказом МЧС России от 28 декабря 2004 г. № 621 «Об утверждении правил разработки и согласования планов по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Российской Федерации».

Порядок взаимодействия при ликвидации разливов нефти на море регионального и федерального значения был определен федеральными, региональными (бассейновыми) и объектовыми планами по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов. В этом контексте, особо необходимо отметить распоряжение Росморречфлота от 16 апреля 2007 г. № АД-58-р «О создании Комиссии Федерального агентства морского и речного транспорта по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности» [9, с. 70-75].

Дальневосточные подразделения Госморспасслужбы, ориентируясь на планы по предупреждению и ликвидации разливов нефти, подтверждали свою подготовку на учениях и находились в постоянной готовности к ликвидации чрезвычайных ситуаций, обусловленных разливами нефти на морских акваториях Российской Федерации (ТА ПФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014).

По своим целям учения были: подготовительными; тренировочными, зачетными и контрольными; показательными и опытными.

Подготовительные учения планировались к проведению старшим руководителем (начальником), а проводились руководителями АСФ и организаций с целью подготовки и отработки отдельных элементов учения или учения в целом. Тренировочные, зачетные и контрольные учения планировались и проводились в соответствии с КП СП-93.

Показательные учения зачастую были приурочены к различным учебным и организационным мероприятиям (сборам, совещаниям различным

видам учебы: семинарам, учебным курсам). Их главная цель – демонстрация правильных действий сил и средств, органов управления при ликвидации последствий морских аварий.

Опытные учения планировались и проводились при практической отработке новых методов, способов, технических средств, оборудования и судов с целью оценки их эффективности и целесообразности применения при ликвидации последствий морских аварий.

Тем самым, дальневосточные подразделения морспасслужбы с целью отработки совместных действий регулярно, не реже одного раза в год, проводили комплексные учения (в том числе международные) по поиску и спасению людей, терпящих бедствие на море, и принимали в них участие. При этом организация, планирование, согласование и координация действий сил и средств участников взаимодействия возлагалась на МСКЦ Владивосток и МСКЦ.

Сроки проведения учений на последующий год и их тематика по согласованию между участниками взаимодействия (организациями участников взаимодействия), как правило, определялись не позднее октября предыдущего года. В декабре – вносились в соответствующие ведомственные планы. Расходы по проведению учений каждый его участник нес самостоятельно.

Ежегодно, начиная со второй половины 1990-х гг. проводились встречи российских спасателей (в том числе дальневосточных) и экспертов береговой охраны США. Обсуждались итоги работы, планировалась работа на будущее. Изучение опыта сотрудничества показывает, что подобные встречи и совместные учения помогают установить прочное взаимодействие различных организаций в деле спасения судов и людей на море и ликвидации последствий техногенных катастроф. Так же сотрудничество с коллегами из Береговой охраны США обусловлено наличием общей границы зон ответственности в Беринговом море [3].

Одно из первых международных учений на Дальневосточном бассейне состоялось 20 мая 1998 г. в заливе Анива (о. Сахалин) (Рис. 2). В нём приняли участие спасательные силы и средства США, Японии и России. Организовало масштабное мероприятие Сахалинское бассейновое аварийно-спасательное управление (ТА СахФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014). В нем участвовали подразделения береговых охран США, Японии и Сахалинского БАСУ. Отрабатывались сценарии спасения человеческих жизней на воде, оказания помощи терпящим бедствие, а также мероприятия по ликвидации разливов нефтепродуктов.

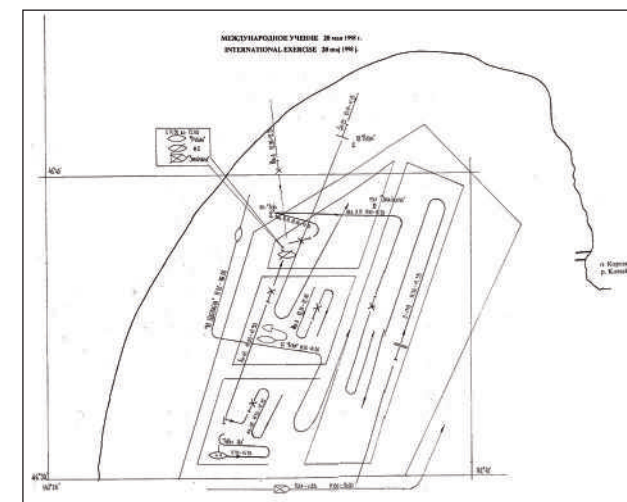

Рис. 2. План международных учений 20 мая 1998 г. в заливе Анива (о. Сахалин).

Источник: Текущий архив Приморского филиала ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота».

Отчет о международном аварийно-спасательном учении 20 мая 1998 года. Государственная морская аварийно-спасательная служба России. М., 1998 г.

Совместное российско-американо-японское учение получило высокую оценку зарубежных коллег. Позволим себе привести цитату из заключения, подписанного старшим должностным лицом от береговой охраны США Денисом М. Иггном: «Отличные учения. Хорошо спланированные. Наши комплименты в адрес плановиков, которые в течение последних нескольких недель собрали детали учения. Доказали способность РФ и Госморспасслужбы России координировать многонациональное реагирование на нефтяные разливы крупных размеров. Наличие российского офицера связи на борту было весьма существенным для успеха учения. Без его участия оперативная связь была бы более медленной и менее надежной» (ТА ПФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014).

Хироши Китаока, старшее должностное лицо от Агентства морской безопасности (АМБ) Японии, также высоко оценил степень подготовки и проведения учения, выражал восхищение техникой. Он писал своё заключение от руки по-русски: «В заключение моего письма, я надеюсь, что в будущем не будет совсем никакой аварии в этой области».

В 2001 г. специалисты Сахалинского БАСУ участвовали в международных учениях по ликвидации разливов нефти в Японии (порт Момбetsu). В них приняли участие суда «Атлас» и СПА-004 (ТА СахФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014).

2 июля 2002 г. Владивостокским МСКЦ было организовано и проведено учение в Амурском заливе по оказанию помощи аварийному судну, спасению людей, терпящих бедствие на море, и

ликвидации разлива нефти в море. Участвовали 9 организаций, среди которых: от ГИМС участвовал ВРД-0077; от РПСБ СПАСОП ОАО «Владивосток Авиа» – вертолет МИ-8; от ДВ БАСУ – с/с «Лазурит», б/к «Бурани-123» с РП-178. В целом, все участники получили оценки «отлично» и «хорошо» (ТА ВМСКЦ. Учения, 2002-2014).

В 2003 г. Сахалинское БАСУ провело комплексное учение по ликвидации разливов нефти, оказанию помощи аварийным судам в Охотском море. Учение проводилось в соответствии с замыслом Комплексного штабного учения с ТОФ «Ликвидация последствий техногенной аварии на производственном нефтедобывающем комплексе», были привлечены силы и средства Минэнерго России, Тихоокеанского Регионального управления Федеральной Пограничной Службы (ТОРУ ФПС) России, других ведомств (ТА СахФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014).

30 августа и 21 сентября 2005 г. специализированное судно «Рубин» действовало в рамках совместного учения с патрульным судном Японии «Читосэ» по отработке задач поиска и спасения людей в море. В том же году прошли успешные учения по связи «Борьба с водой» на т/х «Райчихинск» СахМП (5 взаимодействующих организаций и суда «Смит Сибу», «В.Терехов»); на т/х «Леди Фокс» (5 организаций и суда «Лазурит», «В.Терехов», «Благовещенск») (ТА СахФ МСС. Документы. Годовые отчеты АСР/ЛРН, 2005).

В 2006 г. специалисты Сахалинского БАСУ организовали и провели международное комплексное учение по оказанию помощи аварийным судам и ЛРН в рамках NOWPAP. В учениях были задействованы силы и средства Сахалинского БАСУ, аварийно-спасательных структур Сахалинской области и Береговой охраны Японии. На учениях присутствовали наблюдатели от Японии, Китая, Кореи, Швеции. В 2005 и 2006 гг. специалисты Сахалинского БАСУ принимали участие в комплексных мероприятиях, проводимых МЧС России на Сахалине (ТА СахФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014).

11 мая 2006 г. в заливе Анива, юго-западнее порта Корсаков на Сахалине вновь прошли российско-японские учения – «НОУПАП-ДЕЛЬТА-2006». Эти учения отличаются тем, что при их проведении было осуществлено фактическое спасение людей. При выполнении эпизода учения, вертолет Ми-14 со спасателями на борту потерпел реальную, а не учебную аварию. Проведение учения было остановлено, произведено фактическое спасение и эвакуация членов экипажа и группы спасателей аварийного вертолета, оказание им медицинской помощи на борту спасательного судна.

При подведении итогов было отмечено, что действия по фактическому спасанию экипажа аварийного вертолета Ми-14 были организованы и проведены российскими и японскими участниками в кратчайшие сроки, что не привело к переохлаждению спасенных. Этапы самого учения по оповещению об аварии, ликвидации разлива нефти на море, защите береговой черты и очистке прибрежной полосы от нефтяного загрязнения были выполнены полностью, с оценкой «хорошо», что позволяет говорить о серьезной подготовке к его проведению. Из недостатков было отмечено, что российская и японская стороны в недостаточной мере учли возможности судна береговой охраны Японии «Яримо», в связи с чем, руководством учения было принято решение по изменению нефтесборного ордера по ходу его действий.

Для отработки действия сил и средств, органов управления, организации взаимодействия со спасательными службами иностранных государств при ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов только за 2009 г. дальневосточными подразделениями Госморспасслужбы было организовано и проведено Комплексное бассейновое учение «Поиск и спасение людей, терпящих бедствие на море; локализация и ликвидация аварийного разлива нефтепродуктов на море и береговой черте», залив Анива, о. Сахалин (май, 2009 г.). Принято участие в Российско-корейском учении «Пресечение преступной деятельности в морском пространстве. Оказание помощи аварийному судну, терпящему бедствие, спасение людей на море и ликвидация разлива нефти на море», залив Анива, о. Сахалин (август, 2009 г.); Учения по связи «НОУПАП Браво» в рамках Плана действий северо-западной части Тихого океана, организованное Республикой Корея (апрель, 2009 г.).

В 2010-2013 гг. на акваториях Дальневосточного бассейна продолжилась практика проведения учений по ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с пожаром и разливом нефтепродуктов. Например, Дальневосточное БАСУ показало хорошие результаты в совместных учениях с ООО «Трансбункер-Приморье», ООО «Северо-восточное морское пароходство» и др., Сахалинское – в совместных учениях с ООО «Газфлот». Масштабные учения по оказанию помощи судну, терпящему бедствие и ликвидации последствий ЧС, связанной с разливом нефтепродуктов на акватории морского терминала Славянка были проведены МСКЦ ФГБУ «АМП Приморского края и Восточной Арктики» в 2013 г. В связи со случаями террористических актов на территории Российской Федерации, проводились учения по программе ТСУ «Вихрь» (ТА СахФ МСС. Документы.

Учения, 1990-2014; ТА ПФ МСС. Документы. Учения, 1990-2014).

В рассматриваемый период по итогам большинства учений всех видов запланированные цели были достигнуты, мероприятия выполнены в полном объеме и на профессиональном уровне. В связи с чем дальневосточными спасателями были получены положительные и высокие оценки. Работники Дальневосточного и Сахалинского БАСУ неоднократно принимали участие в комплексных совместных учениях по ликвидации аварийных разливов в Одессе, Владивостоке, Санкт-Петербурге, в международных учениях на Балтике, акваториях Америки, Японии и Канады (ТА СахФ МСС. Приказы, 1990-2014; ТА ПФ МСС. Приказы, 1990-2014). В процессе взаимодействия отрабатывались вопросы обеспечения безопасности мореплавания, готовности и реагированию на инциденты, связанные с разливами опасных и вредных веществ.

К накопленному дальневосточными морскими спасателями опыту проявляют интерес научные организации, в частности Институт защиты моря, созданный в Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского во Владивостоке на базе Центра по оценке и предотвращению последствий техногенных процессов. Ученые института совершенствуют систему защиты моря, в том числе и от загрязнения нефтью, которая попадает в воду после утечки нефтепродуктов с береговых баз хранения, при аварийных ситуациях на судах. Помимо этого, Институт занимается подготовкой специалистов, которые могут быть задействованы в экологических мероприятиях по местным или региональным планам ликвидации разливов нефти [6, с. 54-56].

Таким образом, в течение изучаемого периода дальневосточные подразделения Госморспасслужбы регулярно повышали свой уровень аварийно-спасательной подготовки, проводили и принимали участие в учениях различных уровней и видов. В рассматриваемый период было налажено взаимодействие как с отечественными, так и с международными организациями. Среди них: ТОФ, МЧС и Минтранс России, Береговая охрана США и Японии, Нефтяная ассоциация Японии.

Филиалы морспасслужбы, ВМСКЦ и МСПЦ активно участвовали в реализации международного межправительственного соглашения NOWRAP совместно со спасательными организациями стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии, Южной Кореи, Сингапура, Китая), а также в рамках договоров о сотрудничестве и совместном оказании помощи в случаях проведения аварийно-спасательных операций и при ликвидации разливов

нефти. Проводились ежегодные совещания, на которых подводились итоги совместной деятельности, обсуждались дальнейшие планы. Данную практику необходимо продолжить независимо от геополитических процессов в мире: спасение человеческой жизни и экологическая защита морских вод должны быть вне политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыденко А.А. Работа морского и внутреннего водного транспорта: итоги и перспективы // Федеральное справочное. 2012. № 26. С. 357-366.
2. Емельянов М.Д. Безопасность морского транспорта России // Транспорт Российской Федерации. 2008. № 2 (15). С. 38-43.
3. Карев В.И., Хаустов А.В. Россия и США за чистые моря. М. 2009.
4. Коровин А.Г. Применение автоматических гидрометеорологических станций в концепции поисково-спасательного обеспечения морской деятельности Российской Федерации // Транспортное дело России. 2012. № 3. С. 35-39.
5. Морские спасатели России / под ред. В.И. Карева. М.: Морской флот, 2007.
6. Морские спасатели: ФГУП «Сахалинское бассейновое аварийно-спасательное управление» – 50 лет. Южно-Сахалинск: Издательство «Сахалин – Приамурские ведомости», 2010.
7. Морской спасательно-координационный центр // Дальневосточный морской портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.indrik-ceramica.ru/2_11.php
8. План ликвидации разливов нефти в море в оперативной зоне ответственности Сахалинского бассейнового аварийно-спасательного управления. М.: ЦНИИМФ, 1996.
9. Региональный план по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на Дальневосточном морском бассейне Российской Федерации. М., 2009.
10. Сидорченко В.Ф. Крайняя необходимость при угрозе морских аварий. СПб., 2010.

REFERENCES

1. Davydenko, A.A., 2012. Rabota morskogo i vnutrennego vodnogo transporta: itogi i perspektivy

[The work of maritime and inland water transport: results and prospects], Federal'ny spravochnik, no. 26, pp. 357-366. (in Russ.)

2. Emel'yanov, M.D., 2008. Bezopasnost' morskogo transporta Rossii [Safety of Russian maritime transport], Transport Rossiiskoi Federatsii, no. 2, pp. 38-43. (in Russ.)

3. Karev, V.I., Khaustov, A.V., 2009. Rossiya i SShA za chistye morya [Russia and the USA for clean seas], Moskva. (in Russ.)

4. Korovin, A.G., 2012. Primenenie avtomaticheskikh gidrometeorologicheskikh stantsii v kontseptsii poiskovo-spatel'nogo obespecheniya morskoi deyatel'nosti Rossiiskoi Federatsii [Application of automatic hydrometeorological stations in the concept of search and rescue services of Russian Federation], Transportnoe delo Rossii, no. 3, pp. 35-39. (in Russ.)

5. Karev, V.I. ed, 2007. Morskije spatel'i Rossii [Sea rescuers of Russia], Moskva: Morskoi flot, 2007. (in Russ.)

6. Morskije spatel'i: FGUP «Sahalinskoe basseinovoe avariino-spatel'noe upravlenie» – 50 let. [Sea rescuers: Federal State Unitary Enterprise "Sakhalin Basin Emergency and Rescue Management" – 50 years]. Yuzhno-Sakhalinsk: Izdatel'stvo «Sakhalin – Priamurskie vedomosti», 2010. (in Russ.)

7. Morskoi spatel'no-koordinatsionny tsentr [Maritime Rescue Coordination Centre]. URL: http://www.indrik-ceramica.ru/2_11.php (in Russ.)

8. Plan likvidatsii razlivov nefli v more v operativnoi zone otvetstvennosti Sakhalinskogo basseinovogo avariino-spatel'nogo upravleniya [Oil spill response plan in the sea in an operational area of responsibility of Sakhalin Basin Emergency Management], Moskva: CNIIMF, 1996. (in Russ.)

9. Regional'ny plan po preduprezhdeniyu i likvidatsii razlivov nefli i nefteproduktov na Dal'nevostochnom morskome basseine Rossiiskoi Federatsii [The regional plan for prevention and liquidation of oil spills and oil products in the Russian Far East sea basin], Moskva, 2009. (in Russ.)

10. Sidorchenko, V.F., 2010. Krainyaya neobkhodimost' pri ugroze morskikh avarii [Emergency during the threat of sea accidents], Sankt-Peterburg. (in Russ.)

PHILOSOPHIA PERENNIS

УДК 101.1

Ф.Е. Ажимов, В.В. Леонидова*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
КАК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА:
АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПОДХОДОВ
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ**

В настоящей статье авторы предпринимают попытку представить историю философии в качестве научно-исследовательской программы с использованием соответствующей философской и научной методологии. В качестве примера в работе разбираются подходы Т.Г. Щедриной и В.А. Куренного как к изучению историко-философского материала вообще, так и к рассмотрению основных историко-философских процессов. Авторы статьи выделяют особую структуру истории философии как научно-исследовательской программы, ее методологические и эпистемологические характеристики. Делая вывод о серьезном повышении научного статуса истории философии в случае ее представления как научно-исследовательской программы, вместе с тем, авторы статьи обращают внимание на ряд ограничений и противоречий, с которыми сталкивается подобный подход.

Ключевые слова: история философии, методология истории философии, научно-исследовательская программа

History of philosophy as a scientific research program: an analysis of some approaches in modern Russian history of philosophy. FELIX E. AZHIMOV, VITALINA V. LEONIDOVA (Far Eastern Federal University)

The article attempts to present history of philosophy as a scientific research program with its own philosophical and research methodology. Searching for examples to illustrate this statement, the authors address the works of T.G. Shchedrina and V.A. Kurennoi, focusing on their approaches both to the study of historical-philosophical material in general and to the consideration of the major processes in the history of philosophy. The authors focus on specific structure of the history of philosophy as a scientific research program, describing its methodological and epistemological characteristics. The conclusion is made that if treated as a scientific research program history of philosophy can experience a serious increase of its scientific status. However, the authors note, that such an approach can face a number of limitations and contradictions.

Keywords: history of philosophy, methodology of history of philosophy, scientific research program

*АЖИМОВ Феликс Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: azhimov.fe@dvfu.ru

ЛЕОНИДОВА Виталина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: leonidova.vv@dvfu.ru

** Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук. Проект № МД-7135.2016.

Современные исследовательские поиски в области истории философии сосредоточены вокруг проблемы определения ее научного статуса и роли в системе философских наук [1; 2; 4; 5]. Предметная неопределенность историко-философского знания, содержательный плюрализм философии порождает сложности как эпистемологического, так и методологического характера. Возникает вопрос о том, возможно ли какое-то имеющее самостоятельную научную ценность историко-философское познание и как его можно обосновать концептуально, не потеряв при этом ни философского суверенитета, ни соответствия научным критериям.

Одним из продуктивных путей решения этого вопроса, на наш взгляд, может быть использование методологии научно-исследовательской программы как подхода в историко-философских исследованиях. Такая программа, с одной стороны, строится на основе философского дискурса, с другой, соответствует критериям научного познания.

Далее мы обратимся к проблеме представления истории философии как научно-исследовательской программы.

В статье мы оттолкнемся от лакатовского определения научно-исследовательской программы как теории, состоящей из концептуальных элементов, объединенных некими методологическими принципами [4, с. 75]. Первым принципом является наличие устойчивого теоретического ядра [4, с. 76] программы, которое составляет ее основополагающие содержание, вторым – структурных элементов теории, образующих ее линию аргументации («защитный пояс теории») [4, с. 77].

Научно-исследовательская программа может использоваться как методология истории философии и как форма представления взаимодействия философских учений.

Мы разберем историко-философский процесс в логике научно-исследовательской программы на примере подходов двух отечественных авторов: Т.Г. Щедриной с концепцией философии как сферы разговора, раскрываемой сквозь призму «архива эпохи» [8] и В.А. Куренного с идеей истории философии как истории философских полемик [3].

Рассмотрим основные моменты подходов указанных исследователей. Т.Г. Щедрина разрабатывает научно-исследовательскую программу изучения русской философии. В монографии «Архив эпохи: тематическое единство русской философии» автор оговаривается, что намечает такую программу, однако, данный методологический прием не используется ею сознательно. Науч-

но-исследовательская программа истории русской философии носит скорее имплицитный характер, но, тем не менее, ее контуры достаточно внятно угадываются в работах исследователя. Два основополагающих элемента ее программы изучения русской философии – это «сфера разговора» и «архив эпохи» [8, с. 7]. «Сфера разговора» является коммуникационным пространством, в котором существует русская философия. Это пространство имеет свою онтологию (философский разговор как форма бытия русской мысли), гносеологические аспекты (разговор как особая форма постижения и представления истины), антропологию (разговор как личностная форма интеллектуального общения входящих в тематическую сферу его притяжения субъектов), социальные свойства (разговор как своеобразная культурная форма существования национальной философии). Обнаруживается эта сфера посредством «архива эпохи» – комплекса архивных документов (писем, неопубликованных рукописей, черновиков, конспектов), в которых она скрыта как тематическое пространство философских работ исследуемого времени.

Т.Г. Щедрина исследует в качестве «архива эпохи» философское и эпистолярное наследие Г.Г. Шпета, реконструируемую на основе его архива «сферу разговора» составляют диалоги с русскими философами, писателями, представителями гуманитарной науки. Итак, «архив эпохи» выступает своего рода ядром программы, «сфера разговора» – ее главным содержательным элементом.

Рассмотрим, как они взаимодействуют на примере проведенного Т.Г. Щедриной анализа интеллектуального разговора Г.Г. Шпета и М.М. Пришвина. Т.Г. Щедрина изучает диалог мыслителей на основе концепта дневника, имея ввиду реальный пришевский дневник, который тот вел всю свою сознательную жизнь, и экзистенциальный «дневник» Г.Г. Шпета [8, с. 183]. Дневник в данном случае является отсылкой к «архиву эпохи», «разговор» осуществляется в тематическом пересечении их высказываний. Дневник М.М. Пришвина, содержащий описание реалий постреволюционной России, позволяет увидеть контекст, который конституировал философскую мысль Г.Г. Шпета [8, с. 182], видевшего и превращавшего этот контекст в предмет философского осмысления. Исчезновение общей интеллектуальной среды («сферы разговора»), проблемы смерти автора в новой советской реальности, проблема одиночества – все то, что М.М. Пришвин описывал как социальные явления, Г.Г. Шпет анализирует как философскую проблему, прямо навешанную воздействием соци-

альной среды. «Но реконструкция мысли Шпета о «смерти автора» не исчерпывается и теоретическим контекстом, вводящим его идеи в сферу обсуждения современных проблем структурализма. В нашем случае эта фраза может сказать гораздо больше. Шпет фактически задает вопрос о том, как возможна «смерть автора», при каких социальных условиях «автор умирает»? А этот контекст обсуждаемой проблемы уже напрямую связан с процессами в русском философском и гуманитарном сообществе, которые ему довелось наблюдать и пережить» [8, с. 187].

Как видим, «архив эпохи» не работает сам по себе, для этого необходимо осуществить следующие методологические процедуры: 1) найти в нем тематическую линию, пронизывающую разрозненные документальные свидетельства времени, 2) интерпретировать в его контексте опубликованные тексты изучаемого периода, 3) реконструировать в единую актуальную картину философские высказывания.

В.А. Куренной предлагает эксплицитную научно-исследовательскую программу истории философии. Так же, как и Т.Г. Щедрина, исследователь делает акцент на коммуникативных сторонах истории развития философских идей. Центральным сюжетом истории философии является полемика между различными философскими проектами как главное событие, определяющее эволюцию мысли. Однако, следует оговориться, что В.А. Куренной рассматривает в качестве полемики философские дискуссии, имеющие место, прежде всего, в профессиональной среде, и соответствующие стандартам современного академического знания. По сути, история философия у него превращается в историю изучения научных дискуссий в философии, в часть истории науки [3, с. 107].

Конкретная философская полемика изучается как кейс, включающий основные этапы развития дискуссии, ее структуру, механизм действия, аргументацию сторон, между схожими или противоположными конкурирующими философскими программами [3, с. 109]. Результатом применения подобного подхода будет обоснование типологии философских полемики как вариант научной систематизации разрозненных философских учений. Поскольку главным сюжетом истории философии у В.А. Куренной является профессиональная философская полемика, постольку она и составляет ядро исследовательской программы, структура и механизмы этой полемики, соответственно, будут ее главными компонентами. Отметим также, что данный подход применим только к современной философии, соответствующей критериям профес-

сионального научного знания, и В.А. Куренной на это специально указывает [3, с. 110]. Иными словами, его научно-исследовательская программа – это концепция истории современной институциональной философии.

Рассмотрим анализ одной из дискуссий, которую разбирает В.А. Куренной. Она связана с полемикой по поводу проекта дескриптивной психологии В. Дильтея. В.А. Куренной показывает, как полемическая критика проекта Г. Эббингаузом привела к элиминации данного проекта из научной психологии и его реализации в виде проекта философской феноменологии Э. Гуссерля [3, с. 125]. В.А. Куренной детально раскрывает, как повлияли на исход этой полемики слабость философской позиции В. Дильтея и жесткость аргументации Г. Эббингауза, а также контекст развития научного и философского знания конца XIX – начала XX вв. Во-первых, В. Дильтея непродуманно противопоставил описательную психологию мощному течению научной университетской психологии, имевшей на тот момент вес в академической среде [3, с. 125]. Во-вторых, концепция дескриптивной психологии В. Дильтея противоречит, по словам В.А. Куренной, «базовым элементам идентичности, связанным с занятием научной деятельностью, – в том виде, в каком эта идентичность уже сформировалась в конце XIX в. в немецкой научно-университетской среде» [3, с. 129]. Иными словами, учение В. Дильтея не соответствовало критериям научного знания, в частности, не учитывало исторический, развивающийся характер научного знания, его всеобщий и интернациональный характер, эпистемологическую фальсифицируемость. Воспользовавшись этими недостатками, а также коммуникативной разрозненностью между различными вариантами дескриптивной психологии, Г. Эббингауз ловко противопоставил проект В. Дильтея «всему остальному научному сообществу психологов (и даже научному сообществу как таковому)» [3, с. 130]. В дальнейшем проект дескриптивной психологии реализовал Э. Гуссерль в форме философской феноменологии. Неудача В. Дильтея тем самым дала импульс развитию нового направления феноменологии, в рамках которого дескриптивная психология, получив философское обоснование, стала частью философской программы.

Итак, данный вариант научно-исследовательской программы по истории философии содержит следующие компоненты: 1) наличие профессиональной полемики в центре историко-философского процесса, 2) философская полемика является кейсом (case), конкретным событием, а не только

абстрактным теоретическим спором, 3) помимо самого интеллектуального спора и теоретических проблем затрагиваются институциональные условия развития дискуссии, то есть философская полемика рассматривается как культурный текст.

Попробуем резюмировать эпистемологические и методологические характеристики научно-исследовательской программы как подхода к истории философии. В рассмотренных программах мы констатируем наличие четко обозначенного предмета – философских коммуникаций (в виде метафорической «сферы разговора» и осязаемой академической дискуссии), что повышает уровень эпистемологической строгости истории философии; вполне определенного культурного текста, который поддается экспликации и научной интерпретации именно в качестве философского, что особенно важно для таких разновидностей философской мысли как российская, к философскому статусу которой некоторые специалисты относятся весьма критично [7]; методологии, позволяющей конструировать обоснованную и эпистемологически продуктивную концептуальную модель истории философии.

Отметим, что оба варианта исследовательской программы имеют не только научную, но и собственно философскую ценность, поскольку в них предлагается достаточно оригинальное понимание эволюции философии как истории философских коммуникаций, отличное от привычного представления об истории философских учений и полученное через переосмысление понятия философии. Например, у Т.Г. Щедриной модель истории русской мысли построена на тщательно проработанном определении философии как формы интеллектуального диалога. В.А. Куренной, хотя и с меньшей степенью проработки, но также отталкивается от оригинальной трактовки философии как дискуссии.

Между тем, рассмотренные подходы имеют недостатки и ограничения своего применения, связанные с их содержательными и методологическими особенностями. Во-первых, предметами исследования в обоих случаях являются конкретные периоды и направления истории философии, для которых выработаны достаточно узкие дефиниции философии и выбраны определенные контексты ее рассмотрения. Собственно, сама научно-исследовательская программа имеет вполне конкретное теоретическое ядро, которое не распространяется на объективное знание в целом. Вероятно, использование такой программы по отношению ко всему историко-философскому процессу невозможно, имеющееся многообразие фи-

лософий в данном случае остается за пределами объяснительной схемы.

Во-вторых, характер исследуемого эмпирического материала и необходимость концептуализировать его в рамках некой интерпретативной модели приводят к тому, что история философии больше конструируется, нежели открывается в аутентичном виде. С одной стороны, это приближает историю философии к стандартам научного знания, с другой стороны – отдаляет ее от идеалов философствования. Хотя при этом интерпретаторский характер подобных конструкций все же не позволяет им достичь теоретической завершенности и оставляет пространство для сохранения философского суверенитета истории философии.

Итак, представление истории философии как научно-исследовательской программы выводит ее на определенный теоретический уровень, который позволяет достичь соответствия историко-философских исследований критериям научного познания. Вместе с тем, научно-исследовательская программа предметно и методологически ограничена определенными периодами и направлениями, что сужает как философский, так и научный взгляд историка философии: вне теоретических объяснений остается историко-философский процесс в целом, а философская рефлексия уступает место формализованному анализу. Однако такой подход позволяет развивать историко-философские изыскания в продуктивном эпистемологическом контексте и тем самым актуализировать их в условиях постмодернистского нигилизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажимов Ф.Е. Философия: история или теория? Заметки о специфике истории философии // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 27-32.
2. Кротов А.А. Методология современных российских историко-философских исследований // Ценности и смыслы. 2012. № 6. С. 37-44.
3. Куренной В.А. Poleмика профессионалов: конкуренция и опровержение исследовательских программ в современной философии // Логос. 2014. №4. С. 106-146.
4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Изд-во АСТ, 2003.
5. Ойзерман Т.И. Философия как история философии. СПб.: Алетейя, 1999.
6. Просветов С.Ю. Методологические аспекты метатеоретической интерпретации истории философии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. 14. С. 19-23.

7. Шохин В.К. Образ философа и философии в России и Индии: параллели и контрасты // Логосфера. Философский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/57412/>

8. Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008.

REFERENCES

1. Azhimov, F.E., 2014. *Filosofiya: istoriya ili teoriya? Zametki o spetsifike istorii filosofii* [Philosophy: history or theory? Notes on the specifics of the history of philosophy], *Voprosy filosofii*, no 9, pp. 27-32. (in Russ.)

2. Krotov, A.A., 2012. *Metodologiya sovremennykh rossiiskikh istoriko-filosofskikh issledovaniy* [The methodology of modern Russian studies in the history of philosophy], *Tsenosti i smysly*, no. 6, pp. 37-44. (in Russ.)

3. Kurennoi, V.A., 2014. *Polemika professionalov: konkurentsia i oproverzhenie issledovatel'skikh programm v sovremennoi filosofii* [Polemic of professionals: competition and refutation of research

programs in modern philosophy], *Logos*, no. 4, pp. 106-146. (in Russ.)

4. Lakatos, I., 2003. *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm* [The methodology of scientific research programmes]. Moskva: AST. (in Russ.)

5. Oizerman, T.I., 1999. *Filosofiya kak istoriya filosofii* [Philosophy as a history of philosophy]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

6. Prosvetov, S.Yu., 2012. *Metodologicheskie aspekty metateoreticheskoi interpretatsii istorii filosofii* [Methodological aspects of metatheoretical interpretation of the history of philosophy], *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14, pp. 19-23. (in Russ.)

7. Shokhin, V.K. *Obraz filosofa i filosofii v Rossii i Indii: paralleli i kontrasty* [The image of philosophy and philosopher in Russia and India: the parallels and contrasts]. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/57412/> (in Russ.)

8. Shchedrina, T.G., 2008. *Arkhiv epokhi: tematicheskoe edinstvo russkoi filosofii* [Archive of the epoch: thematic unity of Russian philosophy]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

УДК 159.9.016.1

А.А. Кисельников*

ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

В конце XX в. Дэвид Чалмерс пришел к выводу о том, что для современной нейронауки сознание является чем-то лишним по отношению к функционированию мозга и назвал это «трудной проблемой сознания», которая фактически является современной постановкой психофизической проблемы. Данная статья представляет краткий критический обзор основных теорий преимущественно аналитической философии сознания, которые предлагают свое решение данной философской проблемы: информационные теории (Чалмерс, Дубровский), эмерджентный материализм, панпсихизм (Чалмерс) и квантовая теория онтология (Экклз).

Ключевые слова: проблема сознания, психофизическая проблема, эмерджентный материализм, панпсихизм, квантовая онтология сознания, переживание (квалиа)

Hard problem of consciousness in analytic philosophy. ALEKSANDR A. KISELNIKOV (National Research University Higher School of Economics)

At the end of the XX century David Chalmers came to the conclusion that for modern neuroscience consciousness is something redundant in relation to the brain functioning, calling this problem a «hard problem of consciousness», which is actually a modern formulation of psychophysical problem. This article provides a brief critical overview of the major theories of mind offered by analytical philosophy: information theory (Chalmers, Dubrovsky), emergent materialism, panpsychism (Chalmers) and quantum theory of ontology (Eccles).

Keywords: problem of consciousness, psychophysical problem, emergent materialism, panpsychism, quantum theories of consciousness, conscious experiences (qualia)

Согласно позиции американской нейронауки, все множество психических процессов может быть объяснено с помощью функциональных систем, которые состоят из отдельных блоков. Конкретные элементы функциональной системы (модули, блоки) соотносятся с ее нейронными коррелятами в мозгу, то есть условно можно сказать, что мозг предстает в качестве мощной высокодифференцированной и сложной вычислительной системы, в то время как сознания олицетворяет собой информационные процессы внутри нее. Иначе говоря,

мозг представляется просто очень сложным компьютером, состоящим из отдельных более мелких блоков, которые обмениваются информацией и управляют друг другом с помощью нее.

Австралийский философ Дэвид Чалмерс обратил внимание на трудности, которые начинают появляться при таком взгляде на сознание. Все проблемы сознания, по мнению Чалмерса, можно разделить на множество легких проблем, которыми сейчас активно занимается когнитивная нейронаука (нейронные механизмы внимания, памяти,

* КИСЕЛЬНИКОВ Александр Александрович, аспирант школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: alex1543@mail.ru

© Кисельников А.А., 2016

анализа и переработки информации и т.д. то есть как именно такой физический объект как мозг обрабатывает информацию и управляет своими блоками) и на одну трудную проблему (а почему вообще существует сознание и квалиа¹), и эта проблема является стеной, о которую разбиваются все нейрокогнитивные теории сознания.

В качестве одного из основных аргументов в пользу своей позиции Чалмерс использует *мысленный* эксперимент с философским зомби. По условию эксперимента зомби – это двойник Чалмерса, который не имеет переживаний и хоть какого-то феноменального мира, но в тоже время является его полной физической копией [5]. И тогда из теоретических оснований физики и нейронауки следует, что раз мозг у Чалмерса и у его философского зомби одинаковый, то и функционирование нейронов, а значит и поведение у них не должно отличаться, и со стороны будет просто невозможно отличить, кто из них двоих обладает сознанием. Необходимо поставить акцент на этой проблеме, потому что для нейронауки и физики действительно нет разницы между Чалмерсом и его философским зомби, сознание для нее действительно является эпифеноменом, то есть оно существует, но ни на что не влияет.

Пытаясь реабилитировать нейрокогнитивный информационный подход к сознанию, Дэвид Чалмерс задается следующим вопросом. «Допустим, сознательные процессы можно в какой-то степени свести к информационным процессам в мозгу, но тогда почему эти процессы не идут в темноте, почему они осознаются? Мозг мог бы обрабатывать информацию и адекватно на нее отвечать, но почему-то мы еще и переживаем эту информацию, то есть чувствуем различные эмоции, видим цвета и т.д. Почему у нас не все темно внутри?» [5].

Отвечая на вопрос Чалмерса, Д.И. Дубровский вводит понятие «информация об информации» и выделяет особые условия, при которых информационные процессы в физических системах идут «не в темноте», а переживаются [1]. По Дубровскому, информационные процессы в мозгу являются двухуровневыми. Первый уровень – это непосредственная нейронная активация в мозгу, например, это информация в зрительной коре о волке, который воет на луну, а также информация о чувстве тайны и тоски в лимбической системе, которая вызвана у человека этой картиной. Но второй уровень, в свою очередь, это уже информация об информации, то есть информация о волке и о тоске для целост-

ной эго-системы мозга, для самости [1]. Именно эта информация второго уровня, информация для эго-системы уже перестает идти в темноте и превращается в переживания и сознание.

Но эго-система мозга – это просто множество нейронов, в которых отражается информация из других частей мозга, не представляет трудности сделать такую же эго-систему и в компьютере. В ней так же будут отражаться информационные процессы, идущие во всем системном блоке, но переживаний и сознания у компьютера скорее всего не возникнет. В то же время у человека феноменальное сознание почему-то все-таки появляется, поэтому можно сделать вывод, что информационный подход Дубровского не решает трудную проблему сознания. И если не физическая эго-система мозга, а самость, «я», субъект делает *физические информационные процессы* второго уровня переживаемыми, тогда необходимо задавать уже другие вопросы – «Чем является этот субъект, который умеет делать такие «волшебные» превращения»? Почему субъект существует и как связан с мозгом? Можно ли сказать, что субъект, «я» – это информационные процессы в мозгу? Нет. Информацией может являться только модель, образ «я», хранящийся в отделах мозга, связанных с памятью и активирующийся в каждый момент времени и поддерживающий тождество личности. Но тогда чем же является само «я», которое каждое мгновение присутствует в сознании и делает информационные процессы переживаемыми? Чем-то эмерджентным, новым и не выводимым из физических информационных процессов в мозгу? В таком случае это эмерджентное явление не сводимо к физическим информационным процессам, а значит, информационный подход не полон, потому что именно «я» позволяет физическим информационным процессам высшего уровня «не идти в темноте».

И наконец, еще одно важное замечание, которое нужно сделать по отношению к нейрокогнитивным моделям сознания и информационному подходу Д.И. Дубровского: чистая информация, взятая сама по себе в отрыве от физического носителя, является только человеческой абстракцией. В реальном физическом мире такой вещи просто нет, а есть лишь нейроны, которые на кончиках своих синапсов обмениваются медиаторами и активируют или подавляют друг друга. И в контексте информационного подхода к сознанию только в двух-аспектной теории Д. Чалмерса понятие информации используется корректно.

Признавая несводимость переживаний к информации, австралийский философ выдвигает

идею о том, что одна и та же информация одновременно реализуется и в физическом, и в феноменальном мире [5, с. 355]. Иначе говоря, в двух-аспектной теории Чалмерса сама чистая информация является лишь абстрактной сущностью, связывающей физическое и феноменальное, но ни в коем случае не переживанием. [2, с.171] То есть, по Чалмерсу, в физическом мире (в мозгу) идут физические информационные процессы, а в феноменальном мире (сознании) – феноменальные информационные процессы. Но и те, и другие реализуют одну и ту же информацию.

Например, если я вижу волка, который воет на луну, и переживаю чувство тоски, то информация обо всей этой картине и о моих чувствах одновременно реализуется в физическом мире (в зрительной коре и лимбической системе наблюдается определенный паттерн нейронной активации, в котором закодирован образ и цвет волка, луны, а также модальность и интенсивность переживаемой эмоции), и в это же время в моем феноменальном сознании я вижу черного волка, который воет на луну, и переживаю тоску. Таким образом, переживание для Д. Чалмерса – это не «информация об информации», не информационный процесс в мозгу и не информация вообще, а квалиа. Однако необходимо отметить, что двух-аспектная теория реализации информации не решает трудную проблему сознания, а лишь снимает некоторые противоречия. Почему информация реализуется в феноменальном мире, если она может реализовываться только в физическом (в мозге)?

Эмерджентный материализм выдвигает идею о том, что сознание и переживания являются «особыми» физическими явлениями, которые возникают при объединении нейронов в такую большую и сложную систему, как мозг. Определяя понятие эмерджента, необходимо разграничить сильный и слабый эмерджент.

Слабый эмерджент – это системное свойство, которое полностью выводимо из свойств входящих в нее элементов и является «эмерджентным» только потому, что пока не изучены законы по которым функционируют элементы системы. Слабый эмерджентный материализм на онтологическом уровне не сообщает ничего нового и является полностью физикалистским.

Сильный эмерджент – это системное свойство, которое не выводимо из свойств элементов. И тогда сознание как эмерджентное свойство, возникающее при объединении нейронов в большую систему, не выводимо из физических свойств самих нейронов. Поэтому философские зомби будут логически не возможны, так как без сознания

они не будут иметь эмерджентное физическое свойство, а значит не будут полностью физически идентичными с реальным человеком.

Но если сознание – это физическое эмерджентное свойство высокоорганизованной материи, то оно, как физическое свойство, должно быть видно извне с позиции третьего лица. Физические свойства нейронов (электрический заряд мембраны, масса) видны извне, но сознание как физическое свойство с позиции третьего лица не видно. Оно непосредственно видно только с позиции первого лица, поэтому оно не может быть эмерджентным физическим свойством, а значит эмерджентный материализм не может быть верным. Если сознание все-таки является эмерджентным свойством мозга, тогда оно должно быть нефизическим новым свойством.

Анализируя онтологическое строение материи, Б. Рассел обратил внимание на то, что физический мир представим как множество системных отношений различных физических параметров без собственно представления о том, что входит в эти взаимодействия, то есть без представления о том, чем являются сами эти параметры [4, с. 384, 400]. (Например, чем в реальном физическом мире является физическое свойство, реализующееся в физическом параметре массы?). И тогда Рассел выдвинул предположение о том, что материя имеет внутренние физические свойства (*внутренний аспект*), которые и реализуют эти параметры. Затем Рассел предположил, что внутренние физические свойства (внутренний аспект материи) могут быть как-то связаны с внутренними феноменальными свойствами, потому что других внутренних свойств материи, кроме феноменальных, мы просто не знаем [5, с. 198]. Как замечает Д. Чалмерс, «у нас и впрямь нет никакого представления о внутренних свойствах физического. Их место вакантно и феноменальные свойства выглядят не менее достойными кандидатами на их роль, чем другие» [5, с. 198]. Что бы отличить внутренние свойства электронов от высокоуровневого феноменального опыта, Чалмерс назвал их протофеноменальными. То есть «электрон для электрона», «электрон как вещь в себе» есть что-то протофеноменальное, а с позиции третьего лица субъективно выглядит как физическая частица с такими свойствами, как масса и заряд. И тогда «электрон для электрона» – это нечто простое, прото-феноменальное, а «мозг для мозга» – это что-то более сложное, то есть феноменальное сознание.

Идея Рассела красива, но сознание в такой теории может или складываться из протофеноменальных аспектов частиц мозга, или быть чем-то

¹ Квалиа – понятие, которое используется в аналитической философии и является синонимом категории «переживание».

эмерджентным по отношению к ним. Внутренний аспект электрона – это в частности феноменально представленная масса и заряд, и этого точно нет в сознании. Если протофеноменальные аспекты всего мозга при взаимодействии порождают эмерджентное феноменальное свойство (сознание), тогда оно должно быть видно извне как новое «физическое свойство». Но его не видно, а значит панпсихизм Рассела и Чалмерса не решает трудную проблему сознания.

В начале XX в. появилась квантовая физика, которая сломала классическое представление о мире. Ее самым важным отличием от классической науки стало то, что физические объекты стали находиться не в одном фиксированном состоянии или месте, а сразу во множестве мест одновременно [5; 6]. То есть, например, электрон может находиться в больше чем тысяче мест одновременно, что является невозможным для классического понимания мира.

На данный момент не понятно, действуют ли законы квантовой физики только для маленьких физических объектов или они распространяются и на большие физические объекты (в частности – на мозг). Сейчас более-менее устоявшейся парадигмой является то, что в микромире действуют индетерминистические законы квантовой физики, а в макро-мире – детерминистические законы Эйнштейна-Ньютона. Мозг является макро-объектом, но в то же время он может состоять из квантовых объектов, влияющих на нейронные процессы в нем

По прошествии некоторого времени после квантовой революции, некоторые нейроученые и философы начали выдвигать конкретные гипотезы о наличии в мозгу значимых квантовых эффектов. Д. Экклс предположил, что выброс медиаторов может происходить на основе квантовой физики [7], а Хамерофф выдвинул гипотезу, что квантовые эффекты существуют внутри микротрубочек цитоскелета нейрона [8], но пока ни одна из этих гипотез не была подтверждена экспериментально.

Но сейчас необходимо прояснить только саму суть квантовых теорий сознания, а не где конкретно в мозгу протекают квантовые процессы. Если передача сигналов между нейронами происходит по законам квантовой, а не классической физики, тогда в «настоящем» мозг находится не в одном жестком фиксированном состоянии, а во множестве состояний одновременно. В таком случае сознание в каждое мгновение может выбирать из множества возможных квантовых состояний мозга какое-то одно, то есть осуществлять редукцию волновой функции мозга. Таким образом, в кван-

товых теориях сознания формулируется онтологическое обоснование свободы выбора. Также необходимо отметить, что квантовые онтологии сознания нужно разделить на два типа:

– дуалистические (Экклз): существует сознание и отдельно от него мозг, находящийся во множестве квантовых состояний;

– монистические: сознание – это и есть множество квантовых состояний мозга «изнутри».

Я придерживаюсь онтологии второго типа, которая дополнительно должна быть соединена с панпсихизмом. Данную монистическую онтологию в рамках квантовой онтологии сознания можно описать и проблематизировать следующим образом. Если посмотреть на физический мир, каким он представлен в сознании, то мы всегда видим его таким, каким он был сколько-то миллисекунд назад. Например, сейчас я вижу солнце, но на самом деле я вижу солнце таким, каким оно было 8 минут назад. И если я вижу другого человека, я так же вижу не его в настоящем, а его, каким он был в прошлом, много миллисекунд назад. Все, что находится в сознании – это образ физического мира, каким он был в прошлом. Есть лишь одно исключение, только само «я», сам процесс свободного выбора одного из вариантов будущего состояния мозга находится в настоящем, репрезентирует не прошлое, а именно этот процесс выбора состояний мозга. И тогда сознание – это то, как мозг выглядит в настоящем с позиции первого лица, то есть сознание – это «квантовый мозг для квантового мозга», который совершает процесс коллапса волновой функции мозга. Но почему квантовый мозг для квантового мозга изнутри выглядит как феноменальное сознание, а не множество физических частиц? Необходимо добавить, что сознание это:

– «я» (субъект);

– множество квантовых состояний мозга;

– «отнесение» этих квантовых состояний к «я».

Фактически сознание – это именно отнесение этих квантовых состояний мозга к «я». Поэтому нельзя сказать, что сознание является чисто физическим, так как без «я» невозможно объяснить коллапс волновой функции мозга.

Применение квантовой онтологии к трудной проблеме сознания открывает новые возможности для философии сознания, но все же необходимо отметить, что проблему эпифеноменальности сознания оно решает лишь частично. Делая дополнение к мысленному эксперименту Д. Чалмерса, можно представить квантового философского зомби, который, имея такой же квантовый мозг, как и у реального человека, но не имея феноменально-

го сознания, будет выбирать одно из возможных состояний мозга автоматически с помощью квантового генератора случайных чисел (выдающего числа, в рамках вероятностного распределения уравнения Шредингера, например 0.8 и 0.2). И тогда опять же квантовый философский зомби со стороны ничем не будет отличаться от реального живого человека, если 100 раз поставить их в ситуацию одного и того же абсолютно идентичного морального выбора, то они оба выберут один из вариантов 80 раз, а другой 20. Поэтому, к сожалению, ни одна из возможных квантовых теорий сознания даже потенциально в будущем не может решить трудную проблему сознания.

Подводя итог проведенного краткого обзора, можно сделать вывод, что ни информационный подход, ни идеи об эмерджентности сознания, панпсихизме и связи сознания с коллапсом волновой функции не решают трудную проблему сознания. Возможно, данная проблема вообще не имеет решения в рамках аналитической философии, и если философы не хотят признавать сознание иллюзией, то им необходимо использовать дополнительные философские подходы, которые будут радикально отличаться от аналитической философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность, или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу) // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 90-103.
2. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
3. Гринштейн Дж., Зайонц А. Квантовый вызов. Современные исследования оснований квантовой механики. Долгопрудный: Интеллект, 2008.
4. Грин Б. Ткань космоса. Пространство, время и текстура реальности. М.: Либроком, 2011.
5. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2013.
6. Eccles, J.C., 1986. Do mental events cause neural events analogously to the probability fields of quantum mechanics? Proceedings of the Royal Society of London, Vol. 227, no. 1249, pp. 411-428.

of quantum mechanics? Proceedings of the Royal Society of London, Vol. 227, no. 1249, pp. 411-428.

7. Hameroff, S.R., 1994. Quantum coherence in microtubules: A neural basis for an emergent consciousness? Journal of Consciousness Studies, Vol. 1, no. 1, pp. 91-118.

8. Russel, B., 1927. The analysis of matter. London: Kegan Paul.

REFERENCE

1. Dubrovskiy, D.I., 2007. Zachem sub'ektivnaya real'nost', ili «pochemu informatsionnye protsessy ne idut v temnote?» (Otvét D. Chalmersu) [Why does subjective reality exist or why don't information processes go on «in the dark»? (Answer to Chalmers)], Voprosy filosofii, no. 3, pp. 90-103. (in Russ.)
2. Vasil'ev, V.V., 2009. Trudnaya problema soznaniya [The hard problem of consciousness]. Moskva: Progress-Traditsiya. (in Russ.)
3. Grintshteyn, J. and Zayonts, A., 2008. Kvantovyy vyzov. Sovremennye issledovaniya osnovaniy kvantovoy mekhaniki [The quantum challenge: modern research on the foundations of quantum mechanics]. Dolgoprudnyy: Intellect. (in Russ.)
4. Grin, B., 2011. Tkan' kosmosa. Prostranstvo, vremya i tekstura real'nosti [The fabric of the cosmos: space, time, and the texture of reality]. Moskva: Librokom. (in Russ.)
5. Chalmers, D., 2013. Soznayushchiy um. V poiskakh fundamental'noy teorii [The Conscious Mind: In search of a fundamental theory]. Moskva: URSS. (in Russ.)
6. Eccles, J.C., 1986. Do mental events cause neural events analogously to the probability fields of quantum mechanics? Proceedings of the Royal Society of London, Vol. 227, no. 1249, pp. 411-428.
7. Hameroff, S.R., 1994. Quantum coherence in microtubules: A neural basis for an emergent consciousness? Journal of Consciousness Studies, Vol. 1, no. 1, pp. 91-118.
8. Russel, B., 1927. The analysis of matter. London: Kegan Paul.

ЭТИКА, ПРЕДРАССУДКИ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ В СВЕТЕ ИДЕЙ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

В статье обсуждается соотношение предрассудков и этики и намечаются основные принципы, по которым возможно снизить или устранить склонность к предрассудкам, но сохранить все основания для нравственного выбора. Исследование не связано с психологией или психиатрией, проблема обсуждается исключительно с философской точки зрения.

Ключевые слова: этика, предрассудки, суеверие, сверхъестественное, приметы, совпадения, ритуализация

Ethics, superstitions and supernatural in the light of L. Wittgenstein's ideas.
SOFIA V. DANKO (National Research University Higher School of Economics)

The article discusses the correlation of superstitions and ethics and outlines the basic principles on which it is possible to reduce or eliminate the disposition to superstitions, still being able to keep all the grounds for moral choice. The study is not associated with psychology or psychiatry, the issue is discussed solely from a philosophical point of view.

Keywords: ethics, superstition, supernatural, signs, coincidences, ritualization

Все дальнейшее можно считать пространным комментарием к утверждению Л. Витгенштейна «Как есть мир для высшего совершенно безразлично. Бог не проявляется в мире» [3, 6.432, с. 96]. В наши задачи не входит подробный историко-философский анализ обсуждаемых вопросов, мы обсудим проблему только в свете идей Витгенштейна и практики реальной жизни, лишь кратко коснувшись истории вопроса.

Витгенштейн избегает прямых определений Высшего или сверхъестественного: следуя его замыслу, мы должны понять, что *не является* Высшим, и затем распространить это понимание на все, что в состоянии помыслить. Витгенштейн стремится очистить наши представления от неосознанной абсолютизации происходящего, показав, что для этого нет никаких онтологических оснований: «Все, что мы видим, может быть также другим. Все, что мы можем вообще описать, может также быть другим. Нет никакого априорного порядка вещей» [3, 5.634, с. 82],

«...все происходящее и *такое* – случайно» [3, 6.41, с. 96].

Можно предположить, что приведенные высказывания Витгенштейна в первую очередь касаются «законов природы», как «априорного порядка вещей», но это не совсем так, и дело даже не в том, существуют законы природы или нет, важно то, как именно они мыслятся. А мыслятся они так, что даже признание их реальности, противоречащее буквальному прочтению ранних текстов Витгенштейна («Логико-философский трактат», «Лекция об этике»), не будет противоречить общей установке этих работ: идея Высшего, насколько можно понять Витгенштейна, предполагает разумность, субъектность и сверхъестественность Высшего, в то время как вера в закон природы, во всяком случае для современного сознания, в некотором смысле «механистична». Современный человек не склонен обожествлять те силы, которые организуют природу, считать их «субъектными», действующими сознательно. Сами законы полагаются, скорее, «естественными», нежели «сверхъестествен-

ными», т.е. они мыслятся в неразрывном единстве с процессами, в которых они проявляются.

Предрассудки, о которых далее пойдет речь, не вполне таковы: «могущественные силы», якобы стоящие за ними, скорее, «сверхъестественны», они «контролируют», вопреки всем природным закономерностям, саму нашу жизнь, как мы ее себе представляем. Значит, эти силы должны как-то образом «понимать» нашу жизнь, проявлять заинтересованность в том, что с нами происходит, словом, мыслить, быть субъектными.

Поэтому приведенные высказывания Витгенштейна стоит учитывать, прежде всего, в сфере собственно человеческих смыслов и ценностей (в духе известной фразы «кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится» [1, с. 15]). Именно в этой сфере проявляется склонность людей верить в существование разумных и могущественных сил, способных управлять происходящим или произвольно его менять. Эти силы понимаются и чувствуются как нечто Высшее, сверхъестественное, хотя, с точки зрения Витгенштейна, их скорее следует считать искажением, принижением Высшего, нежели самим Высшим, поскольку Высшее, как он замечает, не вмешивается в события нашего мира, нашей жизни, не влияет на происходящее, делая его *таким*, а не иным. Иначе можно сказать, что наше представление о мире *не должно* учитывать гипотетические проявления Высшего: даже если мы в молитвах обращаемся к Высшему, мы *не должны* ожидать каких-либо гарантий участия Высшего в наших делах.

Оглядка на «Высшее» (будем условно называть это так), связывание происходящего с высшими силами, доверие или недоверие Высшему может проявляться в искусстве, религии, философии¹, в

¹ В отношении этих форм культуры и их отношения к высшему требуется, конечно, отдельное исследование. Кратко заметим, что всякое заявление об абсолютном мироустройстве – в области онтологии, гносеологии, этики и прочих направлений философии – уже есть претензия на высшее. Исключением (и, соответственно, *обратной интерпретацией*), является, конечно, скептицизм, который подчеркивает границы того, что мы можем знать. Но, добавлю, у философии, безусловно, есть средства, назовем их рационально-художественными, которыми достигается впечатление абсолютности сказанного, раскрытия высшего смысла, и ценность этого для нашей жизни несомненна. Искусство тоже живет высшим. Художественными средствами достигается иллюзия (или не иллюзия?) перехода к высшему, и тогда условное и относительное оценочное суждение приобретает для нас статус высшего, поскольку начинает восприниматься как абсолютное. Религию можно рассматривать как абсолютизацию моральных интуиций, которые сами по себе имеют отношение в Высшему, Абсолюту.

морали и, как мы предположили, в предрассудках. Нас будут интересовать два последних случая (кратко мы коснемся также темы религиозного мировоззрения). Нашей задачей будет либо убедиться в том, что связь с Высшим во всех случаях есть плод воображения, либо признать, что связь с Высшим, в том или ином случае, все-таки присутствует и попытаться проследить характер этой связи.

Для начала приведем несколько примеров, показав, как это обнаруживает себя в предрассудках: в приметах, в ритуализации, в реакции на совпадения, в предсказаниях, в оценках событий нашей или чужой жизни, в оценках поступков, в вере в чудеса. Все примеры будут сопровождаться «обратной интерпретацией», которая соответствует положению «Высшее не проявляется в мире».

1. Черная кошка, перешедшая дорогу, толкуется как знак судьбы – «не к добру». При этом неявно предполагается, что невидимому и всемогущему Абсолюту, который распоряжается всем, что происходит, есть до нас дело, и нам посылается знак. Заодно фатальность приписывается и тому плохому, что должно произойти: оно становится неизбежным, предначертанным «свыше».

Обратная интерпретация: черной кошке, как и другим животным, надо передвигаться куда-то по своим делам. Наши пути с черной кошкой случайно пересеклись. А если случится что-то плохое, то это тоже будет просто обстоятельством, которого могло бы и не быть, будь я осмотрительнее, или будь физический мир иначе устроен.

2. Толкуя совпадения как знак судьбы, мы полагаем или чувствуем, будто мир специально распорядился, что бы все произошло так, а не иначе. К примеру, я не случайно зашел именно в этот бар, где встретил именно этого человека, который предложил мне именно ту работу, о которой я давно мечтал.

Обратная интерпретация: никакая загадочная судьба не стоит за тем, что именно этот человек явился в бар в то самое время, когда я забрел в него. Просто мне повезло. Или, например, то, что два подходящих друг другу человека оказались в одном вагоне напротив друг друга (как в фильме «Москва слезам не верит») – это удача, но не более того.

3. В предсказаниях тоже предполагается некая абсолютная сила судьбы, которая неминуемо ведет события жизни к какой-то развязке. О том, какова будет эта развязка, свидетельствуют особые знаки (карты, кофейная гуща, линии на руке и т.п.). Предсказанные события своей жизни мы тоже полагаем отмеченными Абсолютом (предусмотренными судьбой как высшей силой).

* ДАНЬКО Софья Владимировна, кандидат философских наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: danko.sofia@gmail.com

© Данько С.В., 2016

Обратная интерпретация: миру или той силе, которая образует мир, нет дела до карт и кофе. Совпадение предсказания и реальности может быть лишь случайным.

4. В тяжелых обстоятельствах мы иногда не вполне осознанно предполагаем, что за все наши мучения нам «воздастся», в других случаях ждем возмездия за проступки, или опасаемся, что высшая сила компенсирует неожиданное везение.

Обратная интерпретация: Высшее не контролирует события моей жизни, возможно, дальше будет еще хуже. А может, мне повезет, или, возможно, у меня хватит воли и ума, чтобы изменить обстоятельства к лучшему.

5. У многих людей есть набор повседневных ритуалов, которые не слишком усложняют жизнь, хотя склонность к этому вовсе не безобидна.

Наиболее опасный вид ритуализации проявляется в клиническом состоянии (обсессивный синдром). Страдающие этим синдромом люди шагу не могут ступить, не оглядываясь на нечто невидимое, которое жестко их «контролирует». Ритуалы, как правило, иррациональны: мытье рук всякий раз новым куском мыла, хождение по определенным линиям, намеченным на тротуаре и т.п. Страдающие этой болезнью могут не знать, что одержимы Высшим. Но они, безусловно, приписывают миру желание и способность их контролировать и всю свою жизнь выстраивают в согласии с иррациональными «требованиями» Абсолюта, изо всех сил стараясь их распознать. Например, они оттачивают интуицию на том, в какую сторону должны смотреть носы ботинок в прихожей и т.п.

Обратная интерпретация: Куда смотрят носы ботинок, для высшего совершенно безразлично. Высшее не проявляется в том, куда смотрят носы ботинок, поскольку оно вообще нигде и никак не проявляется.

6. Здесь мы вынуждены коснуться темы, болезненной для некоторых форм религиозного сознания. Витгенштейн, очевидно, был религиозен, но не в традиционном ключе. Религиозные обряды он понимал, как аллегории, выражающие пиетет, благоговейное отношение к миру, чувство смысла мира. Тем не менее, воплощенные в реальности «чудеса» с его точки зрения нельзя толковать как проявления Высшего, и, насколько можно судить, с его позиций не будет кощунством усомниться в сверхъестественном происхождении любого чудесного события. Поэтому мы рискуем и здесь предложить обратную интерпретацию, которую каждый может отвергнуть исходя из собственного мироощущения.

Итак, если дивный лик проявится на небосводе, произойдет чудесное исцеление, воскрешение

и т.п., с позиции «Высшее не проявляется в мире» придется признать, что все эти поразительные события не означают ничего, кроме нарушения привычного хода вещей. Такие случаи можно считать неестественными, но не *сверхъестественными*, если понимать последнее в сакральном смысле, который имеется в виду, например, в религии. Невероятные события можно толковать как аномалии, как эффекты нездоровой психики, но для их сакрализации нет оснований, поскольку неясно, как должно проявляться сакральное и что вообще мы под этим понимаем, даже если, предположим, у нас есть интуиция, побуждающая использовать подобные выражения. Мы, конечно, можем прийти в изумление при виде лика на небесах, но, с другой точки зрения, можно заметить, что никаких надежных свидетельств вмешательства Высшего в нашу жизнь у нас не будет, *что бы ни произошло*: мало ли чем может являться лик на небе, глас с небес и прочие загадочные события. Скепсис такого рода выражал Сартр: «У одной сумасшедшей были галлюцинации: с ней говорили по телефону и отдавали приказания. На вопрос врача: «Кто же с вами разговаривает?» – она ответила: «Он говорит, что он бог». Но что же служило ей доказательством, что это был бог? Если мне явится ангел, то откуда я узнаю, что это и на самом деле ангел? И если я услышу голоса, то что докажет, что они доносятся с небес, а не из ада или подсознания, что это не следствие патологического состояния?» [5, с. 325]

Так или иначе, самое необычное явление, сколь угодно странное, есть всего лишь еще одна картина среди прочих картин, с которыми мы сталкиваемся в жизни, хотя и несколько необычная картина. Скажем так: она изображена теми же средствами, что и все прочие картины, тот же холст, те же краски. Вот в чем проблема: ничего сверхъестественного не может быть изображено естественными средствами, т.е. средствами, доступными обычному наблюдению и пониманию. Возможно, как уже было сказано, у нас есть интуиция, в связи с которыми мы склонны говорить о сверхъестественном, но у нас нет способа их прояснить и строго соотнести с тем, что происходит в жизни.

Об этом свидетельствует язык, который показывает границы всего, что мы в состоянии помыслить или представить: «Наши слова <...> это просто сосуды, способные сохранять и передавать значение и смысл, естественные значение и смысл» [2, с. 241]. Мы словно находимся под невидимым, но непроницаемым колпаком, который ограничивает нас от всего, что превосходило бы обыденное (или

естественнонаучное) понимание мира, единственного понятного нам мира, в котором мы ничего не знаем и не можем знать о Высшем.

Если последовательно придерживаться позиции «Высшее не проявляется в мире», то это должно избавить от иллюзий, что происходящее означает нечто «сверх» того, что оно означает с позиции естественного опыта. Глубоко проникнуться идеей «Высшее не проявляется в мире» означает перестать видеть в происходящем предзнаменования, знаки «свыше», перестать верить в приметы, перестать ожидать от мира поощрения или наказания и в идеале избавиться от обсессивных реакций: перестать заботиться о положении ложки в тарелке, количестве шагов до остановки трамвая и т.п. Возможно, это выглядит слишком категорично или упрощенно, но на определенном уровне подобный инсайт видимо, должен состояться.

Остается, однако, вопрос: если Высшее в нашем мире никак не предьявлено и не может быть предьявлено, тогда как мы можем рассуждать об этом? *Чего именно нет в нашем мире?*

Витгенштейн говорит об особом взгляде на мир или точке зрения, с которой мир выступает как нечто мистическое [9, с. 308; 11, с. 40]. Предложения о мире, воспринятом в таком аспекте, оказываются бессмысленными, поскольку ничего не говорят о происходящем. Можно, например, удивляться тому, что мир существует, но существование мира – это не событие, не то, что сегодня есть, а завтра – нет. Мистическое удивление не имеет отношения к своеобразию каких-либо необычных вещей, оно касается *всех* вещей, независимо от того, *какие* они, поскольку необъяснимо и крайне загадочно само их существование: «Я удивляюсь небу, каким бы оно ни было» [2, с. 243].

Мир необъясним в своем существовании, само его существование – *сверхъестественно*, что и придает всем событиям нашей жизни оттенок мистического. Мы чувствуем волшебство мира, но полагаем, что это волшебство должно выразиться в необычных явлениях и связях между ними. Какую ошибку мы при этом совершаем? В поисках необычных объектов и ситуаций, нарушающих привычный ход вещей, мы «удваиваем» волшебство: то, что *уже* есть чудо, мы искажаем, или украшаем, преобразуем в воображении или восприятии в нечто такое, что в состоянии хоть как-то представить, и вместо чуда получаем подделку. То, что небо вообще *есть*, уже чудо, но мы желаем, чтобы оно украсилось ликом, что заставило бы нас удивиться и признать наличие чуда. Однако, таким образом мы отрицаем подлинное чудо.

Чудо, сверхъестественное есть мистический фон всех событий, но не какое-то определенное событие. Разглядеть этот фон невозможно, о нем ничего нельзя сказать: язык позволяет описывать только то, что происходит. Высшее не проявляется в *особых* событиях, поэтому относительно Высшего все события «равноценны».

Далее мы обсудим предположение, что *Высшее не проявляется в мире, но проявляется в этическом отношении к миру*. И на этом лишь основании, на основании личного отношения человека к миру, можно провести различия между предрассудком и моралью.

На первый взгляд, нетрудно разобраться, чем мы руководствуемся в своих поступках: моралью или предрассудками (стремление вернуть долг, очевидно, продиктовано моральной ценностью, а нежелание передавать купюры поздним вечером связано с дурной приметой). Но обратим внимание вот на что: и суеверия, и мораль имеют дело, в том числе, с фактами, с тем, что происходит, притом, что в обоих случаях в происходящем каким-то образом «замешано» Высшее, и в каждом случае невозможно ясно представить, описать, объяснить эту «причастность» Высшему (поскольку высшее не проявляется в мире). Если далее обсуждать этот вопрос, то окажется, что не так легко обнаружить, чем, собственно, этическое отличается от предрассудков, ведь мы, в любом случае, не можем указать основания того и другого, избегая психологической интерпретации. А психологическая интерпретация, как известно, может предложить лишь условные, относительные основания, и тогда отличие морального выбора от предрассудка тоже станет условным и относительным.

Попытаемся все же найти «абсолютные» различия между моралью и предрассудками в интересующем нас отношении к Высшему. Здесь, конечно, возникает трудность, связанная с обилием этических систем в философии. В дальнейших кратких комментариях мы будем держаться подходов Канта и Витгенштейна: взгляды раннего Витгенштейна во многом близки ригоризму И. Канта [4, с. 195; 10, с. 224], а некоторые расхождения для данного исследования не принципиальны. Итак, выделим то, что считаем наиболее существенным и очевидным.

Как было показано, в предрассудках Высшее активно «вмешивается» в жизнь, преследует человека в его повседневных делах, отрицает естественный порядок вещей, сообщая вещам колдовские свойства. В таких представлениях Высшее располагается на уровне происходящего в мире: ему есть дело до пятницы тринадцатого, до погоды в ответственные дни, до маршрутов черных

кошек и расположения ботинок в прихожей и т.п. С этим связана еще одна особенность предрассудков: неоправданное вовлечение Высшего в нашу жизнь, как правило, сопровождается иррациональным страхом, побуждающим прибегать к противоестественным средствам «защиты», колдовству, заклинаниями и т.п.

Теперь соотнесем эти особенности с мотивациями этического характера. Мораль, в отличие от предрассудков, не основывается на страхе, связанном с психологическими или физическими страданиями. Следуя предрассудкам, человек стремится себя обезопасить, а следование долгу, напротив, допускает и даже предполагает страдания. В терминах кантовской этики можно сказать, что мотивация в предрассудках «гетерономна», а не «автономна» (последнее является, по Канту, основным требованием этики должностования [4, с. 219]).

Кроме того, в этических мотивах почитается естественный ход вещей: никаким материальным объектам или ситуациями не приписываются временные или постоянные сверхъестественные свойства. В этическом отношении нет ничего, что можно было бы представить, как колдовство или мистику. Повышенная значимость некоторых событий и даже их сверхценность не предполагает мистического воздаяния или наказания. Иными словами, в морали (в отличие от предрассудков) присутствует не мистификация реальности, а пиетет, ценностное отношение (этическое или эстетическое) к тому, что уже дано нам с очевидностью. Поэтому для этического выбора не требуется «обратная интерпретация», которая приводилась для предрассудков: этика не включает Высшее в мир, а предполагает отношение к миру с позиции Высшего (что Кант обозначил как «моральное чувство» [4, с. 221], а Витгенштейн как чувствование «этической ценности» [2, с. 240]).

Итак, в той мере, в какой человек склонен к предрассудкам, он будет опасаться черной кошки, в которой якобы сосредоточились опасные намерения Высшего. В той мере, в какой он морален, он не может ее пристрелить, даже если одержим суеверием, но не потому, что за этим последует наказание со стороны Высшего. Для морального субъекта нет никаких *особых* объектов или событий, в которых «размещается» или специфическим образом отражается Высшее.

Противостояние этики и предрассудка (предрассудка в самой тяжелой, клинической форме) описывает Стив Мартина в книге «Радость моего общества»: общаясь с ребенком, герой, чья жизнь насквозь пронизана бесчисленными болезненными ритуалами, совершает небывалый для себя поступок: «И все-таки я знал – я на него влияю. Всякий

раз, когда хмурюсь или улыбаюсь ему, это регистрируется, когда повышаю голос или ласково хвалю – архивируется в его впитчивом уме. И что же – я желаю передать ему этот спиралевидный маршрут до аптеки, и что же – я хочу, чтобы он перенял от меня оцепенение и панику при виде восьмидюймового поребрика? <...>. Я не мог оставить ему в наследство страх из позабытых мест. Я потянул его к бордюру, чтобы он не стал таким, как я <...>. я опустил одну ногу на мостовую, чтобы он не стал таким, как я. Он без усилий сошел вниз, колыхаясь на негнущихся ножках. <...>. Я перевел его через улицу, чтобы он не стал таким, как я <...>. Через улицы, по тротуарам, по переходам и вне их – всё ради того, чтобы Тедди не стал таким, как я» [6, с. 21]

Позиция «Высшее не проявляется в мире» означает бессмысленность, ошибочность или порочность мистификации происходящего, к чему многие из нас расположены в той или иной степени. Но людям, очевидно, свойственно и другое: очищенное от всякой мистификации ценностное отношение, реализуемое с позиции идеалов (должного, блага, прекрасного). Каков бы ни был статус таких идеалов, для нас они оказываются неким предельным мерилем ценности происходящего, и тем единственным, что мы могли бы соотнести с Высшим, не покидая почву реальности и здравого отношения к жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 2015.
2. Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. М., 1989.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути, общ. ред. В. Асмуса. М., 1958.
4. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Сочинения в 8-и томах. Т. 4. М., 1994.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.
6. Мартин С. Радость моего общества. М., 2004.
7. Barrett, C., 1991. Wittgenstein on ethics and religion belief. Oxford: Basil Blackwell.
8. Davies, B., 1980. Wittgenstein on God. Philosophy, Vol. 55, no. 211, pp. 105-108.
9. McGuinness, B.F., 196. The mysticism of the Tractatus. The Philosophical Review, Vol. 75, no. 3, pp. 305-328.
10. Walker, J., 1968. Wittgenstein's earlier ethics. American Philosophical Quarterly, Vol. 5, no. 4, pp. 219-232.
11. Zemach, E., 1964. Wittgenstein's philosophy of the mystical. The Review of Metaphysics, Vol. 18, no. 1, pp. 38-57.

REFERENCES

1. Bulgakov, M.A., 2015. Master i Margarita [Master and Margarita]. Moskva. (in Russ.)
2. Wittgenstein, L., 1989. Leksiya ob etike [A lecture on ethics]. In: Istoriko-filosofskiy ezhegodnik. Moskva. (in Russ.)
3. Wittgenstein, L., 1958. Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moskva. (in Russ.)
4. Kant, I., 1994. Osnovopolozhenie k metafizike npravov [Groundwork of the metaphysic of morals]. In: Kant, I., 1994. Sochineniya v 8-i tomakh. T. 4. Moskva. (in Russ.)
5. Sartre, J.-P., 1989. Ekzistentsializm eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. In: Sumerki bogov. Moskva. (in Russ.)
6. Martin, S., 2004. Radost' moego obshchestva [The pleasure of my company]. Moskva. (in Russ.)
7. Barrett, C., 1991. Wittgenstein on ethics and religion belief. Oxford: Basil Blackwell.
8. Davies, B., 1980. Wittgenstein on God. Philosophy, Vol. 55, no. 211, pp. 105-108.
9. McGuinness, B.F., 196. The mysticism of the Tractatus. The Philosophical Review, Vol. 75, no. 3, pp. 305-328.
10. Walker, J., 1968. Wittgenstein's earlier ethics. American Philosophical Quarterly, Vol. 5, no. 4, pp. 219-232.
11. Zemach, E., 1964. Wittgenstein's philosophy of the mystical. The Review of Metaphysics, Vol. 18, no. 1, pp. 38-57.

В статье рассматривается феномен пэчворк-религиозности, который хорошо известен западным исследователям и стал особенно актуален в последние двадцать-тридцать лет. Автор демонстрирует, что мировоззрение и религиозная философия Л.Н. Толстого могут быть рассмотрены как один из вариантов подобного пэчворка, составленного из определенных элементов, связанных между собой основополагающими для Л.Н. Толстого интегральными концептами «инстинкт божества» и «разумная любовь».

Ключевые слова: религиозность, пэчворк-религия, Л.Н. Толстой, вера, христианство

Patchwork religion of Leo Tolstoy. YURI L. OREKHANOV (Saint Tikhon's Orthodox University)

The article deals with the phenomenon of patchwork religiosity, which has become particularly relevant in the last 20-30 years due to the processes of secularization and increasing pluralism in the religious field. Patchwork religiosity is one of the fundamental concepts of the sociology of religion, which allows us to understand the rules upon which the religiosity of today's young people is based. The author shows that the worldview and religious philosophy of Leo Tolstoy can be seen as a variant of a patchwork religion composed of heterogeneous elements, linked together by certain principles. The basis of this connection are the integral concepts of "divine instinct" and "rational love", the content of which is considered in connection with the general ideas of Leo Tolstoy.

Keywords: religiosity, patchwork religion, Leo Tolstoy, faith, Christianity

Общим местом в современной социологии религии стало утверждение о том, что, вопреки ожиданиям и пророчествам классиков этой дисциплины, интерес к «религиозному» со временем не уменьшается, а постоянно растет, но при этом приобретает очень специфические черты и формы. Этот тезис можно проиллюстрировать с помощью анализа очень интересного явления духовной жизни Европы последних сорока-пятидесяти лет – так называемой пэчворк-религиозности (то есть «лоскутной» религиозности). Речь идет о том, что в условиях дальнейшей секуляризации и плюрализации так называемого «религиозного поля» религиозность современного молодого человека, живущего в Европе, строится на основе

соединения «лоскутков», на первый взгляд между собой ничем не связанных. Но это совершенно ошибочное заключение.

Процесс формирования «лоскутных религий» тесно связан с индивидуализацией жизни, которая и приводит к появлению «индивидуальной правды» и, соответственно, индивидуальной религии. Это такая приватизация религиозного, которая вызывает в современной европейской жизни появление новых механизмов формирования «своего Бога» и «своей веры». В работах современных авторов можно встретить и другие термины, подчеркивающие именно этот аспект индивидуализации и плюрализации, например, «Bricolage-религия», то есть «самодельная ре-

лигиозность», «любительская религиозность». Отметим, что термин «Bricolage-религия» восходит к трудам К. Леви-Стросса и подчеркивает субкультурный характер религиозных практик, которые с помощью специальных техник, символов и предметов (например, связанных с одеждой, музыкой или спортом) призваны максимально отграничить молодежное пространство от посягательства других культурных традиций, создать свой собственный, уникальный культурный и понятийный контекст. Для молодого человека главная задача – создать «понятного – для меня – Бога», который помогает справиться с жизненными задачами.

Таким образом, мы видим, что это явление в первую очередь, хотя и не исключительно, является актуальным именно для молодежной среды. Ученые, представители традиционных церковных сообществ, политики, педагоги, журналисты констатируют наличие в современной жизни кризиса, смысл которого вплотную связан с развитием процесса секуляризации. Сегодня этот кризис приобретает очень специфические черты. Речь идет о том, что в эпоху постмодерна следует говорить о появлении нового формата веры, который оказывает значительное влияние на индивидуальные, социальные и культурные аспекты жизни современного человека и является вызовом для Церкви.

Сегодня в Европе традиционные церковные сообщества теряют свое влияние, но одновременно с этим социологические опросы фиксируют усиление интереса к маргинальным (альтернативным) формам религиозности. В этой ситуации уже неправильно говорить о секулярном процессе, протекающем линейно, и предпочитают употреблять слово «плюрализм»: религия вовсе не уходит из пространства современной жизни, но приобретает очень специфические черты.

Для современного европейца «религиозное» становится средством противостоять хаосу современного мира с его драматическими политическими поворотами и контрастами и «новой непрозрачностью». Чем сложнее и непонятней становится мир, тем сильнее в нем тоска по такой духовности, которая дает направление и смысл повседневной жизни. Человек вынужден сам конструировать смысл своего бытия, существует очевидная потребность обрести «новую надежность» и осознать себя чем-то большим, нежели только случайным продуктом эволюционного процесса: «каждый сам знает наилучший ответ на свои духовные потребности» [12, с. 10], или, как подчеркивает одна из последовательниц данного направ-

ления К. Ака, «справедливо то, что я переживаю как справедливое», «свято то, что я ощущаю, как святое» [9, с. 11].

Эта жизненная опция имеет важную дополнительную функцию. Она позволяет индивидууму выделиться из социума, являясь своеобразным протестом против доминирования культуры, основанной на рациональности, протестом против мира модерна, в котором не остается места тайне, причем церковная и теологическая аранжировка этой тайны современного европейца уже не устраивает: «“Лоскутная религиозность” есть ответ на симптомы утомления мира, в котором победила рациональность, и артикуляция духовного голода человека. Это направления поиска, ориентированные на опыт сверх-обычной взволнованности и умиления, на коммуникацию с “божественным”, на обретение самого себя, на опыт своего тела, на расширение сознания и озарение» [11, с. 123-124]. Человек постмодерна проявляет интерес к дзен-буддизму и фен-шуй потому, что испытывает глубокую потребность «в таких практиках, которые интегрируют дух, душу и тело и не оставляют их наедине и исключительно перед “математически-рациональной” стороной жизни человека, детерминированной естественнонаучной картиной мира» [10, с. 133].

Итак, зерном нового понимания религиозности, ее сутью, является стремление иметь «собственного Бога», который может быть непонятен и необъясним для других, но для самого индивидуума представляет собой абсолютный жизненный ориентир. Очень ярким примером опыта такого конструирования являются записи Этти Хиллесум, молодой голландки еврейского происхождения, арестованной нацистами и погибшей в Освенциме в 1943 г. Во время своего заключения Э. Хиллесум, не получившая в семье никакого религиозного воспитания, вела дневник, в котором идея «собственного Бога» нашла яркое отражение.

Другим ярким примером такого рода являются результаты современных социологических опросов школьников Германии и Австрии. Эти опросы показывают, что религиозный вопрос для респондентов сегодня носит предельно приватный («во что я верю, это мое личное дело»), релятивный («что есть правда, не знает никто») и функциональный характер («а что мне лично даст вера?») [12, с. 10]. Характерной особенностью такой религиозности является последовательно проводимое дистанцирование от каких-либо конкретных исторических религиозных традиций, в том числе

* ОРЕХАНОВ Юрий Леонидович, доктор исторических наук, доктор церковной истории, проректор по международной работе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: georgorehanov@mail.ru

© Ореханов Ю.Л., 2016

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 14-18-03771.

и христианских, и каких-либо конкретных, определенных, жестких вероучительных выводов и установок.

Это приводит, в свою очередь, к причудливому сочетанию самых разных религиозных практик. «Моя религия» может быть выстроена из буддистской медитации, шаманского экстатирования, японских и китайских практик с дополнением элементами психотерапевтических приемов и ревитализацией архаических культов и обычаев. Часто фактически речь здесь идет о тотальном отвержении теизма и попытках передать религиозный опыт в категориях эмоциональности и интуиции. Целью такого религиозного опыта является преодоление границ человеческого бытия, космичность, в которой есть место моему «я» [11, с. 124].

Это может быть не только «обычай без веры», но и «вера без обычая», то есть отторжение каких-либо жестко структурированных и организованных союзов с определенными символами и действиями и, наоборот, стремление ее приверженцев создавать слабоконституированные «сети» для общения, в которых эта тенденция проявляется особенно ярко.

Таким образом, главным признаком «лоскутной религиозности» является игнорирование любого «предания». Новая религиозность понимает религию и религиозную традицию совсем не так, как эта последняя привыкла сама себя осознавать. Это «Believing without Belonging», «вера без причастности» – принцип, в 1994 г. сформулированный британской исследовательницей Грейс Дэви. Именно поэтому сегодня уже никого не может удивить то обстоятельство, что на вопрос «Зачем нужно любить ближнего?», заданный «из христианской традиции», исследователь получит ответ: «Это полезно для моей кармы». Таким образом, еще одним ярким признаком такой религиозности является ее инвариантность по отношению к любым религиозным и конфессиональным особенностям.

Очень примечательно, что многие современные молодые люди, живущие в Европе, совершенно не приемлют картины мира, в которой с именем Бога связаны понятия «исключительность», «страх», «насилие», причем даже в ситуации, когда они сами себя позиционируют приверженцами определенной конфессии и даже людьми очень религиозными. «Лоскутная религия» максимально ориентирована на жизнь «здесь и теперь». Другой ее характерный признак – унификация этических представлений различных религий и приписывание им якобы одинакового взгляда на Добро и Зло

при тотальном отвержении каких-либо абсолютизированных претензий.

Далее в данной статье мы предпримем попытку показать, что религиозное мировоззрение Л.Н. Толстого представляет собой типичный пример именно такого пестроты, выстроенного по определенным принципам. Для реализации этой задачи необходимо рассмотреть его составные элементы.

Исходя из так называемой трихотомической схемы (тело – душа – дух), Л.Н. Толстой утверждает, что Бог есть «бесконечное, вечно-живое, единое существо», которое проявляется в «бесконечном количестве видов (сущест)», высшую ступень состояния которых составляет человеческий дух, самопознающий и познающий Бога. Эта третья («духовная») ступень познания открыта в «истинном браманизме, и буддизме, и христианстве». Согласно этому представлению реальностью является не отдельная человеческая личность, а действующая через человеческое сознание «вечная, бесконечная сила Божия», высшим проявлением которой является любовь. Смысл жизни человека в росте сознания, в постепенном переходе от низшей ступени сознания к высшей [7, т. 88, с. 318].

Если анализировать представления о Боге, заключенные в дневниковые записи Л. Толстого, то следует признать, что они крайне динамичны и с трудом поддаются какой-либо систематизации. В дневнике Л.Н. Толстой различает «Бога познаваемого», т.е. личного, и «Бога, сознаваемого в себе»: «тот Бог, который во мне, слышит меня, в этом-то уж не может быть сомнений. Так что ж вы молитесь сами себе? Да, только не низшему себе, не всему себе, а тому, что есть во мне Божье, вечного, любовного. И оно слышит меня и отвечает. Благодарю тебя и люблю тебя, Господи, живущий во мне» [7, т. 54, с. 15; т. 57, с. 108-109]. В другом месте Л.Н. Толстой пишет: «Помоги мне Тот, Кого знаю, но не могу ни назвать, ни познать» [7, т. 57, с. 145].

В постоянном стремлении Л.Н. Толстого не воспринимать Бога как Личность лежит глубинная мировоззренческая интенция, стремление интерпретировать духовные процессы («разумное сознание») как выход личности во всеобщее, внеличностное бытие. Неоднократно в своих дневниках писатель подчеркивает ограниченность, с его точки зрения, персоналистического подхода к вере. Вот характерная запись от 5 мая 1890 г.: «Обращение к Богу как к личности нужно, когда сам себя чувствуешь слабым – личностью; когда силен – не чувствуешь себя лично-

стью и живешь, когда слаб – только просишь. Лицо – прости, помоги мне, лицу» [7, т. 50, с. 40]. Именно поэтому, по очень меткому замечанию Н.А. Бердяева, религия Л.Н. Толстого представляет собой поклонение «безличной божественности среднего рода» [1].

Философии Л.Н. Толстого совершенно чуждо понятие «Откровение». Истинная жизнь, о которой часто говорит Толстой – всегда самостоятельно пережитый опыт, а по отношению к чуждому религиозному опыту Толстой мог проявлять очень часто только нетерпимость, причем иногда в очень агрессивной форме [5, с. 503].

Значит ли это, что Л. Толстой был только рационалистом и совершенно не воспринимал мистическую сторону в христианстве, как считали некоторые авторы, писавшие о Толстом? Это очень важный, принципиальный и сложный вопрос, и на нем я хотел бы остановиться более подробно.

Начну с замечания Н.А. Бердяева, который подчеркивал, что мистика Л.Н. Толстого – мистика первостихий жизни (так ярко проявившаяся в «Казаках»), которая «никогда не встречается с Логосом, то есть никогда не может быть осознана» [2, с. 379].

Эта же мысль присутствует в работах П. Бицилли, который противопоставляет «чистую мистику» Л. Толстого и «христианскую мистику» Евангелия и утверждает, что Л.Н. Толстой является ярким и своеобразным представителем именно первой [4, с. 27-304]. Здесь, очевидно, под «чистой мистикой» следует понимать сложный комплекс, имеющий именно языческо-пантентеистическую основу.

Другими словами, рационализм Л. Толстого не есть рационализм западного толка, который в XIX в. трансформировался в позитивизм и позже в сциентизм. Граф не был просто прогрессистом, типичным рационалистом позитивистского толка, борющимся с суевериями. Обратим внимание на то, например, что Толстой всю жизнь был неспособен оформить свое учение в виде последовательной системы или доктрины (понадобилась помощь В. Черткова).

В рационализме Толстого присутствуют «русские» или даже «православные» элементы. По мысли Бердяева, это полуязыческая мистика космоса, стремящаяся найти какое-то обоснование в Евангелии (во всяком случае, в эпоху писания «Казаков»), но очень далекая при этом от христианской мистики (например, от исихазма или откровений католических авторов средневековья). Не случайно ведь стремление писателя образовывать конструкты, производные от слова «раз-

ум», в которых присутствуют понятия «жизнь» и «любовь» (например, столь важное для взглядов Толстого «разумение жизни»). Можно сказать, что парадоксальным образом рационализм Л. Толстого иррационален, ибо очень сильно ориентирован на чувство.

Сам Толстой в первый период своей жизни и творчества прекрасно осознавал значение мистической первоосновы художественного делания. С удивительной глубиной он выразил ее в письме «бабушке», А.А. Толстой, написанном в 1878 г., то есть во время напряженных размышлений о новом романе, посвященном декабристам: «Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себя в это время. Странно и приятно думать, что то время, которое я помню, 30-е года, – уж история. Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается и все устанавливается в торжественном покое истины и красоты <...> Молюсь Богу, чтобы он мне позволил сделать хоть приблизительно то, что я хочу. Дело это для меня так важно, что, как вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно. Так важно, как важна для вас вера. И еще важнее, мне бы хотелось сказать. Но важнее ничего не может быть. И оно то самое и есть» [8, с. 353].

Итак, значение рационального компонента, *ratio*, в проповеди Л. Толстого, невозможно отрицать, но и его не следует переоценивать. Вопреки общепринятому представлению, хотя рациональность и является важным аспектом мышления Толстого, она все-таки не первостепенный, а наиболее поверхностный аспект его религии. Толстой сам употреблял слово «рационалистический» неоднократно в отрицательном смысле (см. напр.: [7, т. 37, с. 349; т. 57, с. 5]). Современный швейцарский исследователь Х. Мюнх, который указывает, что рационализм Л. Толстого не есть рационализм метода: писатель очень хорошо понимал границы «разумного знания» и то обстоятельство, что разум не может помочь человеку в поисках смысла. Концепция Л. Толстого – это скорее «разумная вера» (см., напр.: [7, т. 52, с. 18; т. 58, с. 231] и многие другие), а сам писатель может быть охарактеризован как «повинующийся разуму мистик любви» [6, с. 104-105].

Философия писателя создается на некоторых ключевых понятиях, концептах, из которых главными являются разум (важная производная этого понятия – разумение), любовь, жизнь, и которым противостоит, в определенном смысле, вера. Из этих базовых концептов писатель создает более

сложные (интегральные), важнейшим из которых является разумение жизни.

О разуме как высшем религиозном, духовном проявлении божественной сущности в человеке Л.Н. Толстой пишет очень рано – в возрасте 19 лет он заносит в свой дневник следующую мысль: «Оставь действовать разум, он укажет тебе на твое назначение, он даст тебе правила, с которыми смело иди в общество. Все, что сообразно с первенствующей способностью человека – разумом, будет равно сообразно со всем, что существует» [7, т. 46, с. 4].

Разум – религиозно-детерминированное понятие, практическим коррелятом которого является «правда»: «Жизнь человека истинная – та, из которой он составляет себе понятие о всякой другой жизни, – есть стремление к благу, достигаемому подчинением своей личности закону разума» [7, т. 26, с. 363].

Еще раз подчеркнем: в философии Толстого понятие «разум» нельзя свести только к *ratio*, к дискурсивному мышлению, оно включает также и сферу сердца. Разум – это форма присутствия в человеке «всемогущего, чистого и святого» самостоятельного онтологического основания, не зависящих от природы человека, и является своеобразным хранилищем и проводником божественной воли и божественного закона. В 1879 г. в небольшом наброске «Царство Божие» Толстой указывает: «Сын человеческий – это тот дух, который есть в каждом человеке, не зачат от плоти. Тот, кто возвеличит этот дух в себе, тот получит жизнь невременную и вступает в Царство Божие». При этом «полагаться на Сына», «жить в разумении» и делать добро – это синонимические понятия [7, т. 90, с. 125]. Жить в Боге для писателя значит – разуметь и делать.

В дневниках Л.Н. Толстого есть замечательное выражение, с помощью которого он пытается передать суть своего понимания религиозного. Это выражение – инстинкт Божества, который, как охотничий инстинкт у собаки, есть в каждом человеке. При этом разум, ум человека играет важную роль – определять степень отклонения от этого инстинкта [7, т. 48, с. 59-60]. Этот инстинкт есть нечеловеческая сила, которая проходит через человека: «...сила эта Бог, которая работает, дает радость и наслаждение, губит, поднимает, оставляет совершенно независимо от того, что воображают и соображают себе при этом своим умом люди» [3, с. 96].

Другими словами, Л. Толстой утверждает, что в человеческую природу, в его сознание за-

ложен духовный, божественный, первобытный закон природы – инстинкт добра и ощущение божественной жизни в себе, присутствия в себе Бога. Реализации этого инстинкта мешает стремление человека дать ответ на любой вопрос и преобразовать действительность, вынося свой суд по любому поводу, тогда как на самом деле задача сознания – привести в соответствие разум и чувства человека. Эта идея соответствия присутствует уже в «Казаках» и «Войне и мире» – инстинктивной мудрости Кутузова противостоит агрессивный и самоуверенный новоевропейский активизм Наполеона. Именно поэтому несколько позже Толстой находил сходные рассуждения у философов Востока – Конфуция, Лао-Цзы и других – о присутствии в человеке некоего объективного нравственного закона.

Теперь становится более понятно, почему Л. Толстой всю жизнь так настойчиво противостоял персоналистическому, то есть личностному подходу в вопросах веры. По точному замечанию прот. В.В. Зеньковского, философия Л.Н. Толстого есть спасение от личности, потому что разумное «я» не может быть отождествлено с личностью человека, оно всегда ему противостоит в качестве универсума, общечеловеческого содержания разумного сознания, безграничной, не знающей конца и предела жизни, вечной, бессмертной, бесконечной, безличной. По Толстому, бессмертно в нас разумное сознание, которому не может быть приписан признак личности, бессмертна в нас любовь ко всему живому, тот универсальный разум, который может раскрыться в нас. «Жизнь» и «душа» не могут быть бессмертны, так как это понятия земные, относимые исключительно к земному хронотопу. Бессмертно только духовное начало, которое и есть Бог и присутствие которого в себе может ощущать человек [5, с. 517, 523-524].

Любовь – практическая реализация закона разума. В любви, как в этически реализованном разуме, присутствует Сам Бог. С этой точки зрения термины «разум», «любовь» и «жизнь» являются синонимами, и эти понятия, с точки зрения Л.Н. Толстого, противостоят вере так, как веру понимает Православная Церковь.

Жизнь – своеобразное сочетание первых двух начал, разумная любовь, концепт, который, по всей видимости, во всех построениях писателя является центральным. За несколько лет до смерти Л.Н. Толстой формулирует положение, в котором все три базовых концепта находят между собой связь: «...всякая жизнь есть не что иное, как все большее расширение сознания и все большее и большее увеличение любви» [7, т. 89, с. 61].

Религия и религиозность Л.Н. Толстого была ярким примером лоскутной религии в том смысле, о котором она была охарактеризована в первой части данной статьи. Фактически писатель сконструировал свою религиозную проповедь из отдельных отрывков Евангелия, философских трактатов, изречений мудрецов всех времен и народов. Проповедь Л.Н. Толстого строится в негативе на основе полного отрицания и отвержения какого-либо предания и конфессиональности, и в этом она очень приближается к тем религиозным построениям, которые имеют место в современной молодежной среде. В позитиве религия Л. Толстого строится на основе сочетания нескольких базовых концептов, из которых писатель создает два главных интегральных понятия – «инстинкт божества» и «разумная любовь». Писателя сближает с современной религиозной ситуацией еще один важнейший момент: для него главным критерием подлинности является собственный, индивидуальный, неповторимый религиозный опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции / Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/duhi.html>
2. Бердяев Н.А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л.Н. Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом: Сборник статей. Тула, 2002.
3. Биbihин В.В. Дневники Льва Толстого. М., 2012.
4. Бицилли П. Творчество Толстого // Современные записки. 1928. № 36. С. 274-304.
5. Зеньковский В.В. Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой: pro et contra: Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2000.
6. Мюнх Х. Христианство без Христа? Распространенные предрассудки о религии Толстого и их опровержение // Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский: задачи христианства и христианство как задача. Международная научная конференция. 2-5 октября 2011 г. Тула: Музей-усадьба Л.Н. Толстого Ясная Поляна, 2014.
7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. М. 1928-1958.
8. Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857-1903). М., 2011.
9. Аса, С., 2010. «Ich bin meine eigene Sekte». Volkskundliche Religionsforschung und Patchwork –

Religiosität. In: Mohrmann Ruth-E. (Hg.), 2010. Alternative Spiritualität heute. Muenster-NY – Muenchen-Berlin.

10. Först, J., 2013. Abschied von der 'Patchworkreligiosität'? : von der pastoralen Kompetenz, moderne religiöse Orientierungen existentiell zu entschlüsseln und theologisch zu deuten. Bibel und Liturgie, Vol. 86, no. 2, pp. 128-138.

11. Hempelmann, R., 2008. Patchwork-Religiosität – ein Thema von bleibender Aktualität. In: Materialdienst der Evangelische Zentralstelle für Weltanschauungsfragen, Vol. 71, pp. 123-124.

12. Kögler, I., 2014. «Nun sag, wie hast du's mit der Religion?». Am Beispiel jugendlicher Religiosität. Österreichisches Religionspädagogisches Forum, Vol. 22, pp. 9-15.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A. Dukhi russkoi revolyutsii [Spirits of the Russian Revolution]. In: Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revolyutsii. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/duhi.html> (in Russ.)
2. Berdyaev, N.A., 2012. Vekhiy i Noviy Zavet v religioznom soznanii L.N. Tolstogo [The Old and New Testament in the Religious consciousness of Leo Tolstoy]. In: Russkie mysliteli o Lve Tolstom. Tula. (in Russ.)
3. Bibichin, V.V., 2012. Dnevnik Lva Tolstogo [The diaries of Leo Tolstoy]. Moskva. (in Russ.)
4. Bitsilli, P., 1928. Tvorchestvo Tolstogo [Creative work of Tolstoy], Sovremennye zapiski, no. 36, pp. 274-304. (in Russ.)
5. Zen'kovskiy, V.V., 2000. Problema bessmertiya u L.N. Tolstogo [The problem of immortality as seen by Leo Tolstoy]. In: L.N. Tolstoy: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Lva Tolstogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
6. Myunkh, Ch., 2011. Khristianstvo bez Christa? Rasprostranennye predrassudki o religii Tolstogo i ikh oproverzhenie [Christianity without Christ? Common prejudices about the religion of Tolstoy and their refutation]. In: L.N. Tolstoy i F.M. Dostoevskiy: zadachi khristyanstva i khristyanstvo kak zadacha. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. 2-5 oktyabrya 2011 g. Tula: Muzei-usad'ba L.N. Tolstogo Yasnaya polyana. (in Russ.)
7. Tolstoy, L.N., 1928-1958. Polnoe sobranie sochineniy v 90 tomakh [Collected works in 90 volumes]. Moskva. (in Russ.)
8. L.N. Tolstoy i A.A. Tolstaya. Perepiska (1857-1903) [L.N. Tolstoy and A.A. Tolstaya. Correspondence]. Moskva, 2011. (in Russ.)

9. Aca, C., 2010. «Ich bin meine eigene Sekte». Volkskundliche Religionsforschung und Patchwork – Religiosität [«I am my own sect». Folkloristic research on religion and patchwork religiosity]. In: Mohrmann Ruth-E. (Hg.), 2010. Alternative Spiritualität heute. Muenster-NY – Muenchen-Berlin. (in German)

10. Först, J., 2013. Abschied von der 'Patchworkreligiosität'? : von der pastoralen Kompetenz, moderne religiöse Orientierungen existentiell zu entschlüsseln und theologisch zu deuten [Parting from 'Patchwork religiosity': On the pastoral competence, to decipher existentially modern religious orientations and interpret them

theologically]. Bibel und Liturgie, Vol. 86, no. 2, pp. 128-138. (in German)

11. Hempelmann, R., 2008. Patchwork-Religiosität – ein Thema von bleibender Aktualität [Patchwork religiosity – a topic of remaining actuality]. In: Materialdienst der Evangelische Zentralstelle für Weltanschauungsfragen, Vol. 71, pp. 123-124. (in German)

12. Kögler, I., 2014. «Nun sag, wie hast du's mit der Religion?». Am Beispiel jugendlicher Religiosität [«Do you believe in God?». The example of young persons' religiosity], Österreichisches Religionspädagogisches Forum, Vol. 22, pp. 9-15. (in German)

УДК 87.3

И.В. Гребешев*

ВЛ. СОЛОВЬЕВ И РУССКОЕ НЕОЛЕЙБНИЦИАНСТВО

В статье рассматривается критический анализ неoleyбницянских и иных субстанциалистско-персоналистических представлений о человеческом «Я» со стороны Вл. Соловьёва и принципов философии всеединства. Этим обусловлена его полемика с Л.М. Лопатиным, исходившим из монадологических принципов. Автор устанавливает, что для Вл. Соловьёва онтологическим статусом может обладать только абсолютная личность и что, вместе с тем, мыслитель искал философскую альтернативу бесконечной цепочке всевозможных детерминистских моделей человеческого бытия. Соловьёв исходил из возможности и необходимости христианской философии, однако свободному творчеству личности-субстанции он противопоставлял этику «нравственного детерминизма».

Ключевые слова: всеединство, метафизика, неoleyбницянство, субстанционализм, персонализм, спиритуализм

Vladimir Solovyov and Russian neo-Leibnizianism. IGOR V. GREBESHEV (Peoples' Friendship University of Russia)

The article deals with a critical analysis of neo-Leibnizian and other substantialist and personalistic concepts of the human ego by Vladimir Solovyov from the point of his philosophy of unity. The author states that for Vladimir Solovyov only absolute personality could enjoy the ontological status and that, at the same time, he was looking for a philosophical alternative to the endless chain of various deterministic models of human existence. Solovyov based his reasoning on possibility and necessity of Christian philosophy, but he contrasted the ethics of «moral determinism» to a free creativity personality-substance.

Keywords: absolute unity, metaphysics, neo-Leibnizianism, substantialism, personalism, spiritualism

Вл. Соловьёв и русская метафизика конца XIX – начала XX вв. – одна из наиболее интересных и важных тем в истории отечественной мысли. Рассмотрим, какую роль сыграли идеи основоположника метафизики всеединства в отношении русского неoleyбницянства.

Уже в магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивистов)» (1874) Владимир Сергеевич Соловьёв в целом высоко оценивал творческое наследие Лейбница, который, по его убеждению, «своим принципом монады» предложил «действительный синтез понятий души и тела», превзойдя тем самым Декарта и Спинозу [9, с. 17]. В то же время, уже в своей ран-

ней работе он совершенно определенно указал, что именно в сфере гносеологии видит ограниченность персоналистической монадологии Лейбница¹: «...хотя утверждалась самостоятельность и действительность познания как психического

¹ См. об этом подробнее: Антонов К.М. Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX века. М., 2008. С. 84-88, а также Половинкин С.М. Спор о субстанциях между Л.М. Лопатиным и кн. Е.Н. Трубецким по поводу истолкования наследия В.С. Соловьёва // СОФИЯ: Альманах: Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. Уфа, 2005. С. 217-225 и Половинкин С.М. Иерархический персонализм Н.О. Лосского // Вестник ПСТГУ. Сер. Философия. 2004. № 3. С. 48-80).

* ГРЕБЕШЕВ Игорь Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

E-mail: grebeshev.igor@yandex.ru

© Гребешев И.В., 2016

акта отдельных монад, но его всеобщее значение и объективное единство являлось сомнительным» [9, с. 20]. Позднее, в книге «Духовные основы жизни» (1882-1884), философ последовательно выступает против всяческой «отдельности»: необходимо «...добровольное подчинение Богу, единодушие (солидарность) друг с другом и владычество над природой» [6, с. 271]. Соловьев резко критикует «самолюбие и обособление», «личное, народное, местное», настаивая на том, что «эгоизм или самость» – корень греховного отделения от Бога [6, с. 361].

В конце 1880-х гг. отношение русского метафизика к лейбнианству становится все более критическим. Об этом, в частности, свидетельствуют резкие строки из письма Н.Н. Страхову (8 декабря 1888 г.): «Впрочем, Вы верите даже (или притворяетесь, что верите) жалким глупостям Декарта и Лейбница» [4, Т. 1, с. 56]. Через год в статье «О грехах и болезнях» Соловьев высказался по данному вопросу более определенно: «Вопрос о взаимодействии духа и материи есть, как всякому известно, большое место картезианского дуализма и лейбницевого монадологии. Всем известны жалкие попытки решить задачу на почве этих схем. Теория «окказиональных причин» картезианца Гейлинкса и «предустановленная гармония» Лейбница остались в истории философии как последние образцы тех метафизических вымыслов, ни на чем не основанных и ничего не объясняющих» [8, с. 527]. Надо сказать, что если не придавать слишком большое значение резкому и беспелляционному тону этих рассуждений (в конце концов, для Соловьева подобный полемический запал был достаточно характерен), то следует признать, что изменения в позиции мыслителя были не такими уж и радикальными: ведь и в ранних соловьевских трудах «вопрос о взаимодействии духа и материи» признавался «слабым местом» рационалистической метафизики догегелевского периода (включая Декарта и Лейбница).

Вл. Соловьев никогда не причислял себя к гегельянам и в ряде существенных моментов последовательно противопоставлял собственный принцип «положительного всеединства» гегелевскому панлогизму. Однако в диалектике абсолютного идеализма Гегеля он всегда усматривал колоссальный прорыв философской мысли, ее качественно новый уровень, впервые открывающий путь к пониманию природы взаимосвязи духа и материи [11]. Поэтому нас не может удивлять тот факт, что критика лейбнианской персоналистической метафизики у позднего Соловьева сопровождается прямыми ссылками именно на гегелевскую фило-

софию. Об этом, например, идет речь в его письме Н.Я. Гроту (12 ноября 1896 г.), где автор в шуточных стихах непосредственно обращается к своему близкому другу и верному лейбнианцу-персоналисту Л.М. Лопатину:

«Левон, Левон! Оставь свою затею,
И не шути с водою и огнем...
Субстанций нет! Прогнал их Гегель в шею;
Но и без них мы славно заживем!» [4, Т. 3, с. 271].

Конечно, было бы неверно усматривать в этих иронических образах некую апологию тотальной «текучести» («гераклитова тока»). Русский метафизик как и был всегда, так и остался верным рыцарем Абсолюта, философского и религиозного.

Наиболее системный характер спор Соловьева с лейбнианским персонализмом приобретает в «Теоретической философии», сборнике последних гносеологических работ философа (1897-1899). Критике здесь подвергается как «мыслящая субстанция» Декарта, так и «индивидуальная душа старой спиритуалистической психологии» [8, с. 821]. Особое же внимание уделяется воззрениям «позднейших спиритуалистов» (фактически, Л.М. Лопатина и других русских неолейбнианцев), согласно которым «я есть некоторая сверхфеноменальная сущность, или субстанция, реальный центр психической жизни, имеющий собственное бытие независимо от данных своих состояний» [2, с. XXV-XXVI; 8, с. 796]. Соловьев признает убеждения «спиритуалистического догматизма о безусловной истинности отдельных реальных единиц сознания» лишь в качестве «предположений», имеющих в гносеологическом отношении лишь «условное» значение. Философский же путь – это стремление к безусловному знанию. «Кто думает о самой истине, тот, конечно, не думает тут о своем я – не в том смысле, чтобы он *терял* самосознание, а в том, напротив, что он *приобретает* для своего пустого я новое и притом самое лучшее – безусловное содержание, хотя сперва лишь в замысле, в предварении» [8, с. 822].

Формулируя в конце жизни основные гносеологические принципы собственной метафизики, философ вновь отстаивает приоритет онтологизма, в том числе и в сфере познания. Философское мышление, уходя от «мнимой субстанциальности», перемещает «умственный центр тяжести» в «саму истину». Но это приводит и к радикальному онтологическому повороту: перемещается и сам «центр бытия» [8, с. 271]. В познающем субъекте Соловьев различает: душу, как эмпирический субъект; ум, как логический субъект, и дух, как собственно философский субъект. На уровне философского познания очевидной становится

условность «эмпирической отдельности и обособленности» «Я»: «Неизбежно философствующий субъект перестает сосредоточиваться на своей мнимой субстанциальности – умственный центр тяжести с внутренней необходимостью переставливается из его ищущего я в искомое, т.е. в саму истину, а эмпирическая отдельность и обособленность его я естественно отпадает по принадлежности в область житейского, практического сознания, переставшего ограничивать круг его истинного самосознания» [8, с. 821-822]. Для философской мысли «границы эмпирического обособления перестают существовать», разбитыми оказываются «оковы» эмпирического существования [8, с. 823]. Философский субъект становится в подлинном смысле сверхличным. Соответственно формулируется и основная гносеологическо-онтологическая задача философии: «Забыть о субъективном центре ради центра безусловного, всецело отдаться мыслью самой истине – вот единственно верный способ найти и для души ее настоящее место: ведь оно зависит от истины, и не от чего более» [8, с. 827].

Обоснование единства бытия и, прежде всего, бытия индивидуально-личностного, с религиозно-философской точки зрения, содержится в поздней статье Соловьева «Понятие о Боге» (1897). «Все существующее имеет в Божестве последнее или окончательное основание своего бытия, свою субстанцию». Эта всеединая и единственно реальная субстанция делает невозможным и даже абсурдным наличие любых иных субстанций (монад и пр.): «если бы даже безусловное основание чего бы то ни было находилось вне Бога, то оно ограничивало бы Его и тем упраздняло бы Его божество». Философ обращается к известным евангельским словам: «Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет её» (Мф. 10, 39) и предлагает их собственный, философский комментарий: «То, что в этом евангельском изречении называется душою, что мы обыкновенно называем нашим я, или нашей личностью, есть не замкнутый в себе полный круг жизни, обладающий собственным содержанием, сущностью или смыслом своего бытия, а только носитель или подставка (ипостасис) чего-то другого высшего» [7, с. 17, 20].

Принципиальное значение имеет утверждение философа о том, что его антропологическо-гносеологические идеи – это «не самоубийство метафизического существа» человека, а «только нравственное умерщвление его эгоизма» [7, с. 17]. «Существовать в собственном смысле значит быть субстанцией» [10, с. 821] и, в этом смысле,

подлинной реальностью бытия обладает только Бог, единственная, божественная субстанция. Человеческая же личность обретает онтологический статус всецело через «нераздельность и неслиянность» богочеловеческих отношений. Бытийственность человека как тварного существа в полной мере определяется связью с Творцом и предполагает, по убеждению Соловьева, непрекращающиеся творческие усилия каждого человека и человечества в целом на «сверхличных» путях Истины, Добра и Красоты. Ни в какой иной «субстанциональности» личность не нуждается, ее становление и полноценная жизнь раскрывается в истории «богочеловеческих отношений», в прошлом, настоящем и будущем. Поздний Соловьев отстаивал эту свою позицию исключительно последовательно. В статье «Идея человечества у Августа Конта» (1898) он настаивал на эфемерности – в онтологическом смысле – всякого отдельного, сугубо индивидуального бытия, признавая отдельного человека не более чем «абстракцией» по отношению к человечеству как «живому действительному существу» [5, с. 562].

Спор этот получил продолжение в статье Соловьева «Русская философия и литература» (Новости, 1891, №№ 160 и 173). Статья Соловьева была посвящена работе С.Н. Трубецкого «О природе человеческого сознания» (Вопросы философии и психологии, 1891, кн. 6, 7). Соглашаясь с позицией Трубецкого, он резко выступает здесь против лейбнианского персонализма и, непосредственно, против философских воззрений Лопатина [1, с. 69, 70]: «Понятие живого индивида, как существа безусловно простого и единичного, должно быть признано отвлеченною фикцией, за которою могут стоять только умы, лишенные научного образования, или, по крайней мере, незнакомые с новейшими результатами естественных наук». Человеческое я ни в коей мере не может признаваться чем-то самодостаточным, существующим в силу исключительно внутренних индивидуально-личностных факторов: «Если (употребляя механическую терминологию О. Конта) *статика* человеческой жизни определяется наследственностью и преданием, то ее *динамика* – исторические движения народов – обуславливается особыми внушениями собирательной общей воли» [3, Т. 3, с. 254-255].

Поразительно, в какой мере религиозный мыслитель-метафизик – никогда, заметим, чтобы обозначить некоторый общий контекст, не проявлявший как будто бы серьезного интереса к историческому детерминизму марксистской теории и начавший свой творческий путь с решительной

критики позитивизма – оказался способен воспринять всю серьезность аргументов (ссылка именно на О. Конта, в данном случае, конечно, не случайна), указывающих на фундаментальную важность проблемы многообразных форм жизненно-исторической *несвободы* человека. В этом отношении он безусловно предчувствует и, можно сказать, предвосхищает значение проблематики такого рода в философии XX в. Столь же определенно можно утверждать, что Соловьев, глубочайшим образом осознавая всю сложность *философской* апологии человеческой свободы в условиях буквально с каждым десятилетием набирающего силу процесса обезличивания человека и его деятельности, продолжал искать *философскую* альтернативу бесконечной цепочке всевозможных детерминистских моделей человеческого бытия. Соответственно, и полемизируя с Лопатиным, в воззрениях которого он подобной альтернативы *не находил*, Соловьев утверждает: «Если *существование* человеческого общества во всех его коренных формах и функциях основано на безличных и сверхличных данных, то его *положительный прогресс* зависит от личности и ее свободы, без которой нет ни права, ни власти, ни познания, ни творчества» [4, Т. 3, с. 256]. Свобода в этом смысле – это творческий проект человека. Но не человека суверенно-индивидуального, не духовной и социально-культурной *монады*, а личности, творчески утверждающей себя в процессах «сверхличных» и даже «безличных», и, тем самым, обеспечивающей возможность реального «положительного прогресса».

Соловьев ни в коей мере не желает жертвовать свободой и в сфере познания. Именно философия, по его убеждению, несет ответственность за гносеологическую свободу. «И помимо унаследованных традиционных начал, человек должен в свободе своего сознания логически мыслить и познавать *подлинную* истину, вселенскую правду и осуществлять ее в своем действии». Целью же творческих усилий человека и человечества в метафизике всеединства Вл. Соловьева является, как мы знаем, «богочеловеческий общественный организм, в котором всеобщее сверхличное бытие проявляет свой истинно-абсолютный характер, свою полноту и цельность, не подавляя и не пожирая индивидуальных существований, а исцеляя и воскрешая их» [4, Т. 3, с. 256-257].

Вопросу о свободе воли серьезное внимание уделяется в фундаментальном труде Вл. Соловьева «Оправдание добра» (1897). В книге не упоминаются русские персоналисты и, непосредственно, Лопатин, однако вполне очевидно, что именно

их представления о свободном творчестве личностей-субстанций критикуются достаточно систематически. В частности, это имеет отношение к развиваемой Соловьевым концепции нравственного детерминизма или идейно-разумной необходимости. О подобном детерминизме можно говорить в том случае, когда разум представляет воле «идею добра» или «нравственный закон» во всей «ясности и полноте». Нравственно детерминированное действие и есть действие «разумно-свободное». «Нравственность и нравственная философия всецело держится на разумной свободе, или нравственной необходимости, и совершенно исключает из своей сферы свободу иррациональную, безусловную, или произвольный выбор». Причем Соловьев специально оговаривает, что «разумная свобода» не есть «свобода воли» и настаивает, что «этика не только совместима с детерминизмом, но даже обуславливает собою высшее обнаружение необходимости» [8, с. 117].

Совершенно ясно, что по убеждению философа речь не может идти ни о какой трактовке воли как своеволия в области нравственных отношений. В сфере морали «воля есть только определяемое, а определяющее есть идея добра, или нравственный закон – всеобщий, необходимый и ни по содержанию, ни по происхождению своему от воли не зависящий» [8, с. 115]. При этом вполне допустимо говорить о *нравственной свободе* как свободе от механической и психологической необходимости. Именно эту свободу обретает человек, следуя «высшей необходимости абсолютного Добра». Как известно, Вл. Соловьев, вслед за своим учителем Д.П. Юркевичем, был склонен противопоставлять традицию платонизма кантианству. В «Оправдании добра» также содержится критика кантовского морализма. Однако в вопросе о недопустимости субъективистского своеволия в области нравственности русский метафизик особенно близок к идее категорического императива Канта: «Когда человек высокого нравственного развития с полным сознанием подчиняет свою волю идее добра, всестороннее им познанной и до конца продуманной, тогда уже для всякого ясно, что в этом подчинении нравственному закону нет никакого произвола, что оно совершенно необходимо» [8, с. 117].

В «Оправдания добра» Соловьев также обращается к вопросу о попущении Богом зла: «Бог отрицает зло как окончательное, или пребывающее, и в силу этого отрицания оно и погибает, но Он допускает его как *преходящее условие свободы, т.е. большего добра*. Бог допускает зло, поскольку, с одной стороны, прямое его отрицание или уничтожение было бы нарушением человеческой свободы,

т.е. большим злом, так как делало бы совершенное (свободное) добро в мире *невозможным*, а с другой стороны, Бог допускает зло, поскольку имеет в своей Премудрости *возможность* извлекать из зла большее благо, или наибольшее возможное совершенство, что и есть причина существования зла» [8, с. 260]. Соловьев, таким образом, приходит к выводу – в полной мере отвечающему основополагающим принципам христианского богословия – о свободе как необходимом и решающем условии нравственной жизни. Но для философа это именно «разумная свобода», исключающая всякий произвол в сфере нравственности. Иной свободы онтология всеединства просто не допускает. Иррациональность и произвол не попадают в ее пределы. Вл. Соловьев был склонен видеть в них лишь иллюзию свободы, скрывающую различные формы механического и психологического детерминизма. В этом смысле тяготение к злу – всегда есть выбор пути рабства, а не свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопатин Л.М. Вопрос о свободе воли // Аксиомы философии. Избранные статьи. М.: РОССПЭН, 1996. С. 21-83.
2. Лопатин Л.М. Положительные задачи человечества. Ч. I. Область умозрительных вопросов. М.: Типо-литография И.Н. Кушнеров и К°, 1911.
3. Мысль и слово. Философский ежегодник / Под ред. Г. Шпета. № II. М.: Изд. С. Сахарова, 1918-1921.
4. Письма В.С. Соловьева в 3 т. СПб.: «Общественная польза», 1908-1911.
5. Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 562-581.
6. Соловьев В.С. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва (в 9 т.). Т. 3. СПб.: «Общественная польза», б/г.
7. Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 1-8. Т. 8. Санкт-Петербург, Издание товарищества «Общественная польза», 1903.
8. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Издательство «Правда», 1989.
9. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
10. Соловьёв В.С. [Теоретическая философия] // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 757-831.

11. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьёва. Т. 2. М. Московский философский фонд, "Медиум". 1995.

REFERENCES

1. Lopatin, L.M., 1996. Vopros o svobode voli [The issue of freedom of will]. In: Lopatin, L.M., 1996. Aksiomy filosofii. Izbrannye stati. Moskva: ROSSPEN, pp. 21-83. (in Russ.)
2. Lopatin, L.M., 1911. Polozhitelnye zadachi chelovechestva. Ch. I. Oblast umozritelnykh voprosov [Positive tasks of humankind. Part I. Sphere of speculative questions]. Moskva: Tipo-litografiya I.N. Kushnerov i K°. (in Russ.)
3. Shpet, G. ed., 1918-1921. Mysl i slovo. Filosofskii ezhegodnik. №2 [Thought and word. Philosophical yearbook. № 2]. Moskva: Izd. S. Sakharova. (in Russ.)
4. Pisma V.S. Solovyova v 3 t. [Letters of V.S. Solovyov in 3 volumes]. Sankt-Peterburg: «Obshchestvennaya polza», 1908-1911. (in Russ.)
5. Solovyov, V.S., 1990. Ideya chelovechestva u Avgusta Konta [The idea of humankind in the works of Auguste Comte]. In: Solovyov, V.S., 1990. Sochineniya v 2 t. T. 2. Moskva: Mysl, pp. 562-581. (in Russ.)
6. Solovyov, V.S. Sbranie sochinenii Vladimira Sergeevicha Soloveva (v 9 t.). [Collection of works of Vladimir Sergeevich Solovyov (in 9 vol.)]. T. 3. Sankt-Peterburg: «Obshchestvennaya pol'za». (in Russ.)
7. Solovyov, V.S., 1903. Sbranie sochinenii. T. 1-8. [Collection of works. Volumes 1-8]. T. 8. Sankt-Peterburg: Izdanie tovarishchestva «Obshchestvennaya polza». (in Russ.)
8. Solovyov, V.S., 1989. Sochineniya v 2 t. [Works in 2 volumes]. T. 1. Moskva: Izdatelstvo «Pravda». (in Russ.)
9. Solovyov, V.S., 1988. Sochineniya v 2 t. [Works in 2 volumes]. T. 2. Moskva: Mysl. (in Russ.)
10. Solovyov, V.S., 1990. [Teoreticheskaya filosofiya] [Theoretical philosophy]. In: Solovyov, V.S., 1990. Sochineniya v 2 t. T. 1. Moskva: Mysl, pp. 757-831. (in Russ.)
11. Trubetskoy, E.N., 1995. Mirosozertsanie V.S. Solovyova [World-view of V.S. Solovyov]. T. 2. Moskva: Moskovskii filosofskii fond, "Medium". (in Russ.)

УДК 123.1

В.К. Чернусь*

«ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ СОЗНАНИЕ» Н.А. БЕРДЯЕВА

Предметом исследования является представление Н.А. Бердяева о сознании, именуемом в статье «трансцендентным сознанием», которое является альтернативой классически ориентированному гносеологическому сознанию. Сравнительная концепция сознания русского философа с феноменологическим подходом в западноевропейской традиции, автор рассматривает причины, по которым философ считает необходимым конструировать подобное сознание в субъекте, а также приходит к выводу о том, что ценностями «трансцендентного сознания» являются свобода, самосознание и субъект-субъектная коммуникация.

Ключевые слова: феноменология, интенциональность, одиночество, революция сознания, свобода, Дух, трансцендентное сознание

«**Transcendental consciousness**» of N.A. Berdyaev. VLADIMIR K. CHERNUS (National Research University Higher School of Economics)

The subject of the research is the category of *transcendental consciousness* in N.A. Berdyaev's philosophy, which appears as an alternative to the classically oriented epistemological consciousness. Comparing the concept of mind, developed by the Russian philosopher, with the phenomenological approach to the issue in the Western European tradition, the author examines the reasons for which Berdyaev considers it necessary to construct such a consciousness in a subject, and comes to the conclusion that the values of transcendental consciousness are freedom, self-consciousness and the subject-subjective communication.

Keywords: phenomenology, intentionality, loneliness, revolution of consciousness, freedom, Spirit, transcendental consciousness

Ложные установки сознания – источник рабства человека
Н.А. Бердяев

В данной статье центральной идеей является статус категории сознания в философском учении Н.А. Бердяева. Данная концепция русского философа отличается тем, что в ней приоритет изучения сознания означает примат свободы над бытием, к которой сознание должно прийти, а также примат субъекта – носителя сознания – над объектом, у которого нет ни сознания, ни самосознания. Выбор в пользу первичности бытия означал бы для философа путь традиционной метафизики с системой категорий – объектов, которые бы пы-

тались объяснить, познать и систематизировать бытие. Для Н.А. Бердяева объект не познаваем, поэтому для него невозможен проект эссенциальной философии бытия, т.к. можно много спорить о том, что есть бытие, о его структуре и содержании, но безусловным будет то, что мир объектов будет его частью. Если объект не познаваем, то, следовательно, не познаваемо и бытие во всей своей совокупности и полноте. Возможно лишь частичное знание о бытии. Поэтому Н.А. Бердяев избирает иную стратегию философствования, в основе которой лежит изучение субъекта и его сознания, т.к., по мнению философа, смысл бытия раскрывается через субъект, следовательно, изучение его сознания – важный аспект выбранной стратегии.

Результатом исследования сознания является попытка построения «трансцендентного сознания». «Философия есть наука о духе. Однако наука о духе есть прежде всего наука о человеческом существовании. Именно в человеческом существовании раскрывается смысл бытия. Бытие открывается через субъект, а не через объект. Поэтому философия с необходимостью антропологична и антропоцентрична. Экзистенциальная философия является познанием смысла бытия через субъект. Субъект экзистенциален. В объекте, напротив, внутреннее существование закрывается. В этом смысле философия субъективна, а не объективна. Она основана на духовном опыте» [7, с. 23].

Прежде чем приступить к анализу бердяевского понимания сознания, необходимо, на наш взгляд, проанализировать феноменологический подход к проблеме сознания и интенциональности, понять, почему он не устраивал Н.А. Бердяева. Согласно Э. Гуссерлю, главная способность сознания – это способность производить интенциональные акты, т.е. направлять себя на объект (См.: [3, с. 699]), который может быть как реальным, так и идеальным (как конкретным положением дел, так и сущностью) (См.: [15, с. 384-385]). Задача феноменологии – очистить сознание, посредством феноменологической редукции избавиться от психологических предпосылок сознания (вынести окружающий мир за скобки), познать вещи сами по себе. Анализ интенционального акта помогает познанию феномена.

Следует отметить, что сам Э. Гуссерль почти не употребляет категорию «Objekt», но использует категорию «Gegenstand» – буквально «то, что стоит напротив». В более поздних работах философ употребляет термин «Gegenstände» и говорит о направленности сознания на какие-либо предметы. В курсе лекций «Идея феноменологии» [14, с. 55] помимо понятия «Gegenstandlichkeit» (предметность) или «Gegenstandlichkeiten» (предметности) Э. Гуссерль употребляет категории «Gegenstand» (предмет) и «Object» (объект). Объяснением различия категорий может быть то, что «предмет» или «предметности» для Э. Гуссерля означает буквально «то, что стоит напротив», т.к. именно этот предмет конституируется сознанием и отличается от трансцендентального «объекта», существующего вне сознания.

Предметом феноменологии является область опыта, который составляет основания и предпосылки изначальных установок человеческого сознания. Исследовать данный опыт не просто, т.к. наше мышление уже исходит из некоторых психологических предпосылок. «Уяснить генезис пред-

метности, обнажить ее онтологические основания (т.е. основания субъект-объектных отношений) и тем самым расшифровать изначальный смысл мира», иначе говоря, «раскрыть структуры, которые изначальнее, чем наше сознаваемое “Я” и постигаемый им предмет», – такова задача феноменологической философии [13, с. 362].

Феноменология – это философское учение о том, как создается интенциональный феноменальный мир. Предметом феноменологии не является исследование мира ноуменального, который нельзя свести к миру воображаемому или фантазируемому в рамках феноменологической традиции. «В феноменологии фантазия или воображение обладают такой же значимостью, как и другие акты сознания, например, восприятие, которое Гуссерль рассматривал как приоритетный объект изучения. Он использует термины «фантазия» (*die Phantasie*) и «воображение» (*die Einbildung*) как синонимы, но чаще отдает предпочтение термину «фантазия», чтобы дистанцироваться от психологической традиции использования термина «воображение». При этом под словами «фантазия» и «воображение» он подразумевает два разных феномена» [16, с. 140].

По мнению Н.А. Бердяева, избавившись от психологического пласта «Я», Э. Гуссерль приходит к рациональной метафизике с идеей познания через понятие: «Для того, чтобы познавать предмет согласно феноменологической установке, нужно совершенно отречься от человеческого «Я», прийти в состояние совершенной пассивности, дать возможность самому предмету, самой сущности говорить во мне. Человек должен перестать существовать в акте познания. Познание происходит в сфере идеального логического бытия, а не в человеческой сфере» [9, с. 39].

Последователи Э. Гуссерля идут еще дальше и выносят за скобки уже не только суждения о существовании внешнего мира, но и сам субъект [2, с. 27]. Так, согласно Риширу, описание феномена не должно опираться на опыт феноменологического субъекта, т.к. в феноменологии постулируется асубъективное происхождение самого феномена [1, с. 113-116].

В подобном мире носителем субъектности становится сама интенциональность, которая из предиката субъекта становится самим носителем субъективности. Субъект становится интенсифицирующим объектом, наделенный индивидуальностью, но не субъектностью.

Самообъективация субъекта происходит на двух путях:

1. Во время интенционального акта в отношении своего «Я»;

* ЧЕРНУСЬ Владимир Константинович, соискатель школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: vlchernus@mail.ru

© Чернусь В.К., 2016

2. Согласие сознания на то, что «Я» является объектом для других сознаний, во время интенционального акта других сознаний в отношении моего «Я»;

В обоих случаях происходит согласие сознания с тем, что «Я» является объектом, тогда как «Я» – прежде всего субъект.

В первом случае сама интенциональность становится носителем субъектности. Но тогда *субъект познания превращается в предикат* познания. «Я»-интенциональность становится функцией объективированного познания объектом других объектов. Интенциональность, ставшая последним рубежом обороны субъектности, не выдерживает натиска объектности, т.к. сам Э. Гуссерль призывал избавить интенциональность от всякого субъективного пласта и взглянуть на вещи, как они есть без субъективных наслоений. Объект не может обладать субъектными свойствами, т.к. предикат объекта должен обладать объектными свойствами, и интенциональность, которая является последним носителем субъектности, становится носителем индивидуальности интенсифицирующего объекта.

Во втором случае, *воспринимая другого человека как объект и будучи воспринимаемым как объект другими людьми, сознание соглашается с тем, что оно тоже является объектом*. Отказ от субъектности и согласие стать объектом в глазах других людей – такой же по значимости негативный шаг, как и восприятие других субъектов сознанием в качестве объектов. В результате взаимной объективации субъектов человек становится интенсифицирующим объектом. И ставится вопрос о том, что объект тоже может обладать интенциональностью. Почему интенциональность должна быть привилегией исключительно субъекта? Возвращаясь к началу рассуждения, получается, что изначально был субъект и его предикат – интенциональность. Но в процессе развития идеи интенциональности субъект превращается в объект, а предикат интенциональность становится носителем субъектности. Но обладать признаком субъективности и быть субъектом – не одно и то же, т.к. объект может обладать не субъективными свойствами, но индивидуальными. Так субъектность становится индивидуальностью.

Согласие на объективацию своего «Я» другими сознаниями и объективация других людей – причина превращения «жизненного мира» субъектов в объекты. Субъекты посредством интенциональности превращают друг друга в объекты. И этот процесс обоюдный. Он основывается на том, что «Я» воспринимаю Другого как объект и соглаша-

юсь с тем, что «Другой» воспринимает меня в качестве объекта. Этот порочный круг некорректных коммуникаций приводит к коллективному суициду субъектности, на место которой становится индивидуальность, которая является лишь атрибутом объекта.

На вышеприведенное размышление можно возразить, что в феноменологии существует проблема интересности, которая связана с признанием наличия другого «Я», существованием других сознаний, равноправных моему собственному, других субъектов индивидуального опыта.

Э. Гуссерль заимствовал идею интересности из трансцендентальной философской традиции (Р. Декарт, И. Кант, Г. Фихте и др.). Наличие идеи множества субъектов полагалась им присущей самой структуре сознания. Тем самым трансцендентальная субъективность приравнивалась им к трансцендентальной интересности. Согласно Э. Гуссерлю, возможно мыслить Другого не только как объект феноменального мира, но и как субъект, который воспринимает тот же феноменальный мир как и я, а также воспринимает Меня как Другого. Наличие Другого в феноменальном мире является условием самосознания трансцендентально-феноменологического Я. Субъект узнает себя в Другом и Другого — в себе («узнавание» раскрывается Э. Гуссерлем в понятиях «интенциональности», «аналогизирующей аппрезентации» или ассоциативного осознания сходства «моего» тела и тела «другого», и т.п.) – и это ведет к формированию «жизненного мира», в котором и совершаются акты коммуникации, требующие взаимопонимания и самоидентификации их участников. Интересность, по Гуссерлю, не возникает в этих актах, а предшествует им; именно благодаря ей эти акты возможны; она служит гарантией того, что «субъективные реальности» постижимы: мы способны, в принципе, понять (по крайней мере, некоторые) цели, смыслы и интенции других людей; мир «моего» сознания является общим обиталищем человечества.

Таким образом, Э. Гуссерль предполагал наличие других субъектов в жизненном мире, но сознание воспринимало бы Другого все равно как объект, т.к. интенциональность в принципе не готова воспринимать ничего кроме объектов-феноменов. Э. Гуссерль признавал наличие других субъектов лишь по аналогии со своим «Я». Но воспринять другое «Я» как субъект интенциональность не в силах. Даже свое собственное «Я» в момент интенционального акта представляется мне объектом. Интенциональность Э. Гуссерля возможно

уподобить очкам, надевая которые человек видит только объекты. Поэтому последовательно проведенная логика стратегии классической Гуссерлевской феноменологии катастрофична: *происходит полное исключение субъекта из жизненной картины мира*.

Для того, чтобы избежать негативных последствий интенциональности, возможно сформулировать задачу по обоснованию «Я»-субъекта, который существовал бы не только как интенсифицирующий объект, но как обладающий онтологическим статусом субъект, который нельзя представлять в сознании как объект.

Наше сознание – это всегда «сознание-о». Но только ли на объект может быть оно направлено? Н.А. Бердяев пишет, что «один из величайших и неоправданных предрассудков гносеологии заключается в том, что познанию противостоит вне его находящийся предмет, объект, который в познании должен отражаться и выражаться» [9, с. 26].

Философия Н.А. Бердяева не противоречит феноменологической традиции, соглашаясь с тем, что человеческое сознание «по умолчанию» направлено на объекты, но расширяет ее границы, предлагая иной взгляд на интенциональность. Русский философ называет этот процесс *объективацией*, которая с некоторыми оговорками синонимична категории *интенциональности*. *Объективация – это деятельность сознания по превращению в объекты всего, на что оно направлено в феноменальном мире*.

Но в отличие от феноменологической традиции Н.А. Бердяев ставит под сомнение ценность феноменального мира как окончательного пространства существования человека. Он показывает, что в феноменальном мире (мире объектов) человек неизбежно становится объектом, но став объектом, он перестает быть и человеком, субъектом. Его субъектность остается лишь в области интенции интенсифицирующего объекта. Интенсифицирующий объект уже не субъективен, но индивидуален. Индивидуальность становится заменителем субъектности.

Н.А. Бердяев замечает, что Э. Гуссерль соиздал метод, но ничего этим методом не открыл [9, с. 42]. Метод феноменологической редукции бесполезен для Н.А. Бердяева, т.к. он исследует объект или сам процесс исследования объекта. Согласно Н.А. Бердяеву идея о «чистом познании» объекта основывается на идее того, что у объекта есть некая сущность, которую можно познать методом феноменологической редукции. Эта идея отсылает нас к эссенциальной философии с верой в познание через понятие. Для Н.А. Бердяева

ва объект не познаваем потому, что он состоит из бесконечного количества феноменов, которые в свою очередь состоят из бесконечного количества других феноменов-явлений. И так до бесконечности. Более того, объект не познаваем, т.к. не имеет самосознания, которым наделен субъект. С объектом возможно сообщение на уровне стимул-реакция, но не общение. Объект принципиально не познаваем, и все, что можно открыть методом феноменологической редукции, – это относительно «чистое понятие» об объекте.

Но проблема заключается в том, что понятие об объекте даже если и будет сформулировано посредством феноменологической редукции и будет «чистым» от субъективных наслоений, то объект, будучи погруженным в пространственно-временную сетку, неизбежно будет во времени менять свое соотношение (когерентность) по отношению к понятию, посредством которого объект познается. Иная проблема эссенциальной стратегии «философии объекта» заключается в том, что феномен, как и отмечал Кант, открывается нам бесконечным количеством явлений. И философия объекта не может «поймать» объект сам по себе.

Из этого можно сделать вывод о том, что *исследовать объект полезно, но бессмысленно*. Полезно потому, что, находясь в мире объектов, человеческое сознание адаптируется к нему, делая более комфортным свое временное пребывание в нем, полагая феноменальный мир своим домом. В психологии этот процесс назвали бы адаптивным поведением. А бессмысленно потому, что познание объекта-феномена осуществляется посредством разума, который оперирует языком и понятиями. Но за одним понятием-явлением скрывается другое и так до бесконечности. В ограниченной по времени человеческой жизни человек не может пройти бесконечный путь открывающихся вновь и вновь явлений-феноменов, для которых нужно придумывать новые понятия в языке. И даже бесконечное существование человечества и передача полученного знания потомкам отнюдь не гарантирует, что этот путь познания объекта будет когда-нибудь пройден.

В силу интенциональности сознания, которое превращает в объект все на что направляет свой взор, философия за свою более чем двухтысячелетнюю историю является за редким исключением «философией объекта». Современная философия, отказавшаяся от классической постановки вопроса о бытии и распавшаяся на множество философских дисциплин, также является «философией объекта».

Стратегия «философии объекта» заключается в том, что она изучает то, что есть. Этот подход

позволяет исследовать трансцендентальные объекты, которые даны нам либо в органах чувств, либо умозрительно как идея или идеальный объект. В отличие от Канта, который полагал, что есть «вещь-в-себе» объект, который может существовать за пределами пространства и времени и потому ограниченно познаваем, Н.А. Бердяев считал, что никакой объект не может существовать за пределами пространства и времени, потому что время – это состояние объекта. Мы можем помыслить трансцендентную идею или трансцендентный объект в виде той же платоновской идеи лошадности или регулятивных идей Канта (Бога, души, свободы), но где гарантия того, что эти идеи просто не имманентны нашему сознанию и существуют в нем до тех пор, пока существует сознание?

У Н.А. Бердяева есть замечательное выражение: ложные установки сознания – источник рабства человека [10, с. 382]. К этому можно добавить, что скорее ложная интенциональность сознания – направленность его на объект, а не на субъект – источник рабства человека. Под рабством можно понимать, как отсутствие свободы, так и отсутствие субъектности, а также зашоренность сознания, не способного видеть ничего кроме объектов вокруг себя.

Присутствуя в феноменальном мире, сознание путем интенциональных актов пытается укоренить человека в феноменальном мире, но подобное укоренение на практике означает самоубийство «Я»-субъекта и превращение его в интенсифицирующий индивидуальный объект. Если сознание выбирает феноменальный мир, то оно укореняет человека в нем, но оно же может совершить экзистенциальный прорыв из царства кесаря в царство Духа, из мира феноменального в мир ноуменальный. Человек – двойственное существо: он живет в феноменальном мире и подчинен его законам, но он же и субъект, существо духовное, свободное от власти этого мира. Понимать это можно антиномически.

Для того чтобы преодолеть классическую интенциональность, сознанию необходимо научиться воспринимать не только объекты, но и субъекты, т.е. сознанию в его созерцании должен быть открыт не только объект, но и нечто, что сохраняет свою субъектность, несмотря на его восприятие как объект.

Рационально объяснить процесс восприятия субъекта и то, чем он будет отличаться от восприятия объекта, сложно. Для этого Н.А. Бердяев вводит этическое учение, смысл которого заключается в том, что при направлении сознания

на человека необходимо обращать взор на центр экзистенциального «Я». Если в феноменологической редукции необходимо очистить сознание от предпосылочных субъективных суждений об объекте, то Н.А. Бердяев предлагает все ровно наоборот: необходимо очистить сознание от любых объектных представлений о субъекте. Взгляд сознания должен быть направлен на экзистенциальный центр субъекта при вынесении за скобки объектных представлений о нем. Этическая же составляющая состоит в том, что к каждому человеку нужно относиться как к субъекту, т.к. субъект в отличие от индивидуальных объектных явлений и самого объекта – это то, что подлинно есть.

Согласно Н.А. Бердяеву, субъект призван существовать в пространстве свободы и вечности. И задача человека стать «трансцендентальным субъектом», т.е. посредством «трансцендентного сознания» вырваться за пределы пространства и времени.

Человек не является ни объектом, ни субъектом в чистом виде. Он заброшен в феноменальный мир, где ему всюду видятся объекты. И глядя на объекты, человек невольно объективирует себя, превращаясь в объект.

Бог же, по мнению Н.А. Бердяева, присутствует исключительно в царстве Духа. Если бы Он действовал в объективированном мире, то был бы ответственен за зло и страдания, а человек был бы детерминирован Богом и не был бы свободен. Но Бог действует только в пространстве свободы, в которое человек должен попасть после *революции сознания*. Отсюда знаменитое замечание Н.А. Бердяева о том, что у Бога в этом мире власти меньше, чем у полицейского.

Человек должен стать более духовным, т.к. Дух открывается лишь Духу, и Бог существует и говорит лишь в пространстве Духа и свободы. Но это не значит, что объективированный мир бессмыслен и что при революции сознания от него нужно отвернуться. Согласно Н.А. Бердяеву, мир был создан потому, что Бог изначально возжелал свободы. Если бы Бог не хотел свободы, то вместо мира было бы неподвижное, изначально совершенное царство Божье, как необходимая предопределенная гармония [12, с. 46]. Но в таком мире человек не был бы свободен, а, следовательно, не мог бы быть в субъект-субъектных отношениях с Богом.

Н.А. Бердяев не отказывается радикально в своей философии от объектных категории, указывая лишь на иерархию субъекта и объекта. Субъект имеет примат над объектом, следовательно, субъектные категории (Дух, свобода, личность) имеют примат над объектными (бытие, наука,

культура). Исходя из парадигмы экзистенциальной философии, Н.А. Бердяев считает, что такая философия экспрессивна, на ней отпечатывается экзистенциальность познающего философа. Экзистенциальная философия исследует экзистенцию, т.е. целостное бытие до распада на объект и субъект. Так, например, Н.А. Бердяев отказывается Ж.П. Сартру в звании экзистенциального философа, потому что он остается в объектном мире [8, с. 301]. Противоположностью миру объектов будет Царство Духа, где не будет объектов, а самое главное – не будет отношения к чему-либо как к объекту [5, с. 275].

Для того, чтобы преодолеть субъект-объектный дуализм, необходимо перенести сознание с мира объектов. Субъект должен сначала разочароваться в объекте, испытать отчаяние. Здесь мы подходим к проблеме одиночества философа и философского *одиночества*.

Согласно русскому мыслителю, философия должна начинаться не с вопрошания об объекте, но с разочарования в объекте. И это разочарование – момент духовного опыта человека. Человек испытывает отчаяние от бессмысленности мира объектов, которое является первым шагом на пути к изменению интенциональности своего сознания. На первом этапе человек испытывает свое одиночество как невозможность и бессмысленность интенциональности (направленности своего сознания на объект). Интенциональность не выводит человека из его метафизического одиночества, лишь на время погружая его в субъект-объектные отношения. *Одиночество – это разочарование в направленности сознания на объект, т.к. объект не может стать для меня ни смыслом, ни другим «ты»*. В этот момент рождается самосознание человека как субъекта в мире объектов, и тогда возможна *революция сознания* – как отказ от интенциональности как направленности на объект, но перевод сознания на субъект. Революция сознания – это катарсис сознания, но катарсис иной, чем феноменологическая редукция, которая носит рациональный характер. Она носит сверхрациональный характер и во многом трагична.

Трагизм будет заключаться в том, что человек, переживший подобный экзистенциальный опыт, уже разочаровался в феноменальном мире, но его сознание еще не способно направлять свой взор в мир ноуменальный. О таком человеке пишут экзистенциально ориентированные философы, такие как Сартр, Камю.

«Одиноким постоянно совершает такой выход в объект, ежедневно пробует его совершить и от этого одиночество только усиливается, а не осла-

бляется. Это основная истина, что никакой объект не ослабляет одиночества. Одиночество преодолевается лишь в плане существования, оно преодолевается не встречей с «не-я», а встречей с «ты», которое тоже есть «я», не встречей с объектом, а встречей с субъектом» [4, с. 84].

Н.А. Бердяев считает, что чувство одиночества – это онтологическое выражение тоски по Богу как субъекту [10, с. 86], поэтому необходима революция сознания, которое должно оказаться способным воспринимать не только объект, но и субъект.

Бога, Духа нет в объективном миропорядке, однако космос есть в человеке, Бог есть в человеке, через человека есть выход в иной мир [17, с. 185]. Т.е. Бог, Дух имманентны человеческому сознанию. Они изначально присутствуют в нем как потенциальность, т.к. человек – это образ и подобие Бога. Задача же «революции сознания» превратить эту потенциальность в актуальность. Катализатором «революции сознания» может стать разочарованность в объекте.

Как уже было сказано выше, вместо категории *интенциональности* Н.А. Бердяев использует категорию *объективации*, которую считает необходимым преодолеть. Преодоление *объективации* или *интенциональности* происходит в субъективном опыте, который можно назвать духовным опытом и который состоит из нескольких этапов: разочарование в объекте, отчаяние, самосознание и, наконец, «революция сознания» как восприятие субъект-субъектных отношений как подлинной реальности и ценности.

«Революция сознания» погружает человека в иное пространство его существования, т.к. *человек существует в том пространстве, на которое направлено его сознание*. С одной стороны, пореволюционное сознание будет воспринимать других людей в качестве субъекта, а не объекта, а с другой, не будет соглашаться с тем, что другие сознания воспринимают его в качестве объекта. Таким образом, субъект с измененным «трансцендентным сознанием» должен стать тем локомотивом, который должен вывести «жизненный мир» трансцендентальных субъектов из порочного круга взаимной объективации: «Раньше или позже должна произойти революция сознания, которая освободит от власти объективированного мира, от гипноза так называемых объективных реальностей. Тогда и понимание откровения будет перенесено в экзистенциальную субъективность. Тогда и Истина будет понята не как детерминизм (логическая общеобязательность), а как экзистенциальная свобода» [6, с. 76].

Онтологическое обоснование «Я»-субъекта Н.А. Бердяев видит в свободе, которая понимается как пространство существования субъектов. Свобода или, заимствуя термин Я. Беме, *Ungrund* имеет примат над бытием или феноменальным миром. *Свобода – это пространство ноуменов-субъектов*. Свобода шире понятия как бытия, так и Бога: Бог существует в пространстве свободы, а бытие – это объективированная часть этого пространства. Свобода – это предельная категория, дальше которой уже нельзя идти. И онтологическое обоснование «Я» лежит в свободе.

Представления о бессодержательной свободе *Ungrund* – философская фикция. Бессодержательная свобода – это просто небытие, о котором мы ничего не можем сказать, т.к. в ней нет ничего, ни одной категории, уловимой в языке для познания хотя бы в понятии. Она не познаваема даже как объект, т.к. у нее нет феноменов-атрибутов, на которые можно было бы направить научный взгляд. Но Дух приходит в *Ungrund*, в Ничто и наполняет его смыслом. Так ничто, небытие, бессодержательная свобода, *Ungrund* из негативной становится позитивной. Отдельно взятая свобода без Духа – это бездна, абсолютно непроницаемая для познающего сознания. Но свобода обретает смысл, когда в нее (в ничто) приходит Дух-субъект. Она становится пространством существования Духа, пространством существования субъекта в широком смысле слова.

Бог-субъект творит мир из ничто, т.е. из свободы, актуализирует ее потенциальность. Но в результате актуализации свободы получается человек и мир объектов. Н.А. Бердяев называет этот процесс объективацией. Мир объектов – застывшая свобода, которая превращается в свою противоположность. Из пространства субъектов – в пространство объектов, из вечности – в пространство и время. И человек погружается в мир объектов.

Так разыгрывается драма человека, который, по замыслу Творца, должен прийти из феноменального мира в мир ноуменальный. Человек должен свободно возжелать преодоления феноменального мира, и сознание играет при этом важную роль. Когда сознанию человека приоткрывается ноуменальное пространство свободы, он становится агентом свободы, т.е. через него ноуменальное пространство прорывается в феноменальный мир.

В конце жизни Н.А. Бердяев честно признался, что всю свою жизнь он писал «философию свободы» [11, с. 300], постоянно усвершенствуя и размышляя о ней.

Ф.М. Достоевский в «Записках из подполья» писал, что страдание – «единственная причина сознания» [12, с. 161]. Сам Н.А. Бердяев отмечал, что сознание возникает в страдании и боли [9, с. 75]. Можно сделать вывод о том, что состояние страдания в мире объектов – это способ оставаться субъектом в нем, но для человеческой психики это тяжкое испытание.

Согласно Н.А. Бердяеву, сознание играет двойственную роль: оно объективирует все вокруг себя, превращает в объекты все, на что оно направлено, но оно же – единственный инструмент, данный нам Богом для преодоления объективации и прорыва в ноуменальное царство.

Разочаровавшись в объекте и пройдя путь страдания как онтологической тоски по иному субъекту, сознание становится способным совершить «революцию сознания», направить свой умственный и познавательный взор не только на объект, но на субъект в феноменальном мире и направить свой взгляд за пределы феноменального мира, на мир ноуменальный, на пространство Духа и Бога, которые будут уже не объектами в моем сознании, но субъектами, т.е. сознание получает возможность стать «сознанием трансцендентным», превращая своего носителя из обычного человека, в «трансцендентный субъект», который, будучи физически телом в мире объектов, будет способен находиться своим сознанием в ноуменальном пространстве за пределами пространства и времени.

И что ожидает сознание в этом ноуменальном пространстве свободы? Как его познавать? Старые гносеологические методы сознания не годятся, т.к. ориентированы преимущественно на познание объекта. В этом пространстве сознание столкнется с Духом и наполненной онтологическим содержанием и смыслом свободой-*Ungrund*.

Но, по мнению Н.А. Бердяева, к познанию Духа и свободы нельзя подходить, вооружившись классической рациональностью [5, с. 251]. Невозможно дать рациональное определение Духу или свободе, т.к. они сразу превратятся в объект, в понятие, категорию, в подобном определении. Нельзя познать Дух через понятия, но можно вести духовную жизнь, в которой будут открываться человеку признаки Духа: свобода, творчество, а также законы Духа. Познание Духовных законов – отдельная тема на стыке философии и духовного опыта.

О Духе сложно говорить на языке рациональности. Его познание носит скорее апофатический характер. Например, нельзя сказать, что Дух – это

бытие, но Духу принадлежит примат над бытием, т.к. Дух – это свобода, а свободе принадлежит примат над бытием, точнее свобода – это пространство, где обитает Дух. Духу присуща глубина и символизм. Это путанное рассуждение показывает динамизм познания ноуменального мира, оно не статично, но находится в постоянном изменении. «Трансцендентному сознанию» будут открываться каждый раз новые и новые грани этого ноуменального космоса.

По признанию самого Н.А. Бердяева, он никогда не чувствовал себя частью мира объектов. Он всегда был ему чужд [4, с. 287]. Ощущение отчужденности преследовало его всю жизнь. По воспоминаниям его современников, он приходил из другого мира и уходил в другой мир.

Выбор «трансцендентного сознания» лежит в области аксиологии, т.к. ценности этого сознания: свобода, самосознание, субъектность, вечность, субъект-субъектная коммуникация, а не познание. Возвращаясь к началу рассуждения о выборе Н.А. Бердяевым первичности сознания, а не бытия, этот выбор трансформируется в вопрос о выборе между ценностями «существовать» или «знать».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Richir, M., 1997. Doute hyperbolique et «machiavélisme»: l'institution du sujet modern chez Descartes. Archives de la philosophie, Vol. 60, no. 1, pp. 109-122.
2. Richir, M., 2000. Phénoménologie en esquisses. Grenoble: Éd. Jérôme Millon.
3. The Encyclopedia Britannica. 14-th edition. Vol. 17. London, 1939.
4. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. М.: Фолио, 2004.
5. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М., 2004.
6. Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб., 1996.
7. Бердяев Н.А. Мое философское мирозерцание // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1994.
8. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. Сартр и судьба экзистенциализма. СПб., 1996.
9. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М., 2003.
10. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической Духовности. М., 2004.
11. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 2004.
12. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
13. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М., 1997.

14. Гуссерль Э. Идея феноменологии. Пять лекций. СПб., 2008.

15. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. М.: ДИК, 2001.

16. Детистова А.С. Феноменологический проект М. Ришира: фантазия как измерение феноменологического // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 139-148.

17. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10-ти т. Т. 4. М., 1956.

18. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.enc-dic.com/enc_epist/Intersubektivnost-172.html

REFERENCES

1. Richir, M., 1997. Doute hyperbolique et «machiavélisme»: l'institution du sujet modern chez Descartes. Archives de la philosophie, Vol. 60, no. 1, pp. 109-122. (in French)
2. Richir, M., 2000. Phénoménologie en esquisses. Grenoble: Éd. Jérôme Millon. (in French)
3. The Encyclopedia Britannica. 14-th edition. Vol. 17. London, 1939.
4. Berdyaev, N.A., 2004. Ya i mir ob'ektov [The world of objects and myself]. Moskva: Folio. (in Russ.)
5. Berdyaev, N.A., 2004. Dukh i real'nost' [Spirit and reality]. Moskva. (in Russ.)
6. Berdyaev, N.A., 1996. Istina i Otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia [Truth and Revelation. Prolegomena to Revelation criticism]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
7. Berdyaev, N.A., 1994. Moe filosofskoe mirosozertsanie [My philosophical world view]. In: N.A. Berdyaev: pro et contra. Antologiya. V 2 kn. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta. (in Russ.)
8. Berdyaev, N.A., 1996. Na poroge novoy epokhi. Sarr i sud'ba ekzistentsializma [On the threshold of a new era. Sartre and the destiny of existentialism]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
9. Berdyaev, N.A., 2003. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki [The destiny of man. An experience of paradoxical ethics]. Moskva. (in Russ.)
10. Berdyaev, N.A., 2004. Opyteskhatologicheskoy Dukhovnosti [Experience of eschatological Spirituality]. Moskva. (in Russ.)
11. Berdyaev, N.A., 2004. Samopoznanie [Self-knowledge]. Moskva. (in Russ.)
12. Berdyaev, N.A., 1990. Smysl istorii [The meaning of history]. Moskva. (in Russ.)

13. Gaydenko, P.P., 1997. Proryv k transtsendentnomu: Novaya ontologiya XX veka [A break to the transcendental: New ontology of the 20th century]. Moskva. (in Russ.)

14. Husserl, E., 2008. Ideya fenomenologii. Pyat' lektsiy [Idea of phenomenology. Five lectures]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

15. Husserl, E., 2001. Logicheskie issledovaniya [Logical investigations]. T. 2. Moskva: DIK. (in Russ.)

16. Detistova, A.S., 2012. Fenomenologicheskii proekt M. Rishira: fantaziya kak izmerenie

fenomenologicheskogo [Phenomenological project of M. Rishir: imagination as a phenomenological dimension], Voprosy filosofii, no. 6, p. 139-148. (in Russ.)

17. Dostoevskiy, F.M., 1956. Zapiski iz podpol'ya [Notes from underground]. In: Dostoevskiy, F.M., 1956. Sobranie sochineniy v 10-ti t. T. 4. Moskva. (in Russ.)

18. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. URL: http://www.enc-dic.com/enc_epist/Intersubektivnost-172.html (in Russ.)

